

Н. Д. ДУРМАНОВ

С О В Е Т С К И Й
У Г О Л О В Н Ы Й З А К О Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1967

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ВВЕДЕНИЕ

I. Советский уголовный закон — одно из важных орудий Советского государства для борьбы с общественно опасными посягательствами; в особенности значительна его роль в предупреждении преступлений. Вместе с тем советский уголовный закон является одним из орудий охраны прав и свобод граждан. Определяя точные рамки уголовной ответственности, уголовный закон тем самым охраняет граждан от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения за деяние, не являющееся преступлением, либо от применения наказания, не соответствующего характеру и тяжести преступления и степени опасности личности виновного.

Советское уголовное законодательство не имеет ничего общего с действовавшим до Великой Октябрьской социалистической революции законодательством царской России и Временного правительства, оно принципиально противоположно и уголовному законодательству зарубежных капиталистических государств¹. «Советские законы, воплощая в себе проверенные жизнью нормы социалистического правопорядка, являются выражением воли всех трудящихся. Они проникнуты заботой о на-

¹ См. Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. М., Госюриздат, 1948; А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев, Б. С. Утевский. История советского уголовного права. М., Госюриздат, 1948; П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права. М., Госюриздат, 1954; «Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР». М., Госюриздат, 1953; «Сорок лет советского права. 1917—1957», тт. I и II. Изд-во ЛГУ, 1957.

роде и надежно оберегают наш общественный строй, интересы и права советских граждан», — говорится в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIII съезду КПСС¹. Это в полной мере относится и к советским уголовным законам. Советское уголовное законодательство, как и все советское законодательство, создано, развивалось и совершенствуется на основе незыблемых принципов марксизма-ленинизма, на основе указаний В. И. Ленина, решений Коммунистической партии Советского Союза. Нормы советского уголовного закона, как и других советских законов, выражают объективные закономерности поступательного развития нашего общества.

И. В. И. Ленин сформулировал основные положения советского социалистического права, как права нового высшего типа, которые являются базой законодательства, относящегося к различным отраслям советского права, в том числе и к уголовному праву; дал ряд принципиальных указаний по вопросам борьбы с преступностью, полностью сохраняющих все свое значение и в настоящее время.

Огромное значение для развития советского уголовного законодательства имела и имеет непосредственная законодательная деятельность В. И. Ленина, прямо или косвенно касающаяся вопросов уголовного права, судостроительства и уголовного процесса.

Многие уголовные законы или уголовноправовые статьи законов написаны лично В. И. Лениным или же им редактированы с внесением дополнений, изменений, поправок, имеющих первостепенное и непреходящее значение.

Так, уже в Декрете о земле, принятом в первые сутки существования Советской власти Вторым съездом Советов, В. И. Ленин определил огромное значение вновь созданной Октябрьской революцией народной собственности и сформулировал положение о том, что какая бы то ни была порча (и, само собой разумеется, хищение. — *Н. Д.*) конфискуемого по декрету имущества, принадлежащего отныне всему народу,

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1966, стр. 102.

объявляется тяжким преступлением¹. Эти положения легли в основу издававшихся в дальнейшем законов об охране социалистической собственности от преступных посягательств.

В проекте Положения о рабочем контроле, написанном через несколько дней после Октябрьской революции, В. И. Ленин включил специальную статью об уголовной ответственности виновных в нерадивости, сокрытии запасов, отчетов и пр. с санкцией в виде конфискации всего имущества и тюремного заключения до 5 лет (ст. 6)². Эта санкция была направлена против попыток капиталистов сорвать проведение рабочего контроля над их предприятиями, поэтому на первое место в санкции поставлена конфискация всего имущества.

Проект декрета о регистрации акций, облигаций и прочих процентных бумаг несколько раз исправлялся В. И. Лениным и направлялся им ведомствам для доработки. В результате доработок в проект, в частности, было включено примечание к одной из статей, устанавливавшее уголовную ответственность владельцев и держателей акций, не исполнивших предписаний декрета, с санкцией в виде заключения в тюрьме на срок от одного года, и ответственность за совершение фиктивных сделок, направленных в обход декрета, как за более тяжкое преступление с санкцией в виде заключения в тюрьму на срок не менее двух лет. В. И. Ленин перенес это примечание в другое место, что придало полную точность уголовноправовой норме³.

Суровость репрессии объясняется тем, что предусмотренные декретом преступления, совершавшиеся капиталистическими элементами, выражали их сопротивление революционным социалистическим преобразованиям.

В записке Ф. Э. Дзержинскому от 7(20) декабря 1917 г. В. И. Ленин поставил вопрос об издании декрета о борьбе с обнаглевшими контрреволюционерами и саботажниками, в котором, в частности, намечалась подача специальных заявлений лицами, принадлежащими

¹ См В. И. Ленин Соч., т. 26, стр. 226.

² См. там же, стр. 241—242.

³ «Декреты Советской власти», т. II. М., Госполитиздат, 1959, стр. 130—138.

к богатым классам, с указанием адреса, дохода, своей службы и своих занятий.

Ст. 3 проекта декрета содержала уголовноправовую норму с четким определением как объективной стороны деяний, так и субъектов преступления и санкции: «Лица, виновные в неисполнении настоящего закона (в непредставлении заявлений или в подаче ложных сведений и т. п.), а равно члены домовых комитетов, виновные в несоблюдении правила о хранении этих заявлений, сборе их и представлении в указанные учреждения наказываются денежным штрафом до 5000 р. за каждое уклонение, тюрьмой до 1 года или отправкой на фронт, смотря по степени вины»¹.

В ст. 4 устанавливалась ответственность лиц, виновных в саботаже работы или в уклонении от работы в банках, государственных или общественных учреждениях, акционерных предприятиях, железных дорогах и т. п. Наказание то же, что и в ст. 3.

Здесь особенно обращает на себя внимание дифференциация ответственности «смотря по степени вины» и в соответствии с этим установление альтернативной санкции, а также установление высокого размера штрафа, поскольку речь идет о лицах из богатых классов, причем штраф устанавливается каждый раз за каждое нарушение. Санкция очень гибкая и действенная для осуществления в данных исторических условиях целей общей и специальной превенции.

На необходимость большого разнообразия мер борьбы с общественно опасными элементами Ленин особенно ярко указал в статье «Как организовать соревнование». Он писал: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и туеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике... Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых, от блох—жуликов, от клопов—богатых и прочее и прочее... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает—ибо только практика мо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 337.

жет выработать — *наилучшие* приемы и средства борьбы»¹. В статье был назван ряд мер, в том числе и уголовноправового характера.

III. 8 мая 1918 г. по предложению В. И. Ленина был издан декрет Совета Народных Комиссаров «О взяточничестве».

Глубоко возмущенный приговором Московского революционного трибунала от 2 мая 1918 г., которым четыре сотрудника следственной коллегии были приговорены за получение взятки к шести месяцам тюрьмы, Ленин 4 мая 1918 г. внес в ЦК РКП(б) предложение исключить из партии членов трибунала, которые вместо расстрела взяточников вынесли такой издевательски слабый и мягкий приговор, совершив поступок, позорный для коммуниста и революционера².

В Записке к наркому юстиции Д. И. Курскому Ленин писал о необходимости «*тотчас*, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.) должны быть

не ниже

десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»³.

В представленном Наркоматом юстиции проекте декрета Ленин внес важные изменения и дополнения. Он смягчил наказание за взяточничество без отягчающих обстоятельств, исключив конфискацию имущества. Вместе с тем был включен новый пункт (п. 5) об особо опасном в тот период виде взяточничества. Когда лицо, берущее или дающее взятку, принадлежит к имущим классам и пользуется взяткой для сохранения или получения привилегий, связанных с правами собственности, то все его имущество подлежит конфискации, а сам виновный приговаривается к наиболее тяжелым и неприятным принудительным работам⁴.

В этом декрете были определены и многие принципиальные положения Общей части советского уголовного права, развитые в последующем законодательстве, в том числе об ответственности за покушение и соуча-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 375.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 290.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 271.

⁴ «Декреты Советской власти», т. II, стр. 240—242.

стие в преступлении, определено широкое понятие должностного лица как субъекта должностного преступления, установлено, что ответственное положение лица, совершившего должностное преступление, влечет не смягчение наказания или освобождение от него, как в уголовном праве дореволюционной России и в зарубежных капиталистических государствах, а усиление ответственности и т. д.

В 1921 г. в Записке Председателю Малого Совнаркома в связи с обсуждением проекта нового декрета о борьбе со взяточничеством В. И. Ленин писал: «Нет ли тут ослабления наказания?... Можно лишь *усиливать* наказание»¹.

Рассматривая 8 мая 1918 г. проект декрета от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»², В. И. Ленин внес много важных дополнений и исправлений. Он предложил определить в декрете, что владельцы хлеба, имеющие излишки его и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже десяти лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины³.

Декрет был издан в условиях, когда очень тяжелое положение с продовольствием требовало самых решительных и быстрых мер в борьбе с кулачеством, намеренно саботировавшим вывоз хлеба.

IV. Таким образом, в отношении наиболее опасных преступлений, прежде всего преступлений, выражающих яростное сопротивление капиталистов, помещиков, кулаков и других классово враждебных элементов социалистическим преобразованиям, В. И. Ленин указывал на применение суровых репрессий. Однако в отношении преступлений, не представляющих значительной общественной опасности и тем более сравнительно малозначительных, В. И. Ленин предлагал применять мягкие и весьма мягкие меры, а в ряде случаев применять не уголовные наказания, а другие меры.

¹ Ленинский сборник XXXVI, стр. 310

² СУ РСФСР 1918 г. № 35.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 321.

В наброске Проекта Программы РКП(б) В. И. Ленин в области наказания признавал необходимым увеличение процента условного осуждения и процента общественного порицания, замену лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому, замену тюрьмы воспитательными учреждениями, введение товарищеских судов для известных категорий и в армии, и среди рабочих¹.

Программа партии, принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г., в соответствии с этими положениями Ленина отметила, что «в области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов»². Далее в Программе говорилось, что суды и впредь должны действовать в том же направлении.

В письме П. А. Богданову о волоките с внедрением плугов Фаулера В. И. Ленин считал самым важным, имеющим выдающееся общественное значение, осуждение волокиты и виновных в неустранении волокиты и нераспорядительности судом гласности, ограничившись на первый раз мягчайшим приговором ввиду исключительно редкой добросовестности обвиняемых³.

В письме «О «двойном» подчинении и законности» В. И. Ленин писал о суде, что он имеет право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными⁴.

В приведенных выше и многих других декретах, написанных, редактированных или подписанных

¹ Ленинский сборник XIII, стр. 85.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., Госполитиздат, 1954, стр. 419.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 513—515.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 327.

В. И. Лениным, проведена четкая и последовательная дифференциация ответственности с тем, что в отношении менее виновных применяются более мягкие наказания.

В законодательстве, изданном при жизни В. И. Ленина, в частности в многочисленных актах амнистий¹, неуклонно проведен принцип, что при отпадении общественной опасности деяния или виновного он освобождается от наказания, при уменьшении этой опасности наказание существенно смягчается. Многие акты амнистии были изданы в разгар ожесточеннейшей вооруженной борьбы против первого в мире социалистического государства со стороны империалистов всего мира и внутренней контрреволюции; непрерывных попыток подорвать рабоче-крестьянскую власть путем заговоров, террористических покушений, организации шпионажа и организованного саботажа. Тем не менее Советское государство, руководимое великим Лениным, находило возможным освобождать от наказания и смягчать наказание тем виновным, наказание которых не вызывалось крайней необходимостью.

V. Принципы и общие положения советского уголовного права, содержащиеся в трудах В. И. Ленина и законах, изданных при его жизни, воплощены и во всем действующем уголовном законодательстве.

Кодификация советского уголовного законодательства была в исключительно короткий срок успешно осуществлена при жизни и по указаниям В. И. Ленина. 15—17 мая 1922 г. он непосредственно ознакомился с проектом УК РСФСР, беседовал о нем с народным комиссаром юстиции РСФСР Д. И. Курским и затем, в дополнение к беседе 17 мая 1922 г., направил Д. И. Курскому письмо, в котором изложил ряд принципиальных положений и лично сформулировал основы некоторых важных статей Уголовного кодекса². Проект УК был доработан в соответствии с указаниями В. И. Ленина. УК РСФСР 1922 г. был принят ВЦИКом 24 мая 1922 г. и введен в действие с 1 июня 1922 г.

¹ Текст актов амнистии, изданных в РСФСР в первые годы Советской власти, см. в кн.: П. С. Ромашкин. Амнистия и помилование в СССР. М., Госюриздат, 1959.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 321—322, 474, 493—494.

В том же 1922 г. УК были изданы и в других советских республиках.

В основе изданных в дальнейшем общесоюзных уголовных законов и УК союзных республик, в том числе общесоюзных уголовных законов 1958 г. и УК союзных республик 1959—1961 гг., лежит Уголовный кодекс 1922 г., созданный при непосредственном участии В. И. Ленина.

VI. Уголовные законы, принятые Верховным Советом СССР и Верховными Советами союзных республик с 1958 г., в совокупности представляют систему уголовно-правовых норм Советского общенародного государства. Это уголовное законодательство имеет большое значение для развития советского уголовного права и советской науки уголовного права.

В борьбе за осуществление указанных Программой КПСС великих задач, стоящих перед Советским государством, существенную, хотя и вспомогательную роль играет и советский уголовный закон. Он призван охранять советский общественный и государственный строй, социалистическую собственность, личность, права граждан и весь социалистический правопорядок от преступных посягательств, для чего в законе определено, какие общественно опасные деяния являются преступными, и установлены наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим эти преступления (ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.).

Охрана государственных, общественных и личных интересов от общественно опасных посягательств осуществляется многими путями, в частности оперативной деятельностью органов, охраняющих государственную и общественную безопасность и общественный порядок, деятельностью дружин по охране порядка, деятельностью отдельных граждан по предупреждению и пресечению преступлений, огромной воспитательной и профилактической работой, проводимой государственными органами и в особенности общественностью и др. Советский уголовный закон осуществляет эту задачу в тех формах, какне указаны в ст. 1 названных Основ.

Весьма важное значение для борьбы с преступлениями и другими антиобщественными действиями имеют

принятые в июле 1966 г. решения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка¹. Разработанная в этих решениях с учетом пожеланий и требований трудящихся, общественных организаций и государственных органов система разносторонних мероприятий создает условия для решительного искоренения хулиганства и иных антиобщественных явлений.

В решениях подчеркивается, что задача искоренения преступности и причин, ее порождающих, является всенародным делом.

Преступные действия глубоко чужды самой природе советского строя, вызывают справедливый гнев народа и становятся все более нетерпимыми. Борьба с преступностью и порождающими ее причинами ведется в интересах всех честных тружеников, и участие в этой борьбе — долг каждого советского человека.

В принятых решениях определены задачи партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, милиции, прокуратуры, суда, советских граждан по укреплению социалистической законности и искоренению преступности, развитию активности трудящихся в этом деле, улучшению воспитательной работы среди населения

Большое значение придается в этих решениях партии и государства роли советского уголовного закона; внесены и намечены существенные дополнения и изменения уголовных законов.

VII. Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан. Коммунизм несет трудящимся новые великие права и возможности. Партия ставит задачей искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих. «Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания», — говорится в Программе

¹ «Правда», 27 июля 1966 г.

КПСС¹. В Программе партии указывается, что в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности.

В период строительства коммунизма вся система государственных и общественных организаций воспитывает трудящихся в духе добровольного добросовестного исполнения своих обязанностей. В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль морального фактора в жизни общества.

«Принуждение никогда не являлось главным методом в деятельности социалистического государства; сейчас сфера принуждения еще более сужается, она обращена своим острием лишь против агентуры, засылаемой империалистическими государствами, а также против воров и жуликов, расхитителей общественной собственности, тунеядцев, злостных хулиганов, убийц и других антиобщественных элементов», — говорил товарищ М. А. Суслов в речи на XXI съезде КПСС².

Главной функцией советского уголовного закона все более и более становится предупреждение преступлений и оказание общевоспитательного воздействия. Нормы советского уголовного права, содержащиеся в уголовном законе общенародного государства, выполняют прежде всего функции убеждения, и эта их роль все возрастает, а их принудительное действие все более сокращается.

VIII. В уголовном законодательстве общенародного государства значительно сужаются пределы уголовной ответственности и многие, ранее наказывавшиеся по нормам уголовного закона проступки влекут применение мер общественного воздействия или мер административного или дисциплинарного характера. Вместе с тем существенно смягчается уголовная ответственность за многие деяния, которые остаются в числе преступных и наказуемых, но не относятся к числу представляющих большую общественную опасность.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М., Госполитиздат, 1962, стр. 400.

² «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. I. М., Госполитиздат, 1959, стр. 361.

Сужение и смягчение уголовной ответственности в Советском уголовном законодательстве 1958—1965 гг. коснулось большого числа тех деяний, которые можно признать не представляющими большой общественной опасности; сужение осуществлено нормами как Общей, так и Особенной части уголовного права.

Однако сужение и смягчение уголовной ответственности отнюдь не относится ко всем преступлениям и не означает умаления роли уголовного законодательства, особенно в борьбе с тяжкими преступлениями. Программа КПСС указывает, что «пока имеются проявления преступности, необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни».

Постановление июньского (1963) Пленума ЦК КПСС требует применения решительных мер в отношении стяжателей, воров, спекулянтов и других преступников: «Против них необходимо вести беспощадную борьбу, используя всю мощь общественного воздействия и всю силу советских законов»¹.

В виде исключения вновь устанавливается уголовная ответственность за отдельные общественно опасные деяния, ставшие нетерпимыми и требующими применения уголовной репрессии. Иногда новые составы преступлений включаются не потому, что вновь устанавливается их наказуемость, а потому, что при издании уголовных кодексов не было учтено отпадение наказуемости данных опасных деяний с исключением аналогии.

В отношении же преступных деяний, представляющих большую общественную опасность, и наиболее злостных преступников сохраняется, а в ряде случаев усиливается уголовная репрессия.

Усиление уголовной ответственности за отдельные преступления вызвано не ростом числа этих преступлений, а возросшей нетерпимостью народа к данным преступлениям и явным несоответствием наказания по прежнему законодательству значительной степени тяжести данного преступления.

¹ «Постановления Пленума Центрального Комитета КПСС, июнь 1963 г.». М., Политиздат, 1963, стр. 8.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г.¹ усилена ответственность за хулиганство. В преамбуле Указа говорится, что в условиях развернутого коммунистического строительства все более нетерпимыми становятся любые антиобщественные проявления, в особенности факты хулиганства, причиняющие большой вред обществу, оскорбляющие честь и достоинство советских граждан; на почве хулиганства совершаются другие тяжкие преступления. Трудящиеся нашей страны, говорится в Указе, справедливо требуют, чтобы хулиганы и дебоширы несли строгую ответственность за свои действия. Необходимо создать такую обстановку, при которой каждый случай хулиганства пресекался государственными органами и советской общественностью.

В числе мер, обеспечивающих защиту интересов граждан, проявляющих инициативу в борьбе с преступлениями Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 августа 1966 г.² изменена ст. 193 УК РСФСР, предусмотрена уголовная ответственность за угрозу или насилие в отношении граждан в связи с их действиями по предупреждению и пресечению преступных проявлений и нарушений общественного порядка.

В целом действующее уголовное законодательство существенно сужает и смягчает уголовную ответственность.

IX. В Программе КПСС говорится, что партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности. Долг советских людей — стоять на страже законности и правопорядка, проявлять нетерпимость к злоупотреблениям и бороться с ними.

Система юридических гарантий социалистической законности — одно из выражений демократизма нашего государственного строя.

В приветствии Центрального Комитета КПСС и Президиума Верховного Совета СССР Верховному Суду СССР, всем работникам советских судебных органов в связи с сорокалетием образования Верховного Суда

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30.

² «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1966, № 32.

СССР указывалось, что вся деятельность советских судебных органов основана на ленинских принципах подлинного демократизма и строжайшего соблюдения законности, что работники судебных органов «охраняют от преступных посягательств интересы государства и общества, законные права и интересы советских людей, помогают воспитывать их в духе благородной коммунистической морали, точного и неуклонного исполнения советских законов»¹. В приветствии выражена уверенность в обеспечении строгого соблюдения социалистической законности, дальнейшего развития и совершенствования демократических основ советского правосудия.

Советское общенародное государство, являющееся основным орудием в руках советского народа для коммунистического преобразования общества, осуществляет дальнейшее развитие и укрепление советской законности и правопорядка.

В качестве одной из важнейших задач государства как общенародной организации Программа КПСС указывает на охрану прав и свобод советских граждан, социалистического правопорядка и социалистической собственности.

Начала законности, демократизма, гуманизма в советском уголовном праве неуклонно развиваются и углубляются. В области охраны демократических прав и свобод граждан особое внимание в уголовном законе и его применении уделяется четкому определению рамок уголовной ответственности и ее дифференциации и на усиление охраны личности и прав граждан от преступных посягательств.

В упомянутых решениях партии и государства указывается на большую опасность для общества злостного хулиганства, посягательств на жизнь, здоровье и достоинство граждан и определяются меры, усиливающие борьбу с этими посягательствами.

Х. Весьма важными новыми положениями советского уголовного закона, направленными на дальнейшее укрепление социалистической законности, следует признать законодательное определение оснований уголовной ответственности (ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.) и отмену ана-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3, стр. 1.

логии в уголовном законе. Основы дали развернутое научное определение оснований уголовной ответственности: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

Уголовное наказание применяется только по приговору суда».

Ст. 3 Основ содержит ряд важных принципиальных положений, основанных на указаниях В. И. Ленина и его законотворческой деятельности: 1) уголовной ответственности и наказанию могут подлежать лица лишь за совершенные ими конкретные деяния; 2) они могут нести такую ответственность только за объективно общественно опасные деяния; 3) причем эти деяния предусмотрены уголовным законом; 4) подлежат ответственности только лица, виновные в совершении преступлений, т. е. умышленно или по неосторожности совершившие названные деяния и, следовательно, имевшие возможность не совершить общественно опасное деяние.

Из ст. 3 Основ вытекает, что эти деяния как общественно опасные осуждаются не только уголовным законом, но и моралью социалистического общества и что наказание, применяемое к виновным в этих деяниях, должно быть строго соразмерно преступлению и опасности лица (ст. ст. 3 и 32 Основ).

Юридическим основанием уголовной ответственности конкретного лица в силу ст. 3 Основ является виновное совершение им общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью уголовного закона.

Ответственность каждый раз ограничивается строгими рамками закона, в частности пределами санкции статьи, предусматривающей совершенное преступление (ст. 32 Основ).

XI. В ст. 3 Основ, как и во всех нормах действующего советского уголовного законодательства, находят воплощение положения В. И. Ленина об ответственности вменяемого человека за свой отрицательный поступок, которого он мог избежать или поступить по-другому.

В. И. Ленин писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая

вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹.

Фаталистические буржуазные концепции², отрицающие активную роль сознания человека и, следовательно, оценку его действий, совесть, вину, служат в империалистических государствах, особенно в США, «теоретической» базой для самых реакционных мероприятий в виде ответственности независимо от совершения преступления, независимо от вменяемости или невменяемости, от наличия или отсутствия умысла и неосторожности, в виде установления неопределенных сроков наказания, возможности продления наказания без совершения нового преступления и т. д. Реакционные антинаучные теории «превентивного» уголовного права, в основе которого лежит тезис об ответственности за так называемое «опасное состояние», хотя бы и без совершения какого-либо преступления, т. е. по произволу судьи, составляют ядро современной уголовноправовой доктрины в США. На этой доктрине основаны многочисленные террористические законы США и других империалистических государств³.

Фаталистические концепции поддерживались главным образом в двадцатых годах и некоторыми советскими авторами.

Ст. 3 Основ исходит из материалистического марксистско-ленинского понимания свободы воли, которая не может быть противопоставлена необходимости, а представляет с ней диалектическое единство. Положения марксизма-ленинизма не имеют ничего общего с антинаучной, метафизической, ничем не детерминированной, абсолютной свободой воли, проповедуемой многочисленными философами-идеалистами. Свобода воли в ее марксистско-ленинском понимании — обязательное условие уголовной ответственности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 142.

² Критику буржуазных фаталистических теорий уголовного права см. Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М., Изд-во АН СССР, 1948.

³ С. Л. Зивс. Реакционная сущность уголовного права США. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 26 и сл.

Ф. Энгельс писал, что «закключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, поступками...». Он рассматривал как определенный прогресс установление со времени лютеранской и кальвинистской реформации твердого положения, что «человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли...»¹.

И. С. Самощенко убедительно доказывает², что человек обладает свободой и возможностью избирать в данных условиях различные варианты своего поведения. Это необходимая предпосылка ответственности. Если бы поступок человека определялся полностью совокупностью определенных факторов и он лишен был бы возможности выбора, то отпадал бы вопрос о вине, ответственности, наказании. Более того, исключалась бы моральная оценка деяний, притом не только отрицательных, но и положительных поступков. В чем была бы заслуга человека, имеющего большие достижения, или вина человека, совершившего тяжкое преступление, если бы его поведение было неизбежно predetermined и у него не было выбора?

Следовательно, оценка человеческих действий и соответственная реакция на них предполагает свободу воли в марксистско-ленинском ее понимании. Этим принципом проникнуты советские уголовные законы. Советским законом установлена ответственность и мера наказания за конкретное преступление в соответствии с характером и тяжестью преступления и опасностью виновного лица. К. Маркс писал, что преступление ограничено и поэтому наказание должно быть ограничено³.

Принцип соразмерности наказания преступлению вполне соответствует моральным принципам советского народа, его социалистическому правосознанию, в целом он ясно и четко выражен в действующем советском уголовном законодательстве, хотя некоторые нормы еще нуждаются в этом отношении в совершенствовании.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 82.

² См. И. С. Самощенко. Свобода воли и ее значение для правового регулирования общественных отношений. «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 38; см. также Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, стр. 32, 50—53.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 124.

Советский уголовный закон исключает ответственность невиновных лиц — невменяемых, малолетних, лиц, действовавших при отсутствии умысла и неосторожности, и т. д.

Такое понимание характера человеческих поступков и их оценки означает, что кара, как это вытекает из ст. 20 Основ, является содержанием наказания и характер кары, ее тяжесть изменяется в зависимости от тяжести преступления и опасности лица. Степень порицания преступника и совершенного им преступления зависит от этих же качеств преступления и преступника, выражаемых в каре.

XII. Одним из важнейших нововведений советского уголовного законодательства последних лет является установление широкой возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания, в особенности освобождения с передачей дела на разрешение общественности. Это вытекает из усиления роли общественности в период строительства коммунизма.

В действующем законодательстве осуществлено указание В. И. Ленина, данное в Наброске Программы партии в 1919 г., о том, что в области наказания необходимо введение товарищеских судов для известных категорий граждан¹.

В ряде статей действующих законов (в частности, в ст. ст. 51 и 52 УК РСФСР 1960 г.) предусмотрена возможность применения в отношении виновных, не представляющих значительной опасности, совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, мер общественного воздействия.

Это отнюдь не противоречит тезису, что предупредительное действие наказания обуславливается прежде всего неотвратимостью ответственности за совершенное деяние.

В. И. Ленин писал: «Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается во все не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым»².

¹ Ленинский сборник XIII, стр. 85

² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373.

Неотвратимость наказания, о которой говорил В. И. Ленин, отнюдь не означает, что каждый вменяемый человек, виновный в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, обязательно должен быть осужден к уголовному наказанию и отбывать его. Важно, чтобы по каждому случаю была определенная реакция со стороны государственных органов или общественных организаций в виде уголовного наказания или в определенных случаях в виде названных взысканий, не представляющих собой уголовного наказания.

XIII. В условиях социалистического государства уголовная репрессия — не единственное и не главное средство борьбы с преступностью, и это отчетливо выражено в действующем уголовном законодательстве. Важнейшее значение имеют меры предупреждения, воспитательные меры, устранение причин, способствующих проявлению пережитков в сознании людей.

ЦК КПСС указывал: «На своем практическом опыте мы знаем, что борьба с преступностью ведется тем эффективнее, чем лучше поставлена воспитательная работа партийных, профессиональных и других общественных организаций, чем выше роль общественности, чем лучше работает советская милиция»¹.

Положения советского уголовного законодательства сформулированы таким образом, чтобы уголовная ответственность могла наступать лишь тогда, когда в интересах советского общества и государства, всех советских людей нельзя ограничиться другими мерами. Советский уголовный закон активно способствует обеспечению интересов нашего общества и всех советских граждан от преступных посягательств и охране прав граждан. Он активно способствует осуществлению огромной задачи, поставленной Программой КПСС — ликвидации преступности и устранения всех причин, ее порождающих.

В соответствии с природой Советского государства, которому присущ процесс всестороннего дальнейшего развертывания и совершенствования социалистической демократии, постоянно совершенствуется и советское законодательство, и в частности уголовное законодательство.

¹ «Правда», 14 июля 1963 г.

XIV. Принятое летом 1964 г. постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» указывает, в частности, на важное значение исследования проблемы обеспечения социалистической законности и правопорядка, предупреждения и искоренения преступности, устранения причин, ее порождающих.

Разработка этих проблем предполагает и подготовку монографических исследований проблемы советского уголовного закона.

При осуществлении правосудия советские суды подчиняются только закону. Для осуществления правосудия по уголовным делам, т. е. делам об общественно опасных, иногда очень тяжких посягательствах на интересы советского общества, государства, граждан, по делам, которые вместе с тем наиболее остро затрагивают права и свободы граждан, требуется обстоятельная разработка ряда вопросов проблемы уголовного закона. Таковы понятие и значение советского уголовного закона, виды и строение этих законов, понятие, содержание и значение уголовноправовой нормы, общесоюзное и республиканское уголовное законодательство и их соотношение, действие советского уголовного закона во времени и пространстве, толкование уголовного закона.

По некоторым из этих вопросов изданы содержательные работы. Большое внимание названным проблемам уделено в судебной практике, особенно вопросам действия уголовного закона во времени.

Однако некоторые разделы почти совсем не разработаны, имеется много пробелов в исследовании других вопросов, многие существенные вопросы остаются дискуссионными и, наконец, некоторые разрешены, по нашему мнению, неправильно.

Перечисленные выше вопросы рассматриваются в настоящей работе.

Глава первая

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

§ 1. Понятие советского уголовного закона

I. Советский уголовный закон есть нормативный акт, издаваемый Верховным Советом СССР или Верховным Советом союзной республики, выражающий государственную волю советского народа, руководимого Коммунистической партией, в деле уголовноправовой борьбы с преступлениями.

В. И. Ленин писал: «...воля, если она государственная, должна быть выражена, как закон, установленный властью; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком»¹.

Советский уголовный закон, как и всякий советский закон, содержит нормы права нового, высшего типа, права социалистического, и поэтому он по своему назначению, по своему содержанию и форме противоположен уголовным законам всех эксплуататорских государств.

Содержание и специфические черты советского уголовного закона кратко определены в ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. и введенных в действие с 6 января 1959 г.². Эта статья Основ воспроизведена лишь с редакционными изменениями в уголовных кодексах союзных республик 1959—1961 гг.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 72.

² В дальнейшем этот закон сокращенно именуется как «Основы» или «Основы 1958 г.».

В соответствии с содержанием Основ и других общесоюзных и республиканских нормативных актов советские уголовные законы — это законы, которые: а) устанавливают принципы советского уголовного права; б) определяют, какие деяния являются преступлениями и в) устанавливают наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим эти преступления.

Таковы специфические, характерные черты уголовных законов.

Основы 1958 г. существенно уточнили и развили определение содержания и задач уголовного законодательства.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., а также в изданных в соответствии с ними уголовных кодексах союзных республик 1926—1935 гг. специально не упоминалось, что советское уголовное законодательство указывает, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, и определяет круг преступных деяний¹.

Таким же образом косвенно определялось содержание уголовного закона в ст. 1 проекта Основ, опубликованного комиссиями законодательных предположений Верховного Совета СССР в июне 1958 г.², где говорилось, что задача советского уголовного законодательства осуществляется путем установления мер наказания и применения их к преступникам.

Упоминание в Основах 1958 г. о том, что закон устанавливает круг преступлений, существенно усиливает воспитательное и превентивное значение советского уголовного закона.

II. В определениях советского уголовного закона, даваемых в советской уголовноправовой литературе, в основном правильно раскрываются его существенные черты, однако в некоторых из них допущены отдельные неточности и погрешности.

Так, нельзя согласиться с мнением М. Д. Шаргородского, что нормы Общей части уголовного права не являются нормами уголовного права в узком смысле

¹ СЗ СССР 1924 г. № 24, ст. 205.

² «Социалистическая законность», 1958, № 6.

слова¹. На самом же деле нормы Общей части уголовного права также содержат запрет общественно опасных деяний. Они в общих чертах определяют наказуемость преступлений и оказывают в сочетании с нормами Особенной части предупредительное и воспитательное воздействие.

В учебном пособии по Общей части советского уголовного права, изданном в Ленинграде в 1960 г., говорится, что «советский уголовный закон содержит юридические нормы, регламентирующие охрану социалистического государства и прав граждан от преступлений путем применения к виновным наказаний»². Это определение слишком широко: оно охватывает не только нормы уголовного, но в значительной мере и нормы уголовно-процессуального и исправительно-трудового права. В то же время определение слишком узко — в нем говорится только о применении наказаний и не упоминается, что уголовный закон определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями.

В определении уголовного закона, даваемом авторами учебного пособия по Общей части советского уголовного права смешиваются понятия уголовного закона и содержащихся в нем норм. Утверждается, что советский уголовный закон «является юридической нормой»³, тогда как уголовный закон — это нормативный акт, содержащий юридические нормы.

В соответствии со ст. 1 Основ следует считать, что уголовный закон — это издаваемый Верховным Советом СССР или Верховным Советом союзной республики законодательный акт, содержащий юридические нормы, которые устанавливают принципы советского уголовного права, определяют, какие общественно опасные деяния (действия или бездействие) являются преступления-

¹ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон. М., Юриздат, 1948, стр. 23; см. также его рецензию на 3-е издание учебника советского уголовного права («Социалистическая законность», 1945, № 3, стр. 43).

² «Советское уголовное право. Часть Общая». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 145.

³ «Советское уголовное право. Общая часть». М., Госюриздат, 1959, стр. 20. Такая же неточность допущена в работе: М. И. Ковалев. Советский уголовный закон. Свердловск, 1956, стр. 3.

ми, и определяют наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления.

Юридические нормы такого характера нередко содержатся в указах Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов союзных республик. Назовем хотя бы Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»¹, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 мая 1961 г. «Об усилении ответственности за самогоноварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки»². Характер действия и применения указов уголовноправового характера (время вступления в силу, пределы действия, общеобязательность и др.) не отличается от действия и применения уголовных законов. Эти указы подлежат утверждению Верховным Советом СССР или Верховными Советами союзных республик и после утверждения получают силу закона. Поэтому когда в дальнейшем будет говориться об уголовных законах, то подразумеваются и указы уголовноправового характера.

III. Советское уголовное законодательство основано на принципах Конституции СССР и конституций союзных республик, которые являются юридической базой для всего советского законодательства, в том числе и относящегося к области уголовного права.

Такое значение имеют прежде всего статьи, определяющие компетенцию законодательных органов СССР и союзных республик в области уголовного законодательства, и виды издаваемых ими уголовных законов.

Многие статьи Конституции СССР и конституций союзных республик, содержащие принципиальные указания о борьбе с некоторыми тяжкими преступлениями, явились непосредственно юридической основой для включения соответствующих норм в уголовное законодательство, но сами эти статьи Конституции как Основного закона, разумеется, не могут быть отнесены к уголовным законам.

Так, ст. 123 Конституции СССР провозглашает в качестве непреложного закона равноправие граждан СССР,

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 19, ст. 207.

² «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 8, ст. 274.

независимо от их национальности и расы, и устанавливает далее, что «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом». Эта статья Конституции положена в основу ст. 11 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. (ст. 74 УК РСФСР), которая устанавливает наказуемость нарушений национального и расового равноправия.

Ст. 133 Конституции, провозглашая, что защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР, далее определяет: «Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние». Эти положения Конституции положены в основу ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, карающей измену Родине.

В конституциях нескольких союзных республик указывается, что сопротивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, государственное управление и общественно-политическую жизнь и т. д.) карается законом (ст. 121 Конституции Узбекской ССР, ст. 93 Конституции Киргизской ССР и др.).

Соответственно в ряде статей УК этих республик определена наказуемость названных и некоторых других видов сопротивления фактическому раскрепощению женщин (например, в ст.ст. 98, 99, 134, 135, 136 УК Узбекской ССР; ст.ст. 114, 115, 116, 117, 130 УК Киргизской ССР).

Статьи 127 и 128 Конституции СССР содержат важные гарантии прав граждан — неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища граждан, тайны переписки. Общественно опасные посягательства на эти права граждан наказываются по закону (ст.ст. 126, 135, 136, 178 и др. УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Ст. 130 Конституции СССР определяет обязанности советских граждан соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Нарушение этих обязанностей, как правило, влечет общественное воздействие или же дисциплинарные, либо административные меры взыскания. Общественно опасные нарушения предусматриваются уголовным законом и наказываются как преступления. Таково, например, хулиганство, т. е. умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу (ст. 206 УК РСФСР).

IV. Поскольку термин «уголовный закон» применяется в законодательстве, относящемся к различным отраслям советского права, и в особенности в уголовно-процессуальном законодательстве, следует уточнить содержание советского уголовного закона и определить, должны ли считаться уголовными законами соответствующие законодательные акты или статьи этих законодательных актов.

В самой общей форме виды уголовных законов СССР и союзных республик определяет ст. 2 Основ (см. ниже гл. IV). В ст. 34 УПК РСФСР, содержащей разъяснение некоторых наименований, содержащихся в этом кодексе, указано, что «уголовный закон» — это уголовные законы СССР, Уголовный кодекс РСФСР, а также уголовные кодексы других союзных республик.

Не являются еще уголовным законом указания об установлении уголовной ответственности за те или иные общественно опасные деяния, если эти указания не содержат признаков уголовного закона и не могут быть реально осуществлены без издания уголовного закона. С изданием уголовного закона на основе такого указания последнее надо рассматривать в тесной связи с этим законом как имеющее важное значение для правильного понимания и применения самого закона.

Например, постановление СНК СССР от 28 декабря 1928 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами»¹ содержало определение лжекооператива и указание правительствам союзных республик принять меры к усилению

¹ СЗ СССР 1929 г. № 3, ст. 29.

уголовной ответственности организаторов и фактических руководителей лжекооперативов, а также должностных лиц государственных органов и кооперации, оказывающих лжекооперативам содействие в их работе. Эти указания еще не являлись уголовным законом, но содержали наиболее важные положения, касающиеся формулирования соответствующих уголовных законов или статей уголовных кодексов союзных республик.

В УК РСФСР 1926 г. соответствующие статьи (129а и 111а) были включены лишь Законом от 9 сентября 1929 г.¹, в разное время были включены аналогичные статьи и в УК других союзных республик.

Уголовными законами явились только законы союзных республик, которыми введены упомянутые статьи УК. Постановление СНК СССР от 28 декабря 1928 г. имело важное значение для понимания общественной опасности лжекооперации и задач борьбы с ней, для установления судами наказания организаторам и руководителям лжекооперативов и вообще для правильного применения статей УК, предусматривающих ответственность за эти преступления.

В ст. 16 Положения об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, от 26 июля 1966 г.² указано, что лица, в отношении которых установлен административный надзор, в случае нарушения правил этого надзора привлекаются к административной или уголовной ответственности в порядке, установленном законодательством союзных республик. Эта статья содержит указание об издании союзными республиками соответствующих уголовных законов, но сама не представляет собой уголовного закона. Таким является в данном случае Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 августа 1966 г.³, которым в УК РСФСР включена ст. 198² — «Злостное нарушение правил административного надзора».

Нормы упомянутого Положения от 26 июля 1966 г. имеют существенное значение для определения состава преступления, предусмотренного этой статьей УК РСФСР.

¹ СУ РСФСР 1929 г. № 72, ст. 705.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30.

³ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1966, № 32.

V. Общие указания о характере действия законов СССР (в том числе и уголовных) были даны в постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 1 июня 1927 г.¹ Согласно этому постановлению общесоюзные законы, которые являются объективно выполнимыми без издания предусмотренных или детализирующих постановлений, а также законы, в которых содержатся предложения союзным республикам внести вытекающие из них изменения в законодательство союзных республик, вступают в силу в общем порядке. Следовательно, объективно невыполнимые без новых нормативных актов законы еще не являются уголовными законами, так как не могут реально применяться за совершение упомянутых в них общественно опасных деяний.

После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»² возник вопрос о возможности применения установленных им суровых наказаний за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах на основании этого Указа, до того как в УК отдельных республик будут внесены вытекающие из этого Указа изменения.

Ст. 1 Указа определила вид преступления, указала его основные признаки (хищение социалистического имущества в особо крупных размерах) и указала на возможность применения за эти хищения смертной казни. Далее, Указ (ст. 4) исключил применение условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким наказанием к осужденным за это преступление.

Эти положения Указа от 5 мая 1961 г. как объективно выполнимые еще до внесения соответствующих изменений в УК союзных республик, подлежали исполнению с введением Указа в действие, т. е. с 16 мая 1961 г. (Указ опубликован 5 мая в «Известиях») независимо от включения новых статей в главы УК союзных республик о преступлениях против социалистической собственности.

Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении № 5 «О судебной практике по делам о хищениях социа-

¹ СЗ СССР 1927 г № 32, ст. 326

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 19, ст. 207.

листической собственности» от 7 сентября 1961 г. указал на возможность применения в отношении лиц, совершивших хищение в особо крупных размерах после введения в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г., санкции, предусмотренной этим Указом¹.

VI. Не относятся к числу самостоятельных уголовных законов статьи законов не уголовноправового характера, дающие указания об уголовной ответственности по определенным статьям действующих общесоюзных законов и УК союзных республик. Такие указания характеризуют, конкретизируют или поясняют статью закона, указывая на применимость ее к данному случаю, но не создают новой уголовноправовой нормы.

Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни»², установлено, что совершеннолетние трудоспособные граждане, ведущие паразитический образ жизни, подвергнутые в установленном этим Указом порядке выселению в специально отведенные местности с обязательным привлечением к труду по месту поселения, в случае побега с места поселения или с пути следования на поселение наказываются в соответствии со ст. 186 УК РСФСР (предусматривающей ответственность за побег с места ссылки или с пути следования в ссылку).

Этим положением Указа от 4 мая 1961 г. не создано новой нормы уголовного права, но конкретизирована ст. 186 УК. Содержание этой статьи определено таким образом, что она охватывает как побег из места ссылки, предусматриваемой ст. 25 УК РСФСР, так и побег с места поселения, назначенного в соответствии с названным Указом от 4 мая 1961 г.

Однако, поскольку выселение по этому Указу не представляет собой меры уголовного наказания и не идентично ссылке, предусмотренной ст. 24 Основ (ст. 25 УК РСФСР), следовало бы дополнить диспозицию ст. 186 УК РСФСР словами «а также побег с места поселения или с пути следования к нему лица, которое,

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 3, стр. 6

² «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 18, ст. 273

как ведущее паразитический образ жизни, подвергнуто выселению в специально отведенные местности».

VII. Под уголовным законом следует понимать как законы, содержащие только лишь уголовноправовые нормы, например уголовные кодексы, так и статьи уголовноправового характера в законах, относящихся к другим отраслям права.

Так, например, к уголовным законам относились две статьи в ранее действовавших Положениях о выборах в Верховный Совет СССР, которые устанавливали уголовную ответственность за воспрепятствование участию в выборах и за злоупотребления со стороны членов избирательной комиссии и других должностных лиц. В последние годы подобные уголовные законы издаются значительно реже.

По вопросу об отнесении к уголовному законодательству либо к другим отраслям права отдельных нормативных положений уголовноправового характера, содержащихся в законодательных актах, относящихся к другим отраслям права, как в законодательстве, так и в советской науке уголовного права имеются расхождения и колебания.

Так, статьи о действии уголовного закона во времени до издания Основ 1958 г. неизменно в законе относились к уголовно-процессуальному законодательству (ст. 2 УПК РСФСР 1923 г.), но советская наука уголовного права справедливо относила их содержание к уголовному праву.

Статьи, исключаящие уголовную ответственность за деяния, не представляющие общественной опасности в силу их малозначительности, до издания Основ 1958 г. в общесоюзном законодательстве и в законодательстве Украинской ССР, Грузинской ССР, Туркменской ССР были включены в уголовно-процессуальное законодательство, а в большинстве союзных республик в уголовные кодексы (примечание к ст. 6 УК РСФСР 1926 г.). В советской науке уголовного права и уголовного процесса упоминавшиеся нормы относились к материальному уголовному праву, так как в них определялось, что некоторые деяния относятся к числу непроступных, хотя и предусмотрены в Особенной части.

Норма о характере применения наказания по совокупности к осужденным, в отношении которых вынесено

несколько приговоров, ранее содержалась в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 465 УПК РСФСР 1923 г.). Теперь это норма уголовного права (ч. 3 ст. 35 Основ 1958 г.). Она определяет наказуемость деяний. Норма об освобождении в определенных случаях от отбывания наказания осужденных, заболевших хронической душевной болезнью или иной тяжелой болезнью во время отбывания наказания, ранее содержалась в УПК союзных республик, а в большинстве союзных республик содержится и сейчас в УПК (ст. 457 УПК РСФСР 1923 г., ст. 362 УПК РСФСР 1960 г.). Однако в отдельных союзных республиках она является нормой уголовного права (ст. 52 УК Латвийской ССР).

В Уголовно-процессуальном кодексе ГДР 1952 г. содержатся нормы (§ 340—342) о давности исполнения приговора. В отдельных зарубежных социалистических государствах в уголовно-процессуальном законодательстве также регламентируются некоторые вопросы освобождения от наказания.

В советском законодательстве соответствующие нормы всегда включались в уголовный закон, в них определяются случаи отпадения наказания, исключения уголовной ответственности при наличии условий, указанных в законе; следовательно, содержатся существенные признаки уголовного закона.

Однако нельзя отрицать известной двойственности положений закона о давности, освобождении от наказания и погашении судимости. Например, давность, предусмотренная ст. 48 УК РСФСР, с одной стороны, означает освобождение от наказания, что относится к уголовному праву. С другой стороны, исключается возможность привлечения к уголовной ответственности и какого-либо производства по делу, в частности, возбуждения уголовного дела за истечением сроков давности, что относится к уголовно-процессуальному праву (п. 3 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г.).

Таким образом, нормы о давности, будучи в основном нормами материального уголовного права, вместе с тем имеют существенные черты уголовно-процессуального права. Этим в значительной мере объясняются особенности их действия во времени.

Ряд норм уголовного права содержится в исправительно-трудовом законодательстве. Так, ст. 1 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г.¹, которая говорит о задачах уголовного права, относится к уголовному праву; в значительной мере к уголовному праву относились и статьи 5 и 6 Основных положений этого кодекса, которые определяют задачи исправительных работ и ссылки с исправительными работами.

Содержали нормы уголовного права, непосредственно применявшиеся судами, ст. 9 о видах исправительных работ и ст. 14 ИТК РСФСР 1933 г. о замене исправительных работ другой мерой наказания в случае нетрудоспособности осужденного. Только к нормам уголовного права относились положения о размерах удержания из заработка лиц, отбывающих исправительные работы, о непредоставлении отпуска во время отбывания этого наказания, о невключении времени отбывания исправительных работ в стаж работы (ст. ст. 20, 24 ИТК РСФСР 1933 г.).

Все эти положения излагались в учебниках уголовного права, так как они определяют характерные черты исправительных работ как меры наказания. Сейчас эти вопросы регламентируются уголовным законом (ст. 25 Основ, ст. ст. 27, 28 УК РСФСР).

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 19 июня 1961 г. «О порядке определения судами вида исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы»², на основе норм, содержащихся в Положениях об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах, дал руководящие указания судам о порядке определения осужденным к лишению свободы вида колонии.

Названные нормы Положений являются прежде всего нормами уголовного права, так как определяют вид лишения свободы, назначаемый судом осужденному. Поэтому, надо думать, законодательные органы союзных республик включают соответствующие нормы в уголовные кодексы вслед за статьей, определяющей лишение свободы.

¹ СУ РСФСР 1933 г. № 48, ст. 208.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963 гг.». М., «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1964, стр. 213 и сл.

Сказанное, однако, не исключает включения соответствующих положений также и в исправительно-трудовое законодательство, где они могут быть развиты и конкретизированы с учетом специфики исправительно-трудового воздействия на осужденного.

VIII. Особую юридическую природу имеют акты амнистии. Освобождение от уголовной ответственности и наказания или смягчение наказания, а также освобождение от правовых последствий осуждения (судимости и др.) здесь осуществляется в силу единичного, относящегося к деяниям, совершенным в прошлом, акта высшего органа государственной власти СССР или союзной республики. Этот акт не отменяет уголовного закона¹ и не имеет никакой силы в отношении деяний, которые будут совершены после его издания.

Конечно, нередко акт амнистии применяется судами и следственными органами через многие годы после его издания, но в отношении деяний, которые совершены до издания акта амнистии. По существу такое применение должно было бы иметь место немедленно после акта амнистии; лишь в силу каких-либо причин, главным образом потому, что преступление не было своевременно раскрыто или виновный скрывается, акт амнистии применяется иногда спустя долгое время после его издания.

В первые годы Советской власти были изданы отдельные акты амнистии, обуславливавшие применение амнистии определенным поведением лица в течение указанного в акте амнистии срока, например явкой его в течение года; но и в этих случаях амнистия применялась лишь в отношении преступлений, совершенных до акта амнистии.

Пленум Верховного Суда СССР в руководящем разъяснении от 20 декабря 1929 г. указал, что амнистия является специальным уголовным законом с обратной силой действия, смягчающим меры наказания для определенной категории правонарушителей и, следовательно, аннулирующим меры наказания, назначенные на основании действующих уголовных законов.

В 1946 г. автор писал, что это мнение не может быть безоговорочно принято потому, что акты амнистии не

¹ П. С. Ромашкин. Амнистия и помилование в СССР, стр. 3.

всегда издаются в форме уголовных законов. Акт амнистии есть акт высшего органа государственной власти, прекращающий или ограничивающий в строго определенных пределах осуществление уголовного закона в отношении некоторых категорий лиц¹.

Акт амнистии смягчает наказание или освобождает от наказания строго определенные категории лиц, совершивших преступления в определенный отрезок времени. При этом категории лиц, подпадающих под амнистию, нередко определяются с учетом обстоятельств, не упоминаемых уголовным законом (пол, возраст, род занятий, гражданство, место совершения преступлений и т. д.). Следовательно, акт амнистии нельзя считать уголовным законом с обратной силой действия.

Акты амнистии если и могут быть условно признаны уголовными законами, то лишь особого рода, действующими в отношении деяний, совершенных в прошлом, поэтому к ним, за отдельными исключениями, не относятся излагаемые в следующих главах вопросы действия уголовных законов, содержания норм и т. д.

По существу же акты амнистии относятся главным образом к области государственного, а не уголовного права. Это видно из того, что в Конституции СССР при определении компетенции высших органов государственной власти СССР и союзных республик пункты о праве издания актов об амнистии и праве издания уголовных законов совершенно не связаны между собой (пп. «х» и «ш» ст. 14 и п. «г» ст. 60). Акты помилования вообще не могут относиться к уголовному праву, так как они лишены нормативных моментов.

IX. Авторы ряда учебников и учебных пособий к уголовным законам относят также законы или статьи законов о праве убежища и выдаче преступников другим государствам. Во всяком случае эти вопросы излагаются в разделах об уголовном законе².

¹ «Советское государство и право», 1946, № 5, 6, стр. 46; см. также «Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924—1944». М., Юриздат, 1946, стр. 81—82.

² «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 189; «Советское уголовное право. Общая часть». М., Госюриздат, 1959, стр. 80. В Программах по советскому уголовному праву, изданных в последнее десятилетие, вопросы о праве убежища и выдаче преступников не включены.

Однако эти вопросы непосредственно относятся к другим отраслям права.

Право убежища — это весьма важное конституционное право, в котором находит воплощение солидарность с преследуемыми в других странах передовыми людьми — с борцами за мир, демократию, социализм, с борцами за интересы трудящихся, за передовую науку, с деятелями национально-освободительной борьбы.

Еще декрет ВЦИК от 28 марта 1918 г.¹ установил право убежища для иностранцев, преследуемых у себя на родине за преступления политического и религиозного характера. Право убежища было провозглашено в Конституции РСФСР 1918 г., в Конституции РСФСР 1925 г. и в конституциях других союзных республик двадцатых годов.

Ст. 129 Конституции СССР 1936 г., воспроизведенная всеми конституциями союзных республик, устанавливает, что СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

Право убежища является институтом государственного права и не связано непосредственно с уголовным правом, так как речь идет о борцах за прогресс. Единственное упоминание в советском уголовном законе о праве убежища, содержащееся в ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ст. 83 УК РСФСР), сделано, видимо, для того, чтобы не допустить даже отдельных случаев привлечения к ответственности иностранцев, прибывших в СССР для использования права убежища без установленного паспорта или разрешения. Часть 2 ст. 20 Закона устанавливает, что действие статьи, наказывающей за незаконный выезд за границу или незаконный въезд в СССР, не распространяется на иностранцев, прибывших для использования права убежища.

Выдача преступников иностранным государствам относится к области государственного, международного и уголовно-процессуального права, но не уголовного права. При рассмотрении вопроса о выдаче преступника имеют значение нормы действующего уголовного права,

¹ СУ РСФСР 1918 г. № 41, ст. 519.

но только в смысле установления факта—подпадает или же не подпадает данное деяние под признаки деяний, предусмотренных уголовным законом.

Никаких новых положений о преступности и наказуемости тех или иных деяний законы или статьи законов или соглашений о выдаче преступников не создают.

О случаях, когда допускается по просьбе правительств иностранных государств выдача лиц, привлеченных к следствию или суду, а также осужденных судами, указывалось в ч. 3 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г.

В законодательстве ГДР вопросы выдачи преступников регламентируются § 348—355 Уголовно-процессуального кодекса, в законодательстве Венгерской Народной Республики — ст.ст. 235—236, 237 Закона об уголовном судопроизводстве. В § 21 УК ЧССР содержится лишь положение о том, что чехословацкий гражданин не может быть выдан иностранному государству ни для уголовного преследования, ни для исполнения наказания.

Х. В уголовном законе нередко встречаются нормы, которые не относятся по содержанию к уголовному праву, но очень тесно связаны с его положениями. В большинстве УК, изданных в двадцатых и тридцатых годах, нередко встречались статьи или части статей, относящиеся к административному праву.

Например, ч. 4 ст. 133 УК РСФСР 1926 г. устанавливала, что нарушения правил об охране труда, технике безопасности, промышленной санитарии и гигиены, не подпадающие под признаки других частей ст. 133, влекут исправительные работы до одного месяца или штраф до 100 руб., назначаемые в административном порядке. Такая же санкция содержалась в ст. 192, в ч. 1 ст. 61, чч. 1, 2, 3 ст. 64 и ряде других статей УК 1926 г.

Во всех действующих УК союзных республик содержатся статьи о принудительных мерах медицинского и воспитательного характера, в большинстве УК они выделены в отдельные главы (глава шестая УК РСФСР). Названные меры не являются мерами уголовного наказания, о чем в отношении мер воспитательного характера специально упоминается в ст. 10 Основ.

Включение статей об этих мерах в уголовные кодек-

сы вполне обосновано, так как принудительные меры воспитательного характера могут применяться взамен мер наказания, а меры медицинского характера в ряде случаев (в отношении алкоголиков и наркоманов) сопутствуют наказанию. Наконец, возможно применение мер медицинского характера к лицу, заболевшему душевной болезнью во время отбывания наказания, о чем упоминается в нескольких УК. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что при назначении наказания лицу, которое совершило преступление, будучи вменяемым, а после заболело душевной болезнью и затем выздоровело, в срок наказания засчитывается время, в течение которого применялись принудительные меры медицинского характера (ст. 61 УК РСФСР).

Характерной чертой включенных в уголовные кодексы статей, не имеющих уголовноправового характера, является то обстоятельство, что они могут быть включены в другой законодательный акт, не относящийся к области уголовного права, или же могут быть изложены в отдельном законе.

§ 2. Уголовный закон — источник советского уголовного права

I. Термин «источник права» имеет в советской юридической науке двоякое значение. В более широком смысле слова источником права является государственная воля советского народа, руководимого Коммунистической партией Советского Союза, и выражающая политику партии.

В более узком смысле слова источником права являются те нормативные акты, в которых воплощена эта воля и которые содержат поэтому обязательные юридические правила поведения. В этом смысле нередко в нашей правовой литературе говорится о специальном источнике права. В этом втором смысле слова специальным источником советского уголовного права является советский уголовный закон.

Только в уголовном законе содержатся нормы, определяющие преступность и наказуемость деяний по советскому праву.

В первые годы Советской власти, до издания уголовных кодексов, уголовные законы, конечно, не могли быть

полными. Поэтому при решении вопросов о преступности деяний и тем более при назначении наказания суды непосредственно руководствовались советскими уголовными законами в отношении части преступлений, дела о которых они рассматривали.

В Программе партии, принятой в марте 1919 г. VIII Съездом РКП(б), указывалось: «Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их, руководствоваться социалистическим правосознанием»¹.

Ст. 22 Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.² гласила: «При рассмотрении всех дел народный суд применяет декреты Рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового — руководствуется социалистическим правосознанием».

В примечании к этой статье воспрещались ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств.

Постановление ВЦИК от 24 мая 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»³ установило, что Уголовный кодекс является единственным источником уголовного права, применяемым судами. Ст. 2 этого постановления гласила: «С момента вступления уголовного кодекса в силу отпадает действие всех иных норм, устанавливающих до момента его введения основания и размер уголовных наказаний».

Через несколько месяцев в дополнение к названному закону декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 9 октября 1922 г. «О порядке включения уголовных санкций и проекты узаконений»⁴ было установлено, что во всех проектах узаконений, вносимых народными комиссариатами и приравненными к ним органами, если в проектах указывается уголовная ответственность за нарушение узаконений, должны быть сделаны точные ссылки на статьи уголовного кодекса, по которым должны привле-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, стр. 419.

² СУ РСФСР 1918 г. № 85, ст. 889.

³ СУ РСФСР 1922 г. № 15, ст. 153.

⁴ СУ РСФСР 1922 г. № 63, ст. 809.

каться к судебной ответственности лица, нарушающие узаконения.

Если будет признано Народным комиссариатом юстиции или Советом Народных Комиссаров, что правонарушения, упоминаемые в законопроекте, не подходят ни под одну из статей УК, то надо дополнить законопроект текстом новой статьи УК, которая бы точно предусматривала основания и размер уголовного наказания.

В этом случае, т. е. когда необходимо было дополнить УК новой статьей, законопроект представлялся на утверждение ВЦИК. В преамбуле закона от 9 октября 1922 г. указывалось, что изложенные в нем правила о включении уголовных санкций в проекты узаконений устанавливаются в дополнение к постановлению от 24 мая 1922 г. о введении в действие УК РСФСР «в целях объединения всех законоположений, устанавливающих основания и размер уголовных наказаний».

Следовательно, этот декрет подтвердил, что лишь уголовный кодекс определяет основания и размер наказания, и создал твердые правила для практического осуществления этого положения.

Закон о введении в действие УК Украинской ССР от 23 августа 1922 г.¹ отменил действие всех ранее действовавших уголовноправовых норм, за исключением 11 законов. Однако содержание этих законов было включено в Особенную часть УК Украинской ССР в виде самостоятельных статей с особой нумерацией. Таким образом, эти 11 законов, как включенные в УК, по существу утратили самостоятельное действие и действовал лишь УК Украинской ССР.

II. С изданием советских уголовных кодексов преступность и наказуемость общественно опасных деяний определялась, как правило, статьями Особенной части уголовных кодексов, прямо предусматривающими эти деяния и в виде исключения по аналогии, но также в пределах, установленных статьей УК, применяемой по аналогии. С отменой аналогии Основами 1958 г. гражданин может быть признан совершившим преступление и подвергнут уголовному наказанию только тогда, когда его деяние предусмотрено уголовным законом, и именно

¹ СУ Украинской ССР 1922 г. № 36, ст. 553.

статьей Особенной части, и за него в этом законе установлено уголовное наказание.

Ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 16 УПК РСФСР) гласит: «При осуществлении правосудия по уголовным делам судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону. Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей».

В ст. 3 Основ уголовного законодательства 1958 г., определяющей основания уголовной ответственности, указывается, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, «совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. Уголовное наказание применяется только по приговору суда».

В соответствии со ст. 32 Основ (ст. 37 УК РСФСР) суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части уголовного закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление.

Таким образом, и в уголовном, и уголовно-процессуальном законодательстве говорится только об уголовном законе как источнике уголовного права.

М. Д. Шаргородский утверждает, что уголовный закон содержит в себе основные нормы, регулирующие охрану социалистического государства от преступлений путем применения к виновным наказания¹, и считает, что нормы уголовного права содержатся также и в подзаконных актах, издаваемых органами государственной власти и органами управления.

Так, он пишет, что ограниченное право издавать общеобязательные нормы имеет Совет Министров, но уголовную санкцию Совет Министров, по его мнению, может устанавливать лишь в определенных пределах — в пределах бланкетных санкций закона или путем ссылки на соответствующие положения уголовного закона, либо путем введения общей фразы об уголовной ответственности по действующим законам или же, наконец,

¹ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 29, 30.

путем ссылки на ответственность за определенное, предусмотренное законом преступление¹.

С этим нельзя согласиться. Постановления Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик не определяют новых видов преступлений и не устанавливают наказания за них. Нельзя считать нормами уголовного закона, например, правила о борьбе с лесонарушениями, о порядке промысловой рыбной ловли, об охране труда и т. п. В этих правилах конкретизируются бланкетные диспозиции уголовного закона. Это относится, разумеется, и к правилам, издаваемым местными органами власти².

Ссылки же на действующие статьи уголовных законов нельзя признать источником уголовного права. Без подобного указания в подзаконном нормативном акте деяние также подлежит квалификации по данной статье уголовного закона, если оно содержит соответствующий состав преступления.

Общая ссылка в подзаконном акте на то, что данное нарушение влечет уголовную ответственность, имеет лишь инструктивный характер. Уголовная же ответственность сейчас, с отменой аналогии, возможна только тогда, когда данное деяние точно предусмотрено уголовным законом.

Таким образом, подзаконные акты не являются источниками уголовного права, но зачастую имеют очень большое значение для правильного понимания и применения уголовного закона³.

¹ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 30, 34, 36.

² По делу Ефимова Президиум Верховного Суда РСФСР отметил, что правила, изданные Исполкомом Ленинградского горсовета, не могли устанавливать уголовной ответственности за невозвращение вещей, взятых напрокат, так как издание норм, устанавливающих уголовную ответственность, входит в компетенцию высших органов власти РСФСР («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 4, стр. 44—45).

³ А. С. Шляпочников считает подзаконные акты источниками толкования уголовного закона, а не источником самого уголовного закона (см. А. С. Шляпочников. Толкование советского уголовного закона. М., Госюриздат, 1960, стр. 24). Значение подзаконных актов не сводится только к толкованию законов, оно гораздо шире. В частности, конкретное содержание бланкетных диспозиций определено часто в этих актах.

III. Спорен в советской юридической литературе вопрос о юридической природе руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик — являются ли они источниками права, в частности уголовного права, или нет. В отношении всех остальных видов судебных документов сам вопрос о их значении как источника права не возникает, поскольку советское право отвергает роль судебного прецедента как источника права.

М. М. Исаев утверждал, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР являются одним из источников советского права. Такие постановления, по его мнению, являются подзаконными актами и могут восполнять пробелы нашего законодательства¹.

Сходно мнение М. Д. Шаргородского, утверждавшего, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР обязательны для судебных органов и являются, таким образом, источником права².

Авторы редакционной статьи в журнале «Советское государство и право» считают³, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР — это подзаконный нормативный акт, который нельзя не признать одним из источников советского права, и в этом акте содержатся новые нормы права.

В статьях Л. С. Галесника «Теоретические вопросы кодификации советского законодательства»⁴, П. С. Ромашкина и И. Клячко «Актуальные вопросы юридической науки»⁵, в книге А. С. Шляпочникова «Толкование советского уголовного права» и некоторых других работах утверждается, что судебная практика, включая и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда, не может быть источником права. П. С. Ромашкин и И. Клячко подчеркивают, что в функции Пленумов Верховных Судов СССР и союзных республик не входит издание новых нормативных актов.

¹ См. М. М. Исаев. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., Юридат, 1948, стр. 31.

² См. М. Д. Шаргородский. Вопросы Общей части уголовного права. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 5.

³ «Советское государство и право», 1956, № 8.

⁴ Сб. «Вопросы кодификации советского законодательства». Свердловск, 1957, стр. 12.

⁵ «Правда», 8 марта 1957 г.

Л. С. Галесник и А. С. Шляпочников¹ пишут, что не следует некритически относиться к прежней практике Верховного Суда СССР, которая действительно создала в свое время ряд новых норм. Закон не наделяет Верховный Суд правотворческой деятельностью.

Законы, определяющие компетенцию Верховного Суда СССР, ограничивают его функции разъяснением действующих законов.

Так, Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда Союза ССР, утвержденное постановлением ЦИК СССР от 24 июля 1929 г.², установило, что в области судебного надзора Пленум Верховного Суда СССР принадлежит дача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений и толкований общесоюзного законодательства по вопросам, возникающим в судебной практике.

Таким образом, компетенция Пленума Верховного Суда ограничивалась разъяснением и толкованием действующих общесоюзных законов и лишь по вопросам, возникающим в практике.

Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. установил, что Пленум Верховного Суда СССР дает руководящие указания, на основе обобщения судебной практики. Термин «указания» и послужил поводом для ряда авторов признать, что Пленум Верховного Суда СССР имеет правотворческие функции.

Однако законодатель не вкладывал такого содержания в термин «указание». Положение о Верховном Суде СССР, утвержденное Верховным Советом СССР 12 февраля 1957 г.³, установило, что Пленум Верховного Суда СССР рассматривает материалы обобщения судебной практики и статистики и дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел (п. «в» ст. 10).

Законы о судостроительстве союзных республик, изданные в 1959—1961 гг., предоставили такое же право пленумам верховных судов союзных республик в отношении республиканского законодательства (ст. 57 Закона о су-

¹ См. А. С. Шляпочников. Толкование советского уголовного закона, стр. 33.

² СЗ СССР 1929 г. № 50, ст. 445.

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4.

доустройстве РСФСР от 27 октября 1960 г., ст. 49 Закона о судоустройстве Казахской ССР от 22 июля 1959 г.). Разъяснение действующих законов означает раскрытие их содержания без добавления какой-либо новой нормы.

В своих руководящих разъяснениях Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик дают такое понимание действующих законов, которое в принципе должно быть дано в практике и без такого разъяснения, если бы все суды правильно понимали данный закон.

Необходимость в разъяснении по общему правилу возникает тогда, когда то или иное положение закона неодинаково понимается и применяется судами и, следовательно, отдельными судами допускаются ошибки.

Анализ руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по вопросам уголовного права, которые даны после издания Положения о Верховном Суде СССР 1957 г., показывает, что эти разъяснения раскрывают содержание уголовных законов, дают правильное его понимание, но новых норм уголовного права они не создают.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»¹ даны разъяснения о том, чтобы в качестве исполнителей считать не только лиц, действие которых непосредственно причинило смерть, но и тех, кто умышленно участвовал в самом процессе исполнения преступления своими действиями, направленными на достижение указанной цели, что вытекает из принципов ответственности соучастников, определенных ст. 17 Основ.

В точном соответствии с законом разъясняется различие между умышленным убийством и умышленным причинением тяжкого телесного повреждения, следствием которого была смерть потерпевшего (п. 8), разъясняется возможность в виде исключения применения смертной казни за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах (п. 10), что вытекает из ст. 15 Основ (ст. 15 УК РСФСР).

Таким образом, толкование, разъяснение уголовного закона не является источником уголовного права, хотя,

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963 гг.», стр. 263 и сл.

конечно, имеет огромное значение для правильного понимания и применения уголовного закона.

IV. Обычай не являлся и не является источником советского уголовного права. В двадцатых годах, когда в течение нескольких лет допускалась в очень ограниченных пределах деятельность шариатских и адатских судов, в их компетенцию не входило рассмотрение дел о преступлениях и применение наказания. Нормы шариата и адата не могли являться основой признания деяния общественно опасным и уголовно противоправным.

Не могут быть признаны источником советского уголовного права и новые обычаи, соответствующие коммунистической морали и социалистическому правосознанию. Социалистическая законность предполагает в качестве необходимого условия уголовной ответственности наличие в действиях лица состава преступлений, но состав может быть точно определен только в нормативном акте, а не обычаем, который по самой своей природе не может отличаться определенностью и четкостью норм. Признание обычая источником уголовного права в эксплуататорских государствах ведет к насаждению произвола, так как судьи и другие должностные лица имеют возможность по своему усмотрению со ссылкой на неопределенный обычай признавать те или иные поступки преступлениями и назначать за них наказания.

Так, политика царизма, направленная к тому, чтобы держать коренное население окраин в рабстве и невежестве, находила выражение, в частности, и в создании на этих окраинах специальных судов и признании крайне неопределенных норм адата и шариата источником уголовного права. Различные суды, нередко издевательски называвшиеся «народными», состоявшие из местных эксплуататоров или их ставленников, действовавшие под контролем или при непосредственном участии царских чиновников, могли на основе неписаных неопределенных и противоречивых норм приговаривать к тюремному заключению.

Огромная роль судебного прецедента в Англии как источника уголовного права по существу означает действие своеобразного судебного-обычного права¹, столь же

¹ Н. Н. Полянский. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., Юриздат, 1937, стр. 12.

неопределенного и также санкционирующего произвол в определении преступления и наказания, как и всякое обычное право.

В уголовном праве США, особенно в уголовном праве штатов, обычай в непосредственном смысле слова и судебный прецедент являются одним из важнейших источников уголовного права¹, что предоставляет полиции и судьям большой простор для произвола.

V. Некоторые советские авторы признают в известной мере источником советского уголовного права международные соглашения, в которых участвует Союз ССР, предусматривающие установление уголовной ответственности за те или иные деяния.

Участие Советского Союза в международных конвенциях, предусматривающих установление уголовной ответственности за преступления против мира и человечности и также за некоторые другие преступления, является одним из проявлений принципа мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств. В ряде статей общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик отражены эти международные соглашения.

Так, в ст. 24 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. (ст. 87 УК РСФСР), предусматривающей ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, отражена конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков, подписанная СССР 20 апреля 1929 г. и ратифицированная 16 мая 1931 г. Эта конвенция предусматривает введение в национальное уголовное право стран — участников конвенции — ответственности за подделку и сбыт также и иностранных денежных знаков.

В Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г. отражены Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, об обращении с военнопленными, о защите гражданского населения во время войны (ст.ст. 31, 32).

Конвенции отражены в ряде статей УК союзных республик. Так, например, ст. 129 УК РСФСР устанавли-

¹ См. Б. С. Никифоров. Юридические источники уголовного права Соединенных Штатов Америки. «Советское государство и право», 1947, № 3.

вает ответственность за неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие, ст. 159 — за подделку знаков почтовой оплаты, ст. 164 — за незаконный промысел котиков и морских бобров, ст. 202 — за незаконное пользование знаками Красного Креста и Красного Полумесяца, ст. 204 — за неоказание помощи при столкновении судов или несообщение названия судна, ст. 205 — за повреждение морского телеграфного кабеля, ст. 225 — за изготовление или сбыт ядовитых или наркотических веществ и т. д.

Уголовноправовые нормы содержат не конвенции, а уголовные законы, в которых они отражены. Текст конвенции может в некоторых случаях послужить для уяснения содержания соответствующей статьи уголовного закона.

VI. Особый характер и значение имеют общепризнанные международноправовые акты и основанные на них нормы международного права, касающиеся наказания нацистских преступников, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях. Эти преступники совершили чудовищные злодеяния. Десятки миллионов ни в чем неповинных людей, в том числе детей, женщин, стариков, были зверски убиты, замучены в лагерях смерти, задушены в газовых камерах. Немецко-фашистские захватчики виновны в массовом угоне в рабство гражданского населения, в бесчеловечном обращении с военнопленными, варварском разрушении тысяч городов и сел, уничтожении бесценных памятников культуры.

Эти чудовищные, неслыханные злодеяния, как справедливо отмечается в Заявлении Советского правительства¹, нельзя приравнять к обычным уголовным преступлениям. Это пытаются сделать официальные круги в ФРГ, намереваясь амнистировать этих тягчайших преступников путем применения к ним норм о давности, установленных в отношении обычных уголовных преступлений, что нельзя расценить иначе, как глумление над памятью миллионов жертв кровавых преступлений гитлеризма в годы минувшей войны, как попытку поощрить те силы, которые вынашивают планы реваншизма.

¹ «Правда», 24 декабря 1964 г.

«Разумеется, — говорится в Заявлении, — не может быть поставлен знак равенства между этими (обычными уголовными.— Н. Д.) преступлениями и ни с чем не сравнимыми злодеяниями фашистских убийц, стремившихся уничтожить целые народы».

Еще в ходе второй мировой войны правительства стран антигитлеровской коалиции несколько раз торжественно заявляли о своей твердой решимости разыскать и наказать всех виновников злодеяний. В частности, это было выражено в «Декларации о наказании за преступления, совершенные во время войны» от 13 января 1942 г., в «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» от 30 октября 1943 г. После победы над гитлеровской Германией это было установлено в Уставе Международного военного трибунала, в Законе № 10 Контрольного совета в Германии и других актах.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 13 февраля 1946 г. и 31 октября 1947 г. подтвердили принцип обязательного наказания нацистских военных преступников. Таким образом, эти положения стали общепризнанными нормами современного международного права, которое не знает института давности и обязывает государства преследовать в уголовном порядке и наказывать лиц, совершивших преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, независимо от того, сколько времени истекло с момента совершения преступления¹.

В Заявлении Советского правительства, опубликованном 24 декабря 1964 г., справедливо указывается: «Нацистские преступники — виновники чудовищных злодеяний ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должны избежать справедливого возмездия. Перед этой нормой международного права должны отступить не согласующиеся с ней нормы внутреннего права любого государства, в том числе, разумеется, и ФРГ».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступле-

¹ «Обращение Комитета Парламентской Группы СССР к парламентским группам всех стран». «Известия», 2 марта 1965 г.

ния»¹ подтвердил, что Советское государство неизменно исходит из общепризнанных норм международного права о необходимости наказания гитлеровских преступников, где бы и как долго они ни скрывались от правосудия.

Учитывая, что совесть и правосознание народов не могут мириться с безнаказанностью фашистских преступников, совершивших тягчайшие злодеяния в период второй мировой войны, признавая, что эти лица не могут рассчитывать на прощение и забвение их преступлений, Президиум Верховного Совета СССР в соответствии с общепризнанными принципами международного права, нашедшими свое выражение в Уставе Международного военного трибунала и в резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, постановил, что нацистские преступники, виновные в тягчайших злодеяниях против мира и человечности и военных преступлениях, подлежат суду и наказанию, независимо от времени, истекшего после совершения преступления.

Постановлением от 3 сентября 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР разъяснил, что действие Указа от 4 марта 1965 г. в части неприменения давности и назначения наказания вплоть до смертной казни (в виде исключения из ст. 41 Основ) распространяется и на тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. проводили активную карательную деятельность, принимали личное участие в убийствах и истязаниях советских людей².

VII. Социалистическое правосознание в первые годы Советской власти являлось источником уголовного права, о чем говорилось в Программе Российской Коммунистической партии (большевиков), принятой в 1919 г., и в ряде законодательных актов, принятых в первые четыре года существования Советского государства.

С развитием же советского законодательства, пишет Н. Г. Александров, социалистическое правосознание является основой для правильного применения норм пра-

¹ «Известия», 4 марта 1965 г.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 30.

ва, но не может служить непосредственным основанием для вынесения судебных и административных решений¹.

Советский уголовный закон, признавая преступными деяния, опасные для советского общества, и устанавливая за их совершение определенные уголовные наказания, выражает социалистическое правосознание трудящихся и требования коммунистической морали. Деяния, признаваемые преступными по закону, например спекуляция, частнопредпринимательская деятельность, хулиганство, признаются общественно опасными деяниями и осуждаются моралью нашего социалистического общества, строящего коммунизм.

Постоянное совершенствование советского законодательства обуславливается процессом поступательного развития советского общества, его социальным и политическим строем. Законодательные органы Союза ССР и союзных республик всегда чутко прислушиваются к голосу социалистического правосознания советских граждан.

Так, в преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство»² говорилось, что издание его обуславливалось «ходатайствами граждан и общественных организаций о применении смертной казни к убийцам, в целях усиления охраны жизни граждан».

В конце 1958 г. в десятках тысяч выступлений граждан в печати и на собраниях указывалось на недопустимость огульного досрочного освобождения тяжких преступников и необходимость изменения системы зачета рабочих дней, при которой многие тяжкие преступники очень скоро выходили на свободу, не исправившись, и вновь совершали преступления³.

¹ См. Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе. М., Госюриздат, 1955, стр. 76.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1954, № 11, ст. 221.

³ См., например, статью токаря-наладчика Ленинградского Кировского завода, Героя Социалистического Труда В. Карасева «Это и есть подлинный гуманизм». «Правда», 1 декабря 1958 г., а также обзор писем читателей «Правды» под заголовком «С этим надо покончить». «Правда», 25 декабря 1958 г. Редакция «Правды» отмечала, что тысячи читателей «Правды», приславшие письма в редакцию, едины в своем стремлении решительно покончить с тяжкими преступлениями.

Граждане указывали, что подлинный гуманизм заключается в том, чтобы опасные преступники отбывали достаточно суровое наказание.

В выступлениях на сессии Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 г. депутатов Б. И. Самсонова, Я. Н. Заробяна, Р. А. Руденко справедливо критиковалась система зачета рабочих дней заключенным и освобождения заключенных администрацией мест лишения свободы, которая по существу произвольно изменяла судебный приговор.

Названные депутаты отмечали, что трудящиеся на своих собраниях, в письмах в газеты и в советские учреждения, а также в письмах к депутатам Верховного Совета выражали справедливое возмущение тем, что осужденные за преступления, зачастую тяжкие, с длительным сроком лишения свободы и опасные рецидивисты освобождаются задолго до истечения срока приговора, появляются в местности, где они жили, и совершают новые преступления¹.

Верховный Совет СССР, утверждая «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», учел это требование трудящихся и установил, что условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием могут быть применены только судом и лишь после фактического отбытия не менее половины назначенного срока, а осужденным за тяжкие преступления по отбытии не менее двух третей срока (ст. 44 Основ). При этом Основы исключили применение условно-досрочного освобождения и замены неотбытого срока наказания более мягким к особо опасным рецидивистам, а затем (по Указу от 5 мая 1961 г.) и к осужденным за ряд особо опасных преступлений.

В решениях партии и государства принятых в июле 1966 г. говорится, что в них нашли широкое отражение пожелания и требования трудящихся, общественных организаций и государственных органов о необходимости решительного искоренения антиобщественных явлений. Преамбула Указа от 26 июля 1966 г. «Об усилении от-

¹ «Правда», 27 декабря 1958 г.

ветственности за хулиганство» указывает, что при издании Указа были учтены многочисленные пожелания граждан и предложения общественных организаций об усилении ответственности за хулиганство.

VIII. Советские законы, в том числе и уголовные, не только совпадают по содержанию с социалистическим правосознанием, но и активно воздействуют на дальнейшее его развитие и укрепление. В Законах о введении в действие УК РСФСР 1922 г. от 24 мая 1922 г. и о введении в действие УК Украинской ССР от 19 августа 1922 г. указывалось, что эти кодексы вводятся в действие в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания.

Решениями партии и государства от 23 июля 1966 г. рекомендовано местной и центральной печати публиковать материалы, широко разъясняющие действующее советское законодательство, права и обязанности граждан в охране правопорядка, роль и значение органов суда, прокуратуры и милиции в деле защиты интересов государства и граждан от преступных посягательств, а также информировать читателей о наиболее важных, имеющих воспитательное значение процессах.

Систематическая публикация таких материалов несомненно будет эффективно способствовать достижению целей предупреждения преступлений, воспитания нетерпимости к преступлениям и активности в борьбе с ними, дальнейшего укрепления социалистического правосознания.

В период коммунистического строительства, в условиях морально-политического единства всех народов великого социалистического содружества, громадная работа по коммунистическому воспитанию все более укрепляет социалистическое правосознание всего советского народа, как часть социалистического сознания.

Социалистическое правосознание дает ключ к правильному пониманию советских законов, в том числе и уголовных законов и правильному их применению на практике.

Ст. 32 Основ 1958 г., устанавливающая общие начала назначения наказания, гласит, что при назначении наказания суд, руководствуясь социалисти-

ческим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

При отправлении правосудия суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, строго соблюдает закон, но не вносит, разумеется, никаких коррективов в законодательство. Эти коррективы могут внести только законодательные органы¹.

Закон наполнен тем содержанием, которое вложил в него советский законодатель. Социалистическое правосознание дает возможность суду глубоко и точно раскрывать это содержание, но отнюдь не наполнять закон новым содержанием.

IX. Правила социалистического общежития, поскольку они не представляют собой норм уголовного закона, не являются источником уголовного права, но они имеют существенное значение для понимания многих норм советского уголовного закона. Например, правильно применять ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. (ст. 206 УК РСФСР), которая определяет хулиганство как умышленное деяние, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу, возможно лишь руководствуясь неписанными по общему правилу, но общепринятыми правилами социалистического общежития. Программа КПСС указывает, что «товарищеское осуждение антиобщественных поступков постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов и обычаев»². В процессе возрастания роли общественности в борьбе с антиобщественными поступками будет происходить и частью уже осуществляется сближение норм уголовного права, предусматривающих ответственность за преступления, не пред-

¹ Ошибочным и вредным являлось утверждение А. Я. Вышинского, что правосознание судьи якобы корректирует применение закона. Такая «концепция» низводит закон до положения необязательного акта и означает насаждение произвола. Отдельные авторы, некритически следуя за Вышинским, писали, что социалистическое правосознание вносит существенные коррективы в законодательство.

² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 412.

ставляющие значительной общественной опасности, и правил социалистического общежития.

В уголовных законах СССР и союзных республик, изданных в последние годы, в отношении ряда малозначительных преступлений и некоторых других преступлений, не представляющих большой общественной опасности, наряду с мерами государственного принуждения предусмотрено альтернативно применение мер общественного воздействия.

В решениях партии и государства, принятых в июле 1966 г., указывается на необходимость разумно сочетать в судебно-прокурорской практике предусмотренные законом суровые меры наказания относительно опасных преступников с мерами общественного воздействия и воспитания лиц, впервые допустивших малозначительные правонарушения и способных исправиться без изоляции от общества.

Х. Таким образом единственным источником уголовного права является уголовный закон.

Признание совершенного человеком деяния преступным и тем более применение к виновному уголовного наказания может быть осуществлено только в случае, определенном законом, а не каким-либо другим нормативным актом и тем более не на основании судебного прецедента или по усмотрению суда.

Такое ограничение источников уголовного права установлено в интересах всего советского общества и всех граждан, в интересах всемерной охраны прав и свобод советских людей.

§ 3. Уголовный закон и социалистическая законность

I. Советский уголовный закон, выражающий политику Коммунистической партии в области борьбы с преступлениями путем применения наказания к виновным в их совершении, играет большую роль в осуществлении социалистической законности, в борьбе с преступлениями, в укреплении и развитии социалистического правосознания граждан.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство требуют неуклонного и строгого осуществления социалистической законности и охраны прав граждан.

В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Развивая демократические принципы государственного строительства, партия исходит из того, что вся деятельность советских органов и широкое творческое участие граждан в управлении делами страны должны основываться на строжайшем соблюдении социалистической законности»¹. Указания партии и правительства о соблюдении законности прежде всего относятся к области применения уголовной репрессии, к соблюдению уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Уголовные законы предусматривают за совершение преступлений лишение гражданина определенных благ, включая лишение свободы, и в исключительных случаях при совершении некоторых особо опасных преступлений — даже жизни; поэтому как содержание уголовного (и уголовно-процессуального) закона, так и строжайшее его соблюдение имеют первостепенное значение.

Положения уголовного закона, как и любого советского закона, общеобязательны и непреложны. Соблюдение их является обязанностью должностных лиц и граждан. Всякое отступление от велений закона ведет к ослаблению социалистической законности, к нарушению государственных и общественных интересов, прав и законных интересов граждан. Признание лица виновным в совершении преступления, назначение наказания и его исполнение производятся строго на основании закона.

Вместе с тем если деяние предусмотрено в уголовном законе в качестве преступного и наказуемого, то виновный будет подлежать наказанию, если только нет указанных в законе обстоятельств, освобождающих виновного от уголовной ответственности или наказания.

Ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. гласит, что «задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного приме-

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1966, стр. 102.

ния закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

II. В области уголовного права, как и повсюду, неизблемыми были и остаются указания великого Ленина о том, что «необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми»¹, что нетерпимо малейшее нарушение законов Советской власти, малейшие нарушения советского порядка, что законность должна быть одна и органы власти обязаны «абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы...»².

В ряде решений Коммунистической партии Советского Союза и законодательных актов с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции выражались требования осуществления социалистической законности, в особенности по уголовным делам.

Еще VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов в постановлении от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» призвал всех граждан, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению советских законов³.

В 1921 г. В. И. Ленин дал сохраняющее все свое значение и в настоящее время указание, что чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, тем настоятельнее необходимо «выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»⁴.

В резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б) в 1921 г. указывалось, что с переходом к мирному хозяйственному строительству очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 514.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 327.

³ СУ РСФСР 1918 г. № 90, ст. 906.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 151.

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, стр. 593.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина, резолюцией XI Всероссийской партийной конференции и решениями IX Всероссийского съезда Советов был издан ряд кодексов и других законов, среди которых видное место занимали Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. и изданные вслед за ним УК других советских республик. В законе о введении этого кодекса в действие¹ указывалось, что издание уголовного кодекса осуществляется Советским государством в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания.

Выступая в связи с подготовкой ряда кодексов и других законов в апреле 1922 г. на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, Н. В. Крыленко указывал, что мероприятия по внедрению революционной законности означают «установление такого правопорядка в государстве, при котором каждому гражданину предоставляется совершать то, что законом не запрещено, с одной стороны, и наказуется всякое деяние, квалифицированное законом как преступление — с другой»².

Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности»³, отметив успехи в деле укрепления революционной законности, указало при этом и на наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее применения, особенно в деревне, и определило ряд мероприятий по дальнейшему осуществлению и укреплению революционной законности.

III. Социалистическая законность, пишет А. Бовин, и социалистическая демократия неотделимы друг от друга; дальнейшее развитие демократии включает в себя и укрепление законности⁴.

Социалистическая законность является внутренним свойством социалистического строя, объективной закономерностью развития социалистического общества. Она все время развивается и укрепляется, несмотря на от-

¹ СУ РСФСР 1922 г. № 15, ст. 153.

² «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 5, стр. 11.

³ СЗ СССР 1932 г. № 30, ст. 298.

⁴ «Известия», 10 февраля 1962 г.

дельные факты ее нарушения¹. Эти нарушения неизменно исправляются. Обязанность соблюдения законов является конституционной обязанностью граждан. XX съезд КПСС указал: «Съезд полностью одобряет осуществленные ЦК КПСС меры по укреплению советской законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка»².

IV. Последующие указания Коммунистической партии и Советского правительства конкретизировали задачи по дальнейшему укреплению социалистической законности и указывали на повышение роли советской общественности в борьбе с нарушениями законности и правил социалистического общежития.

В принятой XXII съездом КПСС Программе КПСС говорится: «Партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»³.

Программа КПСС установила, что «правосудие в СССР осуществляется в полном соответствии с законом», что судом, органами следствия и дознания должны строжайше соблюдаться законность, все процессуальные нормы. Эти указания относятся в полной мере и к нормам советского уголовного права.

Строжайшее соблюдение социалистической законности — одно из важнейших условий эффективной борьбы с преступностью. «Строгое соблюдение социалистической законности, — говорилось в редакционной статье газеты «Правда», — пресекает в зародыше деятельность преступных элементов, создает обстановку, при которой преступление или вообще не может совершиться, или будет быстро разоблачено... Коммунистическая партия и Советское правительство исходят из понимания закона

¹ См.: П. Е. Не д б а й л о. Советские социалистические правовые нормы. Изд-во Львовского гос. ун-та, 1959, стр. 167.

² «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Степногр. отчет», т. II. М., Госполитиздат, 1956, стр. 423.

³ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 400.

как обязательного для всех акта, обойти или нарушить который не может ни одно должностное лицо»¹.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» указал: «Никакие нарушения законности не могут быть оправдываемы ссылками на то, что это необходимо, якобы, в целях усиления борьбы с преступностью... Суды должны точно и неуклонно соблюдать требования уголовного законодательства, не допускать осуждения лиц, в действиях которых отсутствует состав преступления, а также случаев неправильной квалификации содеянного и назначения мер наказания без учета обстоятельств дела и личности виновного. Совершенное преступление должно быть квалифицировано в точном соответствии с законом, предусматривающим уголовную ответственность за это деяние, и никакие отступления от этого требования недопустимы»².

В решениях ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка особенно большое внимание обращено на дальнейшее укрепление социалистической законности.

В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и усиления борьбы с преступностью даны указания о наведении образцового порядка в городах, районных и населенных пунктах и о обеспечении надежной охраны интересов государства и граждан от посягательств преступных элементов.

Перед Прокуратурой СССР поставлена задача усиления надзора за точным и неуклонным соблюдением социалистической законности государственными органами, должностными лицами и отдельными гражданами.

Указано, что правосудие должно осуществляться в строгом соответствии с законом.

Подчеркивается, что проведение в жизнь намеченных решениями мероприятий по усилению борьбы с преступ-

¹ «Правда», 12 апреля 1955 г.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», стр. 170—171.

ностью должно осуществляться на основе строжайшего соблюдения социалистической законности.

Деятельность органов социалистического правосудия успешно способствует предупреждению и пресечению преступлений лишь тогда, когда наказание постигает действительных преступников, причем их преступления квалифицируются и наказания за них назначаются с точным соблюдением закона.

Ослабление же законности, например привлечение к ответственности невинного или незаконное освобождение виновного, неправильная квалификация действий виновного, применение к нему более сурового или чрезмерно мягкого наказания в сравнении с предусмотренным законом, и другие нарушения затрудняют борьбу с преступлениями. При таких нарушениях извращаются принципы советского правосудия и не могут быть осуществлены цели наказания.

Неправильными и вредными являются встречающиеся иногда объяснения отступлений от уголовного закона соображениями «целесообразности». В действительности целесообразным всегда является строгое соблюдение уголовного закона, так как при издании его законодатель учел наиболее целесообразные меры, которые должны применяться в данном случае.

V. Новым важным этапом в дальнейшем развитии принципа советской законности явилось издание Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и других общесоюзных уголовных законов в декабре 1958 г. и издание на их базе уголовных кодексов союзных республик в 1959—1961 гг.

Эти уголовные законы твердо закрепили в качестве безусловно обязательных положений советского права, что лицо может нести уголовную ответственность лишь в случаях и пределах, установленных уголовным законом и лишь за общественно опасные деяния, которые им самим виновно совершены, причем закон требует строгой индивидуализации ответственности и наказания.

Характерные черты уголовного закона, как устанавливающего виды преступлений и наказания за них, обуславливают тщательную подготовку советских уголовных законов, что свойственно и процессу разработки советских законов, относящихся к другим отраслям права.

В. И. Ленин указывал: «Обратить сугубое внимание на необходимость более *осторожной, тщательной подготовки* текста декретов»¹. Он говорил, что «законодательствовать надо с тройной оглядкой. *Семь раз примерь!*»².

В. И. Ленин, приняв непосредственное активное участие в подготовке Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., не только дал принципиальные руководящие указания, но и лично сформулировал наиболее важные положения о борьбе с контрреволюционными преступлениями³.

При этом характерна та величайшая тщательность, с которой относился В. И. Ленин к подготовке текста закона, ибо он составил три варианта одной статьи Уголовного кодекса.

Проекты систематизированных уголовных законов (Основ, уголовных кодексов и др.) подвергаются обычно широкому обсуждению. В. И. Ленин писал, что в Советской стране «каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства...»⁴. Программа КПСС говорит, что «системой должно стать обсуждение трудящимися проектов законов и других решений как общегосударственного, так и местного значения».

Весьма обстоятельная подготовительная работа была проделана при создании уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1958—1961 гг.

Проекты Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления явились результатом большого коллективного труда. Первоначальные проекты Основ, подготовленные при активном участии работников прокуратуры, судебных органов, Юридической комиссии, большой группы практических работников юстиции и ученых, рассылались в союзные республики и обсуждались на местах.

Таким образом, уже предварительная подготовка этих законопроектов осуществлялась на широких демократических началах, и комиссии законодательных предложений Верховного Совета СССР имели возмож-

¹ Ленинский сборник XXIII, стр. 226.

² Ленинский сборник XXXV, стр. 327.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 321—322.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 185.

ность учесть мнение различных кругов советской общественности.

После внесения поправок и дополнений на основе замечаний, поступивших с мест, проект Основ уголовного законодательства (как и Основ уголовного судопроизводства) был летом 1958 г. опубликован для широкого обсуждения¹.

Комиссии законодательных предположений получили от трудящихся многочисленные поправки и дополнения. Тщательным образом были изучены и многочисленные высказывания по законопроектам на страницах наших газет и журналов. Все это было учтено при окончательном редактировании законопроектов, перед тем как внести их на рассмотрение Верховного Совета СССР. Достаточно сравнить проект Основ, опубликованный в июне 1958 г., и текст Основ, принятых Верховным Советом СССР, чтобы убедиться, какое большое число предложений и замечаний со стороны советской общественности было отражено в Основах.

Проекты уголовных кодексов союзных республик, изданных в 1959—1961 гг., подвергались также широкому и плодотворному обсуждению со стороны практических и научных работников и со стороны широких кругов советской общественности.

¹ «Советское государство и право», 1958, № 6; «Социалистическая законность», 1958, № 6, и др.

Глава вторая

ВИДЫ, СИСТЕМА И СТРОЕНИЕ СОВЕТСКИХ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ

§ 1. Виды советских уголовных законов

1. По объему и характеру взаимной связи содержащихся в них уголовноправовых норм советские уголовные законы можно разделить на четыре основных вида:

1. Уголовные законы, содержащие одну уголовноправовую норму или несколько не связанных между собой норм.

2. Уголовные законы, определяющие уголовную ответственность за несколько связанных между собой характером общественной опасности преступлений.

3. Уголовные законы, представляющие собой систематизированные нормативные акты, регулирующие совокупность всех или значительной части вопросов Общей части уголовного права или ответственность за преступление определенного рода.

4. Уголовные кодексы¹.

Уголовные законы, содержащие одну уголовноправовую норму либо несколько не связанных или отдаленно связанных между собой уголовноправовых норм, —

¹ А. А. Герцензон делит уголовные законы по объему содержания на: 1) состоящие из отдельной уголовноправовой нормы; 2) состоящие из ряда норм, посвященных борьбе с целой группой преступлений, объединенных общими родовыми признаками; 3) содержащие изложение общих принципов; 4) уголовные кодексы (А. А. Герцензон. Уголовное право. Часть Общая. М., Изд-во РИО ВЮА, 1948, стр. 178).

это преимущественно общесоюзные уголовные законы по вопросам Особенной части советского уголовного права, определяющие уголовную ответственность за какие-либо преступления, помимо государственных и воинских.

Поскольку в нашей стране нет общесоюзного уголовного кодекса, то такие законы не могут включаться в какой-либо общесоюзный систематизированный нормативный акт и потому действуют в качестве общесоюзных уголовных законов самостоятельно. Таковы, например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1961 г. «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов»¹, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1940 г. «Об ответственности за нарушение правил воинского учета»², устанавливающий за эти нарушения как административную, так в определенных случаях и уголовную ответственность (ст. 4).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»³, сейчас утративший силу, устанавливал уголовную ответственность за два различных преступления — за мелкую кражу на производстве (ст. 1) и за хулиганство в общественных местах (ст. 2). Поскольку эти две нормы по характеру составов преступлений не связаны между собой, они утратили силу в разное время. Часть 1 утратила силу с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а ч. 2 — с изданием в каждой союзной республике в 1959—1961 гг. новых уголовных кодексов.

Иногда уголовные законы, содержащие одну или несколько юридически не связанных между собой норм представляют собой статьи уголовноправового содержания в законах, относящихся к другим отраслям советского права. Таковы, например, ст.ст. 109 и 110 упомянувшегося Положения о выборах в Верховный Совет СССР от 2 января 1959 г.

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 22.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 28.

³ Там же

После издания в 1958 г. Основ уголовноправовые статьи в законах, относящихся к другим отраслям права, не встречались.

Такие статьи тесно связаны со всем содержанием закона. Поэтому для понимания и правильного применения статей уголовноправового характера, содержащихся в законах, относящихся к другим отраслям права, необходимо установить как внутреннюю связь уголовноправовых статей с другими статьями уголовного закона, так и соотношение их с другими, относящимися к другим отраслям советского права статьями того же самого закона.

II. Уголовные законы, определяющие уголовную ответственность за несколько связанных между собой преступлений, устанавливают ответственность за преступления, отличающиеся большим сходством, либо за такие преступления, борьба с которыми предполагает единую систему уголовноправовых мероприятий, частично за преступления, способствующие совершению деяний, против которых направлено острие данного закона. Таковы, например, были утратившие силу с изданием уголовных кодексов союзных республик Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан»¹.

К числу таких нормативных актов относится Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников», который определяет уголовную ответственность за такие посягательства на этих лиц, как оскорбление, сопротивление, посягательства на жизнь, а также административную ответственность за злостное неповиновение законным распоряжениям названных лиц².

Следует заметить, что упоминаемые выше уголовные законы, содержащие как одну, так и несколько уголовноправовых норм, отнюдь не действуют изолированно

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, № 19.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1962, № 8.

от всей системы советского уголовного законодательства. Хотя многие из них ранее юридически и не включались в систематизированный нормативный акт (в Основные начала, Уголовный кодекс и др.), но по существу представляли их органическую часть, так как к ним, например, применялись все нормы Общей части, о чем теперь специально указано в ст. 2 УК РСФСР и в некоторых УК других союзных республик.

Особое место в этой группе уголовных законов занимает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»¹. Указ содержит комплекс уголовно-правовых мероприятий, относящихся как к Общей, так и Особенной частям советского уголовного законодательства, направленных на усиление борьбы с особо опасными преступлениями: 1) установление в качестве альтернативного наказания смертной казни за отдельные особо опасные преступления, с определением признаков составов этих преступлений; 2) исключение применения условно-досрочного освобождения либо замены неотбытой части наказания более мягким наказанием в отношении осужденных за ряд преступлений; 3) включение в санкции ряда статей о государственных преступлениях, в качестве факультативной дополнительной меры наказания, ссылки на срок от 2 до 5 лет.

Хотя все нормы этого Указа самим этим же Указом и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 г., а затем законами союзных республик были включены в Основы, в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и в УК союзных республик, все же он (Указ от 5 мая 1961 г.) сохраняет значение важного нормативного акта, определяющего в совокупности виды особо опасных преступлений, значение и характер уголовноправовой борьбы с ними.

III. Уголовные законы, определяющие значительную часть положений Общей части или устанавливающие уголовную ответственность за большую группу однородных преступлений, представляют собой систематизированные нормативные акты, охватывающие

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 19.

однако, не совокупность всех норм уголовного права, а какую-либо значительную по объему их часть, в известной мере обособленную.

Таковы, например, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Эти законодательные акты содержат большую часть всех норм Общей части Советского уголовного права, причем эти нормы тесно связаны между собой.

Таковы и относящиеся к Особой части общесоюзные Положение о преступлениях государственных 1927 г., Положение о воинских преступлениях 1927 г., утратившие силу в январе 1959 г., действующие Закон об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. и Закон об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г.

Уголовные законы, содержащие систематизированные нормы, определяющие ответственность за группу преступлений, характеризуемых, за отдельными исключениями, прежде всего единством объекта посягательства, представляют собой органическую часть всей совокупности уголовноправовых положений. Поэтому в отношении их, в частности, применимы все положения Основ в Общей части УК соответствующей республики.

IV. Уголовный кодекс — это отличающийся внутренним единством законодательный акт, представляющий собой систему взаимосвязанных норм, определяющих принципы советского уголовного права и устанавливающих, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и какие наказания подлежат применению к лицам, совершившим эти преступления.

Содержательная характеристика кодекса как законодательного акта независимо от отрасли права, к которой он относится, дается Л. С. Галесником.

Он пишет: «Кодекс — это не обычный закон. Кодекс является единым законодательным актом и одновременно сборником законов по определенной отрасли права. Нормы, образующие кодекс и изложенные в его статьях, должны быть расположены в строгой последовательно-

сти по тщательно продуманной системе, отражающей внутреннюю структуру данной отрасли права. Каждая статья кодекса имеет самостоятельное значение и в то же время есть составная часть, звено в общей цепи норм, образующих кодекс. Ни одна из статей кодекса не должна повторять другую статью, но она не должна и противоречить другим статьям. Каждая отдельная норма, закрепленная в кодексе, должна быть подчинена принципам данной отрасли права. Для таких единых актов, как кодексы, важное значение имеет единообразие терминологии, строго определенный смысл каждого понятия, повторяющегося в разных статьях»¹.

Нельзя, однако, согласиться с мнением Л. С. Галесника, что кодекс является не только единым законодательным актом, но «одновременно сборником законов по определенной отрасли права». Особенность кодекса, отличающая его от свода законов, состоит именно в том, что он — единый законодательный акт. Позднейшие дополнения и изменения кодекса вновь изданными законами не делают кодекса сборником законов, потому что они включаются органически в ткань кодекса. Поэтому кодекс датируется годом, когда он издан, независимо от числа позднейших дополнений и изменений.

В Общей части УК РСФСР редакции 1926 г. за время его действия из 57 статей было изменено 28, причем 4 статьи изменялись дважды, исключены 3 статьи, вновь включена одна статья. В главе «Иные преступления против порядка управления», в которой в момент издания УК РСФСР 1926 г. было 49 статей, за время действия кодекса включено 17 новых статей, исключено — 4, изменено — 15, из них две статьи были изменены дважды. Подобные изменения произведены и в других главах УК, тем не менее он всегда назывался и называется Уголовным кодексом РСФСР редакции 1926 г.

УК союзных республик 1922 г. и 1926—1928 гг. содержали бóльшую часть норм уголовного права. Некоторые нормы уголовного права содержались в общесоюзных уголовных законах, не включавшихся в УК союзных республик. Так, не были включены в УК и дей-

¹ Л. С. Галесник. Теоретические вопросы кодификации советского законодательства. «Вопросы кодификации советского законодательства». Сборник статей. Свердловск, 1957, стр. 7.

ствовали самостоятельно Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. и некоторые другие.

С отменой аналогии Основами 1958 г. возникла настоятельная необходимость такого полного охвата в уголовном законе уголовно-наказуемых деяний, при котором были бы исключены пробелы.

Например, в утративших силу УК почти всех союзных республик не было статей об уголовной ответственности за неосторожное уничтожение и повреждение государственного и общественного имущества, причем применение по аналогии статей 79² и 79¹ УК РСФСР 1926 г., предусматривавших ответственность за неосторожное истребление или повреждение строго определенных видов имущества (лошади, тракторы, сельскохозяйственные машины), было неточным¹.

Пробелом являлось отсутствие во всех УК статьи об ответственности за подделку штампов, печатей, бланков, за похищение важных личных документов, за подкуп или понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний, либо эксперта к даче ложного заключения. В большинстве УК не была прямо предусмотрена ответственность за растрату, отчуждение или сокрытие имущества, подвергнутого аресту или описи, за похищение предметов из могил, содержание притонов для азартных игр и др.

Включение ряда новых составов преступлений, в частности всех только что названных, в уголовные кодексы, изданные в 1959—1961 гг., объясняется главным образом тем, что эти деяния могли при наличии аналогии и без специального указания в Особенной части влечь и иногда реально влекли уголовную ответственность. С отменой же аналогии понадобилось специальное указание в УК об ответственности за эти деяния.

Пробелы закона встречаются и в новых УК союзных республик 1959—1961 гг. Например, в УК РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР не была предусмотрена уголовная ответственность за самовольный угон

¹ П. Т. Васильков, Ю. Е. Волков. О точности и определенности формулирования правовых норм. Сб. «Вопросы кодификации советского законодательства», стр. 24.

чужой автомашины без цели завладения¹. Отсутствие такой статьи может иметь последствием квалификацию названного деяния как хулиганства или как самоуправства, хотя состав этих преступлений не содержит признаков состава данного деяния.

V. Ст. 2 Основ 1958 г., перечисляя общесоюзные уголовные законы и уголовные законы союзных республик, к последним относит только уголовные кодексы. Все конституции союзных республик, устанавливая компетенцию высших органов власти в области уголовного законодательства, упоминают лишь уголовный кодекс.

Из этого можно сделать вывод, что единственным уголовным законом в каждой союзной республике должен быть только уголовный кодекс, а все новые уголовно-правовые положения должны включаться в УК. Это четко выражено в ст. 2 УК Армянской ССР 1961 г., которая гласит, что «уголовное законодательство Армянской ССР состоит из Уголовного кодекса Армянской ССР».

Поэтому не соответствует ст. 2 Основ содержащееся в ст. 2 УК Казахской ССР указание на возможность издания помимо уголовного кодекса и других уголовных законов.

§ 2. Система советского уголовного закона

I. В системе советского уголовного закона находят непосредственное выражение принципы советского уголовного права как права высшего социалистического типа.

В системе советского уголовного законодательства наиболее важное принципиальное значение имеет деление уголовного закона на две части: Общую и Особенную. Это деление проведено во всех УК союзных республик, издававшихся начиная с 1922 г., за исключением утратившего теперь силу УК Белорусской ССР 1928 г. Деление на Общую и Особенную части принято и в уголовных кодексах зарубежных социалистических государств.

¹ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1965 г. в УК РСФСР включена новая статья — 212¹, установившая ответственность за это преступление.

Обе части советского уголовного закона представляют в совокупности органическое единство, но вместе с тем существенно различаются по характеру норм. Поэтому следует говорить отдельно о системе Общей части и системе Особенной части советского уголовного закона.

В Общей части советских уголовных законов определяются принципы и общие положения уголовного законодательства — задачи уголовного законодательства, виды советских уголовных законов, основания уголовной ответственности, действие уголовного закона в пространстве и времени, преступление, цели наказания и его виды, применение наказания, освобождение от наказания, принудительные меры медицинского и воспитательного характера.

В Особенной части указываются конкретные общественно опасные и наказуемые по уголовному закону деяния (особо опасные и иные государственные преступления, убийство, клевета, хищение государственного или общественного имущества, хулиганство и т. д.) и определяется конкретная мера наказания за каждое деяние.

Уголовные законы, не содержащиеся в УК, также по содержанию относятся либо к Общей, либо к Особенной части уголовного права. Например, Основы 1958 г. содержат положения Общей части, а Закон об уголовной ответственности за государственные преступления — Особенной части.

Неосновательно утверждение, что статьи Общей части или декларативные, или же определительные, дающие формулировки институтов и понятий уголовного права¹.

Статьи Общей части уголовного закона не только определяют те или иные понятия или институты, но предписывают при определенных условиях компетентным учреждениям, должностным лицам и гражданам те или иные действия или воздержание от них. Статьи Общей части в единстве со статьями Особенной части также имеют императивный характер.

¹ «Уголовное право. Общая часть», изд. 4. М., Юриздат, 1948, стр. 231—232; сходно в кн.: «Советское уголовное право». Учебник для юридических школ. М., Юриздат, 1940, стр. 39; Я. М. Брайн и н. Советское уголовное право. Общая часть, вып. I. Изд-во Киевск. гос. ун-та, 1955, стр. 151.

Тем более нельзя выделять некоторые статьи как декларативные. Каждая статья советского уголовного закона, включая и статьи, излагающие принципы и задачи законодательства, содержит конкретное предписание.

Нельзя согласиться с утверждением А. Н. Трайнина, что Общая часть содержит общие основания, которыми регулируется борьба государства с общественно опасными преступлениями, что нормы Общей части определяют общую линию карательной политики государства¹.

Общая линия карательной политики в совокупности определяется как в предписаниях Общей части, так и в круге деяний, признаваемых преступными, в определении составов этих преступлений и в конкретных санкциях, установленных законом за отдельные виды преступлений.

Статьи Общей части, относящиеся к преступлению, за отдельными исключениями, не отличаются по содержанию от статей Особенной части (точнее от их диспозиций). Они в общей (в отличие от диспозиций статей Особенной части) форме определяют, что преступны только деяния, совершенные вменяемыми лицами, совершенные умышленно или по неосторожности, совершенные при отсутствии таких обстоятельств, как крайняя необходимость и необходимая оборона. Они определяют, далее, что преступно как само совершение преступного деяния, так и покушение на него и соучастие в его совершении и т. д. Такой же общий характер имеют положения Общей части уголовного закона, относящиеся к наказанию, особенно к его видам и применению наказания.

II. Соотношение Общей и Особенной частей в области определения преступления можно представить как соотношение общего и единичного при единстве содержания. Статьи Общей части принимаются во внимание каждый раз, когда речь идет о статье Особенной части. В этом отношении Общая часть уголовного права существенно отличается, например, от Общих положений гражданского права. Это объясняется разнообразием

¹ А. Н. Трайнин. Система Общей части уголовного права. «Советское государство и право», 1946, № 5—6, стр. 8.

тех отношений, которые регулирует гражданское право, и строго ограниченным характером области, отводимой уголовному праву. И Общая, и Особенная части в основном касаются только одного предмета: определения преступления и установления за него наказания. Поэтому они и представляют собой неразрывное единое целое.

М. Д. Шаргородский, говоря о соотношении статей Общей и Особенной частей, правильно отмечает, что общим принципом уголовного права является положение о том, что все нормы Общей части уголовного кодекса распространяются и на статьи Особенной части, а также на любой состав преступления, хотя бы он был предусмотрен каким-либо специальным законом, если иное не указано в самом уголовном законе¹.

Нельзя поэтому отдельные разделы Особенной части включать в одну группу с разделами Общей части. В учебнике уголовного права для юридических вузов (1948 г.) все нормы уголовного кодекса разделены на шесть групп, из которых «первые пять групп образуют собою систему Общей части, а шестая, по своему объему наиболее обширная группа составляет Особенную часть»².

Явно нецелесообразным и не соответствующим духу общесоюзного уголовного законодательства было исключение в УК Белорусской ССР 1928 г. понятий Общей и Особенной частей. В Кодексе были подряд расположены глава I, содержащая статьи Общей части, глава II, содержащая статьи о контрреволюционных преступлениях, глава III — о преступлениях против порядка управления и т. д.

Единство Общей и Особенной частей отнюдь не означает их тождества и уничтожения различий между ними.

III. Общая часть советского уголовного закона делится на ряд глав или разделов.

Существенным усовершенствованием этой системы следует признать выделение в Основах 1958 г. и затем в УК союзных республик раздела «Общие положения», куда входят важнейшие принципиальные положения о

¹ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 58.

² «Уголовное право. Общая часть», М., Юриздат, 1948, стр. 230.

задачах советского уголовного законодательства, об основаниях уголовной ответственности, об общесоюзных уголовных законах и УК союзных республик, а также о пределах действия уголовного закона.

Основы, включив в раздел «Общие положения» статьи о действии уголовного закона в пространстве и во времени, придали этим нормам большое принципиальное значение.

Эти нормы тесно связаны с нормой об основаниях уголовной ответственности. Они определяют по существенному признаку преступность и наказуемость деяния. Ст. 6 о действии уголовного закона во времени развивает и закрепляет положение ст. 3 Основ о том, что преступление есть деяние, предусмотренное уголовным законом, и содержит общие, относящиеся ко всем преступлениям, положения, определяющие преступность и наказуемость деяния в зависимости от действия во времени уголовного закона, влияние на преступность и наказуемость ранее совершенного деяния изменения воли законодателя относительно ответственности за это деяние. Положения о действии уголовного закона во времени важны и для осуществления его предупредительного действия.

Нормы о действии советского уголовного закона в пространстве (ст.ст. 4 и 5 Основ) касаются всех норм Общей и Особенной частей. Они определяют преступность и наказуемость деяния в зависимости от его места совершения. Вопросы, разрешаемые этими нормами, тесно связаны с важными проблемами советского государственного права и международного права. Следовательно, ст.ст. 4, 5, 6 Основ, как и ст.ст. 1, 2, 3, вполне основательно включены в раздел «Общие положения».

Не обоснованным по существу и расходящимся с Основами надо признать выделение статей о действии уголовного кодекса в пространстве и времени из раздела «Общие положения» в специальный, неизвестный Основам раздел: «Пределы действия УК», что сделано в действующих УК РСФСР, Украинской ССР, Грузинской ССР, Таджикской ССР. В остальных одиннадцати УК названные статьи, как и в Основах, содержатся в разделе «Общие положения».

Раздел о пределах действия уголовного закона был

в «Основных началах» 1924 г. и УК союзных республик 1928—1935 гг., но в этих законах не было раздела «Общие положения».

По существу к разделу «Общие положения» следовало бы отнести также статьи о понятии преступления (ст. 7), о целях наказания (ст. 20), об общих началах назначения наказания (ст. 32). По-видимому, они не включены в этот раздел потому, что было нецелесообразно отрывать их от других статей о преступлении и наказании, с которыми они тесно связаны.

В ранее действовавших УК 1926—1935 гг. вслед за разделом «О задачах уголовного законодательства» (он состоял из одной статьи) и разделом «О пределах действия уголовного кодекса» находился раздел «Общие начала уголовной политики», содержание которого, однако, не вполне соответствовало названию. В этом разделе находились статьи о понятии преступления, целях наказания, умысле и неосторожности, необходимой обороне и крайней необходимости, невменяемости, ответственности несовершеннолетних, стадиях совершения преступления, соучастии, давности, аналогии, из которых лишь статьи о понятии преступления и целях наказания и в известной мере об умысле и неосторожности можно считать выражающими общие начала уголовной политики.

Поскольку статьи, определяющие основания уголовной ответственности, виды уголовных законов и пределы их действия (ст. ст. 2, 3, 4, 5, 6 Основ) распространяют свое действие на все остальные статьи Общей части и на Особенную часть советского уголовного закона, весь раздел «Общие положения», включая и нормы о пределах действия уголовного закона, должен предшествовать разделам о преступлении и наказании, как в системе норм Общей части, так и в системе советской науки уголовного права¹.

¹ Лишь в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. раздел VIII «О пространстве действия уголовного права» был помещен в самом конце «Руководящих начал».

Во всех УК союзных республик, начиная с УК 1922 г., и в общесоюзных уголовных законах статьи о пределах действия уголовного закона помещены в начале закона до статей о преступлении. Так же в УК Венгерской Народной Республики, Румынской Социалистической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики. В УК Народной

Следующий раздел «О преступлении», где содержатся статьи о понятии преступления, умысле и неосторожности, ответственности несовершеннолетних, невменяемости, необходимой обороне и крайней необходимости как обстоятельствах, исключающих общественную опасность и уголовную противоправность деяния, о приготовлении и покушении, соучастии, укрывательстве и недонесении.

В следующем разделе «О наказании» определяются цели и виды наказания. Название это не совсем точно. Оно слишком широко, ибо охватывает и назначение наказания и освобождение от него. По существу это раздел о целях и видах наказания.

В разделе «О назначении наказания и освобождении от наказания» содержатся положения об общих началах назначения наказания, о смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельствах, о совокупности преступлений и др., а также о давности, об освобождении от уголовной ответственности и наказания, о погашении судимости и др.

В УК Эстонской ССР статьи об освобождении от наказания выделены в отдельную главу. Это заслуживает внимания, так как статья, определяющая принципы и общие положения о назначении наказания (ст. 32 Основ), не относится к статьям об освобождении от наказания. К тому же сейчас этот раздел стал громоздким.

Почти во всех УК союзных республик включена глава «О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера», которой нет в Основах, так как определение видов этих мер и порядка их применения Основы отнесли к компетенции союзных республик.

IV. Следует заметить, что и советское уголовное законодательство и советская наука уголовного права ставят на первое место в системе Общей части статьи о преступлении, а не о наказании, в противоположность буржуазному уголовному законодательству, которое на первое место ставит именно статьи о наказании (а бур-

Республики Болгарии, Социалистической Федеративной Республики Югославии глава, содержащая эти статьи, помещена в конце Общей части УК, а в УК Чехословацкой Социалистической Республики — в середине Общей части после главы II, называемой «Основы уголовной ответственности».

жуазная наука — проблеме наказания), причем вопросы о преступлении и субъекте преступления получают значение производных от вопросов наказания.

Так, Французский Уголовный кодекс 1810 г. в книге первой содержит нормы о наказаниях уголовных и исправительных и об их последствиях. Только книга вторая (ст. 59 и сл.) содержит постановления о лицах, наказуемых, освобождаемых от ответственности или ответственных за преступления или проступки. Кроме того, постановления об ответственности за покушение содержатся в предварительных постановлениях.

Австрийский Уголовный кодекс начинается статьями о мерах наказания. Русское Уголовное уложение 1903 г. в ст. 1 содержало формальное определение преступления, а в ст. 2 — только перечень наказаний. Следующий (если не считать статей о пределах действия уложения) раздел был посвящен вопросам наказания (ст. 15 и сл.). Статьи о наказаниях предшествуют статьям о преступлении в Итальянском УК 1930 г. В Швейцарском УК 1937 г. раздел второй предшествует разделу о наказании, но он озаглавлен как «Условия репрессии», причем критерием отнесения деяния к числу преступлений и проступков является характер и тяжесть наказания, в первом случае — каторжная тюрьма, а во втором — тюремное заключение как самое строгое наказание. Следовательно, и в этом УК нормы о преступлении производны от наказания.

Это объясняется тем, что буржуазному уголовному праву свойственно лишь формальное определение преступления, скрывающее классовую сущность преступления, которое поэтому не имеет собственных материальных признаков, а рассматривается как деяние, влекущее наказание, как понятие, производное от наказания¹.

Буржуазному уголовному праву неизвестно научное, материальное определение преступления. Формальное же определение преступления по существу представляет собой простое констатирование факта признания по закону наказуемости деяния, потому оно не может играть определяющей роли.

Научное, материальное определение преступления как общественно опасного действия или бездействия,

¹ Н. Д. Дурманов Понятие преступления, стр. 7—12.

даваемое только социалистическим уголовным правом, является основой всех норм о преступлении (о стадиях, соучастии и др.).

Это определение имеет весьма существенное значение для построения норм о наказании и потому раздел о преступлении предшествует в системе Общей части советского уголовного права разделу о наказании¹.

По этому принципу построены уголовные кодексы зарубежных социалистических государств. Например, в УК Народной Республики Болгарии 1951 г. после ст. 1, определяющей задачи Уголовного кодекса, следуют разделы «Преступление», «Вменяемость», «Приготовление и покушение», «Соучастие», а затем уже раздел «Наказание». В УК Чехословацкой Социалистической Республики 1961 г. после главы I, определяющей цели уголовного закона, следует глава II «Основы уголовной ответственности», содержащая статьи о преступлении. В УК Венгерской Народной Республики 1961 г. глава о преступлении помещена после главы о действии уголовного закона.

Таким образом, в социалистическом уголовном законодательстве общепризнано, что нормы о преступлении предшествуют нормам о наказании.

V. Под Особенной частью уголовного закона понимается совокупность статей, определяющих преступность и наказуемость отдельных деяний. Статьи такого рода довольно часто не включались в кодифицированные уголовные законы (уголовные кодексы). Однако они все же должны рассматриваться как статьи Особенной части.

До кодификации советского уголовного законодательства, осуществленной в 1922 г., все же реально существовала Особенная часть советского уголовного законодательства, включавшая уголовные законы 1917—1922 гг.

¹ Уже в «Руководящих началах» по уголовному праву РСФСР 1919 г. раздел III «О преступлении и наказании» начинался с определения преступления. В УК РСФСР 1922 г. раздел II, следовавший за статьями о пределах действия Уголовного кодекса, назывался «Общие начала применения наказания», но по существу содержал главным образом нормы, определяющие преступление. В названии раздела, видимо, отражались остатки воззрения на проблемы преступления только как на предпосылки наказания.

или уголовноправовые нормы общих законов, устанавливавшие наказуемость отдельных деяний. Эта мысль находит подтверждение и в опыте построения системы Особенной части советского уголовного права на основе обобщения советской судебной практики примерно за год до издания Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Названная система затем легла в основу построения УК РСФСР 1922 г. и основанных на нем уголовных кодексов других советских республик, изданных в 1922 г.

Таким образом, понятие Особенной части советского уголовного закона шире понятия Особенной части УК, так как включает и те законы, которые не были законодателем включены в кодекс.

Неправильно во многих учебниках и учебных пособиях, а также в Курсе Особенной части советского уголовного права говорится о системе преступлений¹ в Особенной части советского уголовного права в целом и о системе преступлений в отдельных главах Особенной части. Обычно при этом утверждается, что Особенная часть содержит описание преступлений. Однако здесь не может быть речи о системе преступлений в Особенной части. Система представляет собой единое целое с расположением частей целого в определенной связи. Этого ни в коем случае нельзя сказать об общественно опасных деяниях, предусмотряемых статьями Особенной части.

Некоторые авторы делают поправку и говорят о системе составов преступлений в Особенной части. В этом тезисе, как и в утверждениях, что Особенная часть содержит описание преступлений, проявляется недооценка императивного характера статей Особенной (как и Общей) части, недооценка активной роли советского уголовного закона в предупреждении преступлений и его воспитательной роли. Определение состава преступления в диспозиции статьи Особенной части означает и определение запрета деяния, содержащего данный состав преступления, а содержание диспозиции неразрывно связано с данной санкцией.

Таким образом, следует говорить о системе норм, содержащихся в статьях Особенной части,

¹ Этот термин применялся некоторыми из дореволюционных авторов. См. И. Я. Фойницкий. Курс уголовного права. Пг., 1916, стр. 9, 162.

а не о системе преступлений или составов преступлений.

Изучение системы Особенной части представляет вместе с изучением системы Общей части крупную самостоятельную проблему. Поэтому в настоящей работе автор касается данной проблемы лишь в самых общих чертах. Некоторые вопросы системы Особенной части излагаются нами в учебнике Особенной части советского уголовного права¹.

VI. Система Особенной части советского уголовного права отражает отношения социалистического общества. Достаточно указать на разделы о государственных преступлениях, о преступлениях против социалистической собственности, о хозяйственных преступлениях, как специфических именно для уголовного права социалистического государства, и другие разделы.

Правильное построение системы Особенной части дает возможность применять общие мероприятия в отношении целой группы таких преступлений как в части предотвращения, предупреждения и пресечения этих преступлений, так и в части наказания виновных.

В основу системы норм Особенной части положен характер преступлений, т. е. характерные черты их общественной опасности. Для советского права неприемлема классификация преступных деяний по тяжести наказания. Поскольку советское право исходит из понятия преступления, а не наказания как первичного, санкция не может явиться основанием деления норм Особенной части.

В основу деления Особенной части на главы в советском уголовном законодательстве и в советской науке уголовного права положен, по общему правилу, объект преступления, именно родовый объект, т. е. объект, одинаковый для значительной группы преступлений, отличающихся сходными чертами, общественной опасности. Из этого вытекает и известное сходство уголовноправовых мер борьбы с этими преступлениями и мер их предупреждения.

Деление по родовому объекту дополняется выделением некоторых групп преступлений по субъекту преступления и другим основаниям (воинские преступления,

¹ «Советское уголовное право. Часть Особенная». Изд-во МГУ, 1964, стр. 13—18.

преступления, составляющие пережитки прежних вредных местных обычаев — пережитки родового быта по формулировке прежних уголовных кодексов, и др.).

Деление Особенной части на главы по родовому объекту исключает дробную классификацию Особенной части, принятую многими действующими кодексами капиталистических государств. При такой классификации теряются основные принципиальные линии системы, соединение преступлений в отдельные группы получает технический и произвольный характер.

При определении родового объекта посягательства советское законодательство исходит не из абстрактных логических понятий, а из реальных общественных отношений. Если возрастает значение какой-либо отрасли общественных отношений и если (что совсем не обязательно) это обстоятельство находит свое отражение и в усилении ее уголовноправовой охраны, например во введении новых уголовноправовых норм, то возможно выделение новой большой группы преступлений, посягающих на данные социалистические общественные отношения, с созданием новой главы Особенной части. С другой стороны, когда обнаруживается нецелесообразность дальнейшего существования какой-либо главы, то содержащиеся в ней нормы относятся к другим главам.

Так, в докладе о проекте УК РСФСР на заседании Верховного Совета РСФСР 27 октября 1960 г. председатель Комиссии законодательных предложений Верховного Совета РСФСР депутат В. И. Крестьянинов отметил, что в новом УК РСФСР выделены три новые главы Особенной части: о преступлениях против социалистической собственности, о преступлениях против политических и трудовых прав граждан, о преступлениях против правосудия¹.

Отвергая дробную классификацию разделов Особенной части, советское уголовное право отрицательно относится и к созданию очень больших комплексных разделов Особенной части, включающих преступления, посягающие на различные родовые объекты².

¹ «Заседания Верховного Совета РСФСР пятого созыва (третья сессия)». Стеногр. отчет. М., 1960, стр. 232.

² Критика деления Особенной части на такие большие комплексные разделы содержится в кн.: «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 19.

Проект УК Латвийской ССР, в котором в системе Особенной части объединялись в одном большом разделе до 2—4 разделов нынешнего УК, в этой части не встретил одобрения законодательных органов Латвийской ССР.

Деление на комплексные разделы, включающие нормы об ответственности за преступления, посягающие на несколько родовых объектов, привело бы к противопоставлению преступлений против общества и государства преступлениям против личности и прав граждан и к обезличиванию видов посягательств.

VII. На первом месте в Особенной части УК ставится глава о государственных преступлениях. Это наиболее тяжкие преступления, ответственность за них определяется только общесоюзным законодательством. Если деяние содержит признаки государственного преступления и какого-либо другого преступления, то по общему правилу применяются статьи о государственных преступлениях, однако в некоторых случаях, при наличии идеальной совокупности, возможно применение статей из других глав УК.

Глава о воинских преступлениях помещена в конце Особенной части в силу того, что составы этих преступлений, некоторые виды наказания, и в особенности субъекты преступлений, отличаются рядом существенных особенностей.

Расположение же остальных глав неодинаково. Нельзя согласиться с мнением отдельных авторов, считающих, что главы Особенной части должны располагаться в зависимости от тяжести преступлений, ответственность за которые в них предусмотрена, и важности охраняемых объектов¹.

Прежде всего в главах, например, о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, против социалистической собственности имеются статьи об ответственности за очень тяжкие преступления и за сравнительно легкие.

В действующих советских уголовных кодексах, как и раньше, принято выделение в Особенной части боль-

¹ А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I. М., Госюриздат, 1955, стр. 72 и сл.; «Советское уголовное право. Особенная часть». М., Госюриздат, 1958, стр. 11—15.

ших глав, нормы которых имели бы общие черты в зависимости от специфических черт общественной опасности включенных в эти главы преступлений и известной общности мер борьбы с этими преступлениями.

Почти во всех УК союзных республик 1959—1961 гг. принята следующая система Особенной части:

I. Государственные преступления.

1. Особо опасные государственные преступления.

2. Иные государственные преступления.

II. Преступления против социалистической собственности.

III. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.

IV. Преступления против политических и трудовых прав граждан.

V. Преступления против личной собственности граждан.

VI. Хозяйственные преступления.

VII. Должностные преступления.

VIII. Преступления против правосудия.

IX. Преступления против порядка управления.

X. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

XI. Военские преступления¹.

В УК РСФСР включена также глава XI «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» с ограниченными пределами действия в пространстве (ст. 236 УК РСФСР). Подобные главы содержались с некоторыми отличиями в названии в УК РСФСР 1926 г. и в УК РСФСР 1922 г. (куда была включена в 1924 г.), УК Узбекской ССР 1926 г., УК Армянской ССР 1927 г., УК Таджикской ССР 1935 г. В УК Грузинской ССР 1928 г. соответствующие нормы содержались в Положении о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, являвшемся приложением к УК. В УК Азербайджанской ССР 1927 г. и УК Туркменской ССР

¹ В УК РСФСР воинские преступления — XII.

1928 г. такой главы не было, соответствующие статьи включались в другие главы.

В действующих уголовных кодексах Узбекской ССР, Казахской ССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Армянской ССР, Туркменской ССР статьи об ответственности за такие преступления отнесены к числу преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности или к числу преступлений против политических и трудовых прав граждан.

В Уголовных кодексах Казахской ССР 1959 г., Армянской ССР 1960 г. и Молдавской ССР 1961 г. выделена глава «Транспортные преступления».

В УК Узбекской ССР 1959 г. и УК Молдавской ССР 1961 г. глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности предшествует главе о преступлениях против социалистической собственности¹.

Таким образом, система как Общей, так и Особенной частей в УК союзных республик 1959—1961 гг., за отдельными исключениями, одинакова. Это вызвано объективной целесообразностью такого построения системы УК. При отнесении некоторых статей к той или иной главе между отдельными УК в ряде случаев имеются различия.

§ 3. Строение советских уголовных законов

I. Советские уголовные законы делятся на статьи, каждая из которых содержит определенное веление закона.

Многие статьи как Общей, так и Особенной частей делятся на части. По общему правилу, в отдельных частях одной статьи Общей части развивается какое-либо одно положение закона, например определяются исправительные работы как вид наказания. В Особенной же отдельные части статьи в большинстве определяют характер ответственности за одно и то же преступление, но при наличии отягчающих или, наоборот, смяг-

¹ Система Особенной части УК союзных республик, утративших силу в 1960—1962 гг., приведена в составленной автором книге «Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик». М., Юриздат, 1948, стр. 20—27.

чающих обстоятельств. В виде исключения, иногда в определенной части статьи содержится изъятие из действия статьи.

Части статьи в большинстве УК не отделяются какими-либо показателями. В УК Эстонской ССР 1960 г. в самом законе указан порядковый номер каждой части. Это облегчает пользование кодексом, особенно тогда, когда статья состоит из 5—7 частей (например, ст. ст. 53 и 57 УК РСФСР, ст. 26 УК Узбекской ССР), и может иногда предотвратить ошибки в квалификации деяния или применении норм Общей части. Части статей иногда очень существенно различаются по содержанию, больше всего по санкциям. Поэтому точное указание части статьи в юридическом документе нередко имеет столь же важное значение, как и правильное указание самой статьи.

Статьи систематизированных нормативных актов, в особенности уголовных кодексов, располагаются в строгой последовательности, в зависимости от характера содержащихся в них норм.

Поэтому при дополнении уголовных кодексов и других уголовных законов новыми статьями они должны быть помещены не в конце главы и тем более не в конце кодекса, а соответственно их содержанию с тем, чтобы они были внутренне связаны с соседними статьями.

Поэтому новые статьи включаются с цифровыми или буквенными показателями. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 г. в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления была включена новая статья — ст. 14¹ (ст. 77¹ УК РСФСР), предусматривающая суровую уголовную ответственность за тяжкие преступления, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений. Как по характеру преступных действий (преступная группа, насилия над лишенными свободы и администрацией и др.), так и по характеру санкции эта статья имеет сходство со ст. 14 Закона, предусматривающей уголовную ответственность за бандитизм, и потому включена вслед за этой статьей.

II. В советской юридической литературе вызывает спор целесообразность включения в законы примечаний к статьям.

Целесообразность примечаний в законах в свое время отрицал И. С. Перетерский. В последние годы такое же мнение высказали В. М. Чхиквадзе и Д. А. Керимов¹. П. Е. Недбайло считает, что в ограниченных пределах, главным образом для разъяснения понятий или терминов, употребляемых в статье, примечания могут быть включены в закон, но что нецелесообразны примечания, создающие новые нормы². За сохранение примечаний как технического термина, но с целесообразным их использованием высказываются О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский³. Следует согласиться с названными авторами. Нет оснований полностью отбрасывать такую форму выражения воли законодателя, как примечание. При этом примечания могут содержать не только разъяснения понятий и терминов, употребляемых в статье или главе, но иногда и изъятия из действия статьи закона или, наоборот, указание на более широкое ее применение.

В УК союзных республик 1926—1935 гг. примечания широко применялись, причем имели различное содержание. В ряде действующих УК союзных республик примечания сохранены в небольшом количестве.

Так, в УК РСФСР 1960 г. в примечаниях I и II к ст. 24 дается определение особо опасного рецидивиста, о котором упоминается впервые в ст. 24, и определение тяжкого преступления⁴. Примечания к ст. 89 и ст. 144 УК РСФСР определяют понятие повторности совершения преступлений, о которых упоминается в ряде статей главы II и главы V УК РСФСР. Примечание к ст. 170 определяет понятие должностного лица как субъекта преступлений, предусмотренных ст. ст. 170—175 УК РСФСР.

¹ См. В. М. Чхиквадзе и Д. А. Керимов. Роль советской правовой науки в совершенствовании законодательства. Сб. «Вопросы кодификации». М., Госюриздат, 1957, стр. 26.

² См. П. Е. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы, стр. 85.

³ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., Госюриздат, 1961, стр. 375, 376.

⁴ Эти примечания столь громоздки, что было бы целесообразно превратить их в две самостоятельные статьи. Во всех других УК союзных республик понятие особо опасного рецидивиста определено в самостоятельной статье, но перечень тяжких преступлений включен в текст статьи о лишении свободы.

Особенно целесообразно включение примечания, когда содержащаяся в нем норма относится не только к данной, но и к другим статьям УК, как в названных примечаниях к ст. ст. 89, 144, 170 УК РСФСР. Примечание к ст. 174 УК РСФСР содержит изъятие из действия статьи в отношении лица, давшего взятку, если было вымогательство взятки или давший взятку затем добровольно заявил о случившемся.

III. Статьи Особенной части уголовного закона, за отдельными исключениями, существенно отличаются по своей структуре от статей Общей части.

Они состоят из диспозиции и санкции. В статье Особенной части, которая делится на части, в каждой такой части воспроизводится общее содержание уголовно-правовой нормы и вместе с тем указываются особенности, имеющие иногда очень важное значение. Поэтому каждая часть статьи содержит диспозицию и санкцию.

Например, ст. 144 УК РСФСР об ответственности за кражу личного имущества граждан состоит из трех частей. В ч. I определяется состав кражи и наказание за кражу без отягчающих обстоятельств. По ч. 2 наказывалось более сурово кража при наличии хотя бы одного из четырех отягчающих обстоятельств (предварительный сговор группы лиц, применение технических средств, повторность, причинение значительного ущерба потерпевшему). Наконец, по ч. 3 сурово наказывалась кража, совершенная особо опасным рецидивистом.

В советской науке уголовного права термины «диспозиция» и «санкция» употребляются в двояком смысле: 1) для обозначения двух частей в статьях Особенной части; 2) для обозначения двух из трех элементов нормы уголовного права (третьим элементом признается гипотеза).

Поэтому в настоящей главе, где речь идет о строении уголовного закона, говорится только о диспозициях и санкциях как частях статей Особенной части, а в главе III — о диспозициях и санкциях уголовно-правовой нормы. Некоторые вопросы, например о бланкетной или ссылочной диспозиции, относятся только к строению уголовного закона. По мнению автора, таких диспозиций в норме не может быть (см. гл. III). Изложение

же видов санкций содержится главным образом в главе III, так как специфических видов санкций, характерных только для статей Особенной части уголовного закона, но не содержащихся в уголовноправовой норме, нет, кроме ссылочных санкций, являющихся техническим приемом, которого целесообразно избегать.

При таком разделении вопроса о диспозициях и санкциях не удалось избежать некоторых повторений.

Диспозиции статей Особенной части советского уголовного закона бывают четырех видов: а) простая, б) описательная, в) бланкетная и г) ссылочная. О простой и описательной диспозиции говорится ниже в главе III при определении диспозиции уголовноправовой нормы. Здесь же достаточно сказать, что простая диспозиция статьи Особенной части только называет преступное деяние, но не определяет его признаков (например, диспозиции ст. ст. 102, 103, 104 УК РСФСР, которые не содержат определения признаков убийства), а описательная диспозиция непосредственно в законе определяет признаки данного преступления (так, в ст. 144 УК РСФСР кража определяется как тайное похищение личного имущества граждан).

IV. Бланкетной называется диспозиция статьи Особенной части, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет преступного деяния и его признаков, а отсылает к другим законам или иным нормативным актам — постановлениям и распоряжениям правительства, приказам и инструкциям министерств, решениям местных органов власти и др. Эти нормативные акты могут быть изданы до введения в действие уголовного закона, содержащего бланкетную диспозицию, одновременно с ним и после его издания; они могут изменяться, но бланкетная диспозиция при этом может оставаться без каких-либо изменений. Например, бланкетной является диспозиция ст. 213 УК РСФСР, по которой наказывается нарушение действующих на транспорте правил, вызвавшее тяжкие последствия. Бланкетной является диспозиция ст. 140 УК РСФСР, по которой наказывается нарушение правил охраны труда, причинившее тяжкие последствия, диспозиция ст. 160 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за нарушение ветеринарных правил, повлекшее тяжкие последствия, и диспозиции ряда других статей.

В советском уголовном законодательстве 1958—1966 гг. число бланкетных диспозиций значительно сократилось.

Иногда бланкетная диспозиция предусматривает само лишь нарушение законов или правил. Таковы, например, диспозиция ч. 1 ст. 142 УК РСФСР, предусматривающей нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, ст. 197 УК РСФСР, предусматривающей нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне. Большой частью в бланкетных диспозициях предусмотрено нарушение каких-либо правил, причинившее вредные последствия.

В действующем уголовном законодательстве встречаются статьи, диспозиции которых имеют смешанный характер. Они частью содержат элементы простой диспозиции, так как называют некоторые конкретные виды наказуемого деяния, частью — элементы бланкетной, ибо в отношении остальных видов деяний отсылают к другим нормативным актам. Например, диспозиция ст. 138 УК РСФСР, озаглавленной «Нарушение законодательства о труде», предусматривает незаконное увольнение трудящегося с работы из личных побуждений, неисполнение решения суда о восстановлении на работе (простая диспозиция), а равно иное умышленное существенное нарушение законодательства о труде, совершенное должностным лицом (бланкетная диспозиция).

Иногда бланкетная диспозиция содержит вместе с тем конкретизирующие пояснения. Так, ст. 198 УК РСФСР, по которой наказывается злостное нарушение паспортных правил (бланкетная диспозиция), вместе с тем конкретно указывает, что имеется в виду нарушение, выразившееся в проживании без паспорта или без прописки. Это по существу простая диспозиция.

V. Ссылочной признается диспозиция, которая не содержит ни названия, ни признаков преступления, а отсылает к другой статье или части статьи уголовного закона, где это определение дается.

Отдельные части статей УК имеют ссылочные диспозиции с дополнительным признаком: «...те же деяния при наличии таких же условий». Например, в диспозиции ч. 2 ст. 173 УК РСФСР в словах «те же деяния» воспроизводится ч. I, определяющая получение взятки,

а затем указываются три обстоятельства, отягчающие получение взятки, являющиеся признаками диспозиции именно ч. 2.

Ссылочная диспозиция лишь заменяет собой повторение диспозиции другой статьи или части статьи, и потому она не представляет самостоятельного вида диспозиции.

VI. Санкцией называется часть статьи Особенной части уголовного закона, которая определяет вид и размер наказания за данное преступление. В санкции выражается характер и степень общественной опасности преступления. Большое принципиальное и практическое значение имеет положение ст. 32 Основ, согласно которому пределы наказания должны быть обязательно установлены в статье, предусматривающей уголовную ответственность за данное преступление.

В ст. 36 УК РСФСР 1926 г. (в редакции законов 15 февраля и 30 мая 1931 г.)¹ были перечислены статьи УК, по которым могла применяться ссылка как основное наказание на срок до 10 лет или как дополнительное наказание на срок до 5 лет. Соответствующих указаний на применение ссылки в санкциях этих статей Особенной части не содержалось, за исключением ч. 1 ст. 63 и ст. 73¹, но и в этих статьях санкция в виде ссылки до 3 лет утратила силу, так как была заменена более суровой общей санкцией, указанной в ст. 36 УК РСФСР.

Опыт показал, что такая система имеет существенные недостатки, в частности, при ней нет должной дифференциации наказаний в зависимости от характера и тяжести преступлений, недостаточно предупреждающее воздействие статьи закона, поскольку в самой ее санкции не указано столь суровое наказание, как ссылка.

По общему правилу, санкция определяет вид и размер основного наказания. Если дополнительные наказания (ссылка, высылка, конфискация имущества, штраф) могут назначаться только в случаях, указанных в санкции, они всегда упоминаются, когда законодатель считает необходимым применять эти наказания или предоставляет суду возможность применить их. Дополнительные наказания, которые могут применяться без

¹ СУ РСФСР 1931 г. № 9, ст. 102; № 27, ст. 247.

указания в Особенной части, например увольнение от должности, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, сравнительно редко указываются в санкциях уголовных законов (например, в ст. 211 УК РСФСР).

Дополнительные меры наказания в санкциях указываются иногда в качестве обязательных для применения (например, ч. 3 ст. 92 УК РСФСР), но чаще в качестве факультативных (например, ч. 2 ст. 92 УК РСФСР). В последнем случае суд в зависимости от обстоятельств дела решает вопрос о применении или неприменении этих мер.

Виды санкций излагаются в главе III, где рассматривается санкция как элемент уголовноправовой нормы.

VII. Создание того или иного вида диспозиции или установление вида санкции в каждой статье советского уголовного закона всегда тщательно продумано и подчинено цели обеспечить наилучшее выполнение статьей уголовного закона задач по борьбе с преступлениями.

Следует еще отметить большую четкость и ясность диспозиций и точность санкций в советских уголовных законах, особенно в законах, изданных с 1958 г.

Глава третья

НОРМЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Общая характеристика норм уголовного права

I. Нормы уголовного права содержатся в уголовных законах — общесоюзных и республиканских. Подзаконные акты конкретизируют в необходимых случаях содержание уголовноправовой нормы, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и пленумов высших судов союзных республик, раскрывают содержание уголовноправовой нормы.

Нормы уголовного права отличаются рядом существенных особенностей; вопрос о существовании этих особенностей десятилетиями является предметом дискуссий.

Первый и наиболее важный вопрос, от решения которого зависит решение ряда существенных проблем советского уголовного права, — о самостоятельном или производном характере норм советского уголовного права.

Полностью отрицал самостоятельный, производный характер норм уголовного права К. Биндинг, считающийся автором так называемой нормативной теории. Воззрения Биндинга о природе положений уголовного права, которые он вообще не считает нормами, разделяются и в настоящее время многими буржуазными авторами. Отдельные положения Биндинга частично некритически восприняты и некоторыми советскими авторами. Поэтому следует вкратце изложить взгляды Биндинга и его последователей.

По Биндингу, уголовный закон не содержит норм, относящихся к поведению людей, не запрещает каких-либо видов поведения и не обязывает к определенному

поведению. Нормы содержатся, по мнению Биндинга, не в уголовном законе, а в законах из других отраслей права. Уголовный же закон лишь связывает с определенным противоправным поведением применение меры наказания.

Таким образом, уголовный закон адресуется исключительно к органам государственной власти, применяющим принуждение в виде уголовного наказания.

Норма, по Биндингу, преюдициальна уголовному праву¹. Это положение он иллюстрирует законами Моисея. В Декалоге, по мнению Биндинга, содержатся юридические (а не религиозные и моральные) нормы, которые четко и кратко определяют обязанности — не убивать, почитать родителей, не красть, не прелюбодействовать и т. д. Наказаний за нарушение этих норм Декалог не содержит. Уголовноправовые положения, основанные на Декалоге, содержатся в книгах Исхода и особенно Второзакония, также приписываемых Моисею².

Резюмируя свои основные взгляды, Биндинг выразил их в краткой формуле: норма порождает противоправность, закон — преступное деяние.

Таким образом, по Биндингу, норма (выраженная обязательно в других отраслях права) предшествует положению уголовного закона; преступник нарушает лишь норму, но не уголовный закон, последний может быть нарушен лишь государством и его органами³ при применении или неприменении наказания.

Излагаемая теория, обычно в буржуазной литературе приписываемая Биндингу, в действительности была им лишь наиболее последовательно развита. Основные положения этой теории были высказаны значительно раньше. На таких же принципах М. М. Сперанский строил XV том Свода законов 1832 г., содержащий уголовноправовые положения, а затем Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., составление которого было закончено уже после его смерти.

По мысли Сперанского, главы Уложения должны были соответствовать основным разделам всех других

¹ K. Binding. Die Normen und ihre Ubertretungen, Erster Band, Vierte Aufl. Leipzig, 1922, SS. 3, 67.

² Ibid., SS. 137, 138.

³ Ibid., S. 134.

законов, чтобы они стояли на страже этих законов. Исходя из этой идеи, Сперанский отнес большую часть уголовноправовых норм Свода законов 1832 г. и проектировавшееся им Уложение о наказаниях в конец Свода законов¹.

II. Ни Биндинг, ни его последователи, а тем более предшественники, не смогли назвать таких норм в других отраслях права, которые предусматривали бы запрет множества деяний, наказуемых по уголовному закону.

Например, запрет посягательств против личности: убийства, нанесения телесных повреждений, побоев, изнасилования, растления малолетних, похищения людей, незаконного лишения свободы, оскорбления, клеветы и многих других — не предусмотрен ни в одной отрасли права, кроме уголовного права. Не предусмотрен также запрет укрывательства преступлений, недонесения о преступлениях и множества других преступлений. Ни одна норма гражданского права не содержит запрета покушения на уничтожение чужого имущества и т. д.

Если бы не было статей уголовного права об ответственности за соучастие, то гражданское право не знало бы запрета действий подстрекателя, пособника при похищении имущества и даже соисполнителя, которому имущество не поступало.

Чтобы спасти нормативную теорию, отдельные буржуазные авторы предлагали различные дополнения и пояснения к ней. Например, Н. Д. Сергеевский утверждал, что многие из запретов известны каждому и поэтому они не формулируются в других отраслях права².

Майер заявлял, что преступлением нарушаются нормы культуры³, Бьерлинг внес поправку, указав, что бытие нормы создается и из уголовного закона, но логически сама норма существует вне уголовного законодательства⁴.

¹ «Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению Нового кодекса законов о наказаниях». СПб., 1846, стр. 69.

² См. Н. Д. Сергеевский Русское уголовное право. Часть Общая. Пг., 1915, стр. 39.

³ См. М. Е. Mayer. Rechtsnormen und Kulturnormen. Breslau, 1903, SS. 17, 33—34.

⁴ См. E. B. Bierling. Grundriss des Strafrechts. Jena, 1902, SS. 6, 13—14, 29.

С. П. Мокринский, считая, что роль уголовного права ограничивается тем, что оно снабжает карательными санкциями нормы других отраслей права, вместе с тем косвенно признавал, что некоторое количество норм устанавливается непосредственно самим уголовным правом¹.

Такой же компромиссный характер имеет мнение Хиппеля, признающего, однако, что господствует воззрение о производном характере норм уголовного права².

По существу все эти поправки буржуазных авторов уничтожают основные положения теории Биндинга.

Русский криминалист С. В. Познышев обратил внимание на коренной порок теории Биндинга, согласно которой норма мыслится как простое повеление, оторванное от санкции. Познышев писал: «Повеление что-либо сделать и указание на последствие неисполнения составляют одно целое, одну норму. Во всяком случае, если повеление может быть выражено без указания на последствия его неисполнения, то это указание не может существовать отдельно от данного повеления, а составляет с ним одно целое; иначе говоря, уголовный закон немыслим как нечто отличное от выраженного в нем приказа или запрета»³.

Нормативная теория Биндинга-Майера, несколько модернизированная, пользуется признанием в современной буржуазной уголовноправовой литературе. Так, Маурах называет несколько современных авторов, разделяющих эту теорию. По существу Маурах утверждает, что многое, ранее считавшееся спорным в этой теории, устарело или стало беспредметным, в частности вопрос о различии норм права и культурных норм. Основные же положения теории сохранились. Маурах полагает, что угроза наказанием должна строиться на теории нормы, находящейся вне уголовного права. Наказываться может только запрещенное деяние, но не повреждение правового блага как таковое. Если бы угроза наказанием непосредственно основывалась на неприкосновен-

¹ См. С. П. Мокринский. Система и методы науки уголовного права. СПб., 1906, стр. 29.

² R. Hippel Deutsches Strafrecht, Erster Band. Berlin, 1825, SS. 30—32.

³ С. В. Познышев. Основные начала науки уголовного права. М., 1912, стр. 87—88.

ности правового блага, то она последовательно должна была бы выразиться в установлении наказания за любое повреждение или поставление в опасность этого блага. Однако наказание угрожает в большинстве случаев только за определенное деяние, например из многочисленных нарушений правового блага — чужой собственности наказываются лишь единичные случаи — кража, разбой и т. п.

По мнению Маураха, это ограничение составов преступлений является следствием включения нормы, которая делает возможным процесс отбора уголовно-наказуемых деяний, осуществляемого посредством образования составов преступлений.

По Маураху, сама норма, не относящаяся к уголовному праву, существенно сужает круг запрещаемых деяний, охватывая не все случаи повреждения блага, а некоторые; а наказуемость (создаваемая уголовным законом) охватывает еще более узкий круг деяний из числа запрещаемых нормой. По мнению Маураха, разрешение важнейших проблем уголовного права о противоправности и вине возможно только на основании нормативной теории¹.

III. В основе теории, связанной с именем Биндинга, лежит формальное определение преступления, свойственное буржуазной теории уголовного права. При формальном понимании преступление не имеет качественных отличий от других неправомερных действий и даже от поведения, нарушающего только нормы морали. Единственное отличие, согласно этому взгляду, выражается в правовых последствиях деяния, и, таким образом, уголовное право лишь устанавливает наказание. В связи с этим противоправность деяния определяется какой-либо нормой, относящейся к другой отрасли права. Эта норма механически переносится в уголовное право и снабжается уголовными санкциями. А отсюда — только санкция принадлежит уголовному праву.

Теория Биндинга неприемлема для советской науки уголовного права, исходящей из материального определения преступления.

¹ R. M a u r a c h. Deutsches Strafrecht, Allgemeiner Teil. Karlsruhe, 1958, SS. 174—178.

Норма уголовного права, запрещающая деяние, исходит из характеристики всего деяния как общественно опасного, что и выражается в установлении за него уголовного наказания.

Норма уголовного права самостоятельна, она не воспроизводит каких-либо норм из других отраслей права. Она создается по иным основаниям, чем нормы других отраслей права, по признаку общественной опасности деяния. Об этом говорит ст. 1 Основ, указывая, что советское уголовное законодательство определяет, какие общественно опасные деяния являются преступными, и в соответствии с этим устанавливает наказания за их совершение.

В отличие от капиталистического строя в самой природе социалистического общества нет базы для преступности. Построение социализма устранило главные причины преступности, неизбежно присущие капиталистической системе. С построением коммунизма преступления будут полностью изжиты. Поэтому и нормы уголовного права имеют строго ограниченный и вместе с тем специфический характер, отражая тот факт, что преступность — это такое отрицательное явление, которое будет изжито с развитием коммунистических общественных отношений. Нормы других отраслей права в ряде случаев имеют вспомогательное значение для правильного понимания и применения норм уголовного права. Например, нормы уголовно-процессуального права, касающиеся свидетельских показаний и экспертизы, имеют большое значение для правильного понимания и применения норм уголовного права об ответственности за лжесвидетельство, но эта норма уголовного права самостоятельна.

IV. Некоторые советские авторы, касаясь природы уголовного права, высказывают соображения, в известной мере исходящие из тезиса, согласно которому общественные отношения уголовным правом не регулируются, что оно лишь стоит на страже других отраслей права.

М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе, излагая систему советского права, приходят к выводу, что уголовное право занимает особое положение в системе советского права и отличается от других отраслей права тем, что «государственное, административное и гражданское пра-

во регулируют определенные комплексы социалистических общественных отношений. Уголовное же право также имеет дело с этими отношениями. Однако оно не регулирует, а охраняет их». Уголовное право, по мнению названных авторов, регулирует те общественные отношения, которые возникают «вследствие общественно опасных посягательств на отношения социалистического общества»¹.

Примерно таково же мнение В. Г. Смирнова. Он полагает, что уголовное право регулирует лишь отношения, возникающие вследствие совершения кем-либо преступлений. В остальном же оно выполняет только охранительную функцию². Он считает, что нормы уголовного права служат одним из средств обеспечения самых разнообразных общественных отношений, независимо от того, нормами какой отрасли права они регулируются. Они фактически выступают как части норм какой-либо отрасли права. Запрет или веление, устанавливаемые в гипотезе уголовноправовой нормы, ничего самостоятельно не регулируют. «Напрашивается,— пишет В. Г. Смирнов,— сравнение нормы уголовного законодательства с часовым, стоящим на посту у склада социалистического имущества, который не регулирует отношений собственности, но охраняет их или с дружинником и милиционером, которые, проходя по улицам города, не регулируют, но охраняют общественный порядок»³. О. Э. Лейст полагает, что уголовное право не имеет своего собственного предмета регулирования, охраняя от существенного вреда различные отрасли социалистических отношений⁴.

Эти мнения неосновательны. Прежде всего нельзя представить себе такую правовую охрану определенных общественных отношений, которая не выражалась бы в регулировании их.

¹ М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе. О системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 6, стр. 108—110

² См. В. Г. Смирнов. Норма и правоотношение в уголовном праве. Сб. «Межвузовская научная конференция на тему «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов» (тезисы докладов)». Изд-во Киевск. гос. ун-та, 1961, стр. 81—83.

³ В. Г. Смирнов. Правоотношение в уголовном праве. «Правоведение», 1961, № 3, стр. 89.

⁴ См. О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. М., Госюриздат, 1962, стр. 105.

Норма советского уголовного права прежде всего определяет наиболее нетерпимые в социалистическом обществе поступки, запрещает их, направляет советских людей на борьбу с ними, на их предупреждение, пресечение, разоблачение. Норма уголовного права и ее применение оказывает большое воспитательное воздействие. Она способствует развитию и укреплению моральных норм, укреплению социалистического правосознания. Названные авторы сводят роль уголовноправовой нормы преимущественно к ее действию после совершения предусмотренного ею преступления, но это очень обедняет содержание уголовноправовой нормы¹.

По существу сводит уголовноправовую норму к санкции, адресованной лишь органам власти, и Н. П. Томашевский². По мнению А. Н. Трайнина³ и И. Ребане⁴, все виды «неправды» качественно однородны; нет никаких специфических черт уголовноправовой неправды. Из этого может быть сделан лишь один вывод, что в уголовноправовых нормах запрет заимствован из другой отрасли права и к уголовному праву относится только санкция.

Я. М. Браинин придерживается взгляда, что норма, охраняемая данным уголовным законом, либо предполагается существующей в виде неписаной нормы (таковы, например, нормы, являющиеся основанием многих статей, карающих посягательства на личность), либо выражается в другом нормативном акте, например, в трудовом законодательстве⁵. Таким образом, Я. М. Браинин считает все нормы советского уголовного права производными.

V. Действительное содержание советских уголовноправовых норм опровергает мнение названных авторов.

¹ О роли норм уголовного права в регулировании общественных отношений см. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960, стр. 95.

² См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В кн.: «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 218.

³ См. А. Н. Трайнин. Уголовное право. Общая часть. М., 1929, стр. 30.

⁴ См. И. Ребане. О разграничении видов правоотношений и юридических санкций по советскому социалистическому праву. «Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та», 1959, стр. 155.

⁵ См. Я. М. Браинин. Советское уголовное право. Общая часть, вып. 1, стр. 112.

Норма уголовного права выражает не противоправность деяния вообще, а специфическую уголовную противоправность общественно опасного деяния, которая находит свое выражение в уголовноправовой норме в целом, а не только в ее санкции. В силу именно этого уголовноправовая норма отличается от других норм.

Уголовная противоправность, пишет В. Н. Кудрявцев, существенно различна от всякой другой противоправности. Уголовно противоправным может быть признано только деяние, содержащее все элементы состава преступления. Если нет хотя бы одного элемента, то деяние юридически безразлично для уголовного права; но с точки зрения других отраслей права оно может быть противоправным¹.

Характеру гражданскоправового нарушения соответствует гражданскоправовая санкция, характеру административного нарушения — административная санкция. Специфической уголовной противоправности соответствует уголовноправовая санкция, предусматривающая уголовное наказание.

При сравнении преступлений с другими видами правонарушений по советскому праву сразу же можно видеть резкие, качественные различия между ними, если, конечно, для сравнения взять более опасные преступления и самые тяжкие административные нарушения, а не самые легкие преступления, соприкасающиеся с административными и дисциплинарными проступками. Едва ли у кого-либо возникает сомнение в качественном различии таких особо опасных преступлений, как измена родине, шпионаж и другие особо опасные государственные преступления, бандитизм, спекуляция валютой, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, разбой, хищение государственного или общественного имущества в крупных и особо крупных размерах, квалифицированное взяточничество, вынесение заведомо неправосудного приговора, и многие другие, и любых из административных и дисциплинарных проступков. Грани здесь резки и ясны. Разумеется, если для сравнения взять, скажем, должностную халатность, не повлекшую тяжких последствий, как уголовное

¹ См. В. Н. Кудрявцев. О противоправности преступлений. «Правоведение», 1959, № 1, стр. 70—71.

преступление (по ст. 111 УК РСФСР 1926 г.) и халатность как дисциплинарный проступок, то здесь качественное различие между преступлением и дисциплинарным проступком не будет столь ясным и очевидным, так как четких граней здесь нет в отличие от более опасных преступлений, которые вообще не граничат с какими-либо административными или дисциплинарными проступками того же вида.

Точно так же и тяжкие уголовные наказания не имеют ничего схожего с административными и дисциплинарными взысканиями. Таковы в особенности длительное лишение свободы и исключительная мера наказания — смертная казнь¹.

Эти особенности преступления и уголовного наказания отражает уголовная противоправность.

Специфический характер уголовной противоправности особенно ясно выражен в ч. 2 ст. 7 Основ 1958 г. (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР). Отсутствие общественной опасности при совершении малозначительного деяния исключает и уголовную противоправность. Если деяние, подпадающее под признаки ч. 2 ст. 7 Основ, причинило кому-то имущественный ущерб, оно остается гражданско-противоправным деянием. Если оно содержит в себе признаки деяния, влекущего ответственность в административном или дисциплинарном порядке, оно, следовательно, содержит специфический вид противоправности, но не уголовной. Если нет признаков и этих нарушений, деяние, подпадающее под признаки ч. 2 ст. 7 Основ, вообще не противоправно.

Дифференциация видов противоправности хорошо выражена и в гражданско-процессуальном законодательстве, где для решения вопроса о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, вступивший в законную силу, приговор суда по этому уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего гражданское дело о названных последствиях лишь по вопросам, имели ли место

¹ О. Э. Лейст пишет, что уголовноправовые санкции представляют собой наивысшую степень осуждения противоправного деяния как общественно опасного и преступного. Только уголовноправовые санкции устанавливают такие суровые наказания, как ссылка, высылка, лишение свободы, смертная казнь (см. О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, стр. 142).

эти действия и совершены ли они данным лицом (ст. 55 ГПК РСФСР). Следовательно, все вопросы о гражданско-правовых последствиях преступления рассматриваются только по нормам гражданского права.

Таким образом, норма уголовного права определяет уголовную противоправность, а не противоправность вообще¹, причем определяет независимо от других отраслей советского права.

Мнения советских авторов, отрицающих самостоятельный характер и регулирующую роль норм советского уголовного права, связаны с узким пониманием этих норм, как содержащих главным образом или исключительно элемент принуждения, тогда как этот элемент в норме социалистического уголовного права имеет производное и притом факультативное значение.

Уголовноправовая норма как и всякая норма советского права предписывает правомерное поведение.

С. Ф. Кечекьян пишет, что возможность принуждения составляет одно из средств воспитания и убеждения граждан. О. Э. Лейст подчеркивает, что норме права свойственно не само государственное принуждение, а возможность его применения за нарушение нормы права².

Осуществление норм права, пишет Н. Г. Александров, предполагает правомерное поведение, выражающееся в различных формах, в частности в воздержании от запрещенных действий. При этом огромное большинство советских граждан вполне сознательно и добровольно осуществляет норму права, так как это отражает действительные интересы народа, а неустойчивые элементы могут подчиняться требованию нормы и осуществлять ее из страха³.

¹ Вопрос о преступлении как деянии уголовно противоправном рассматривается в кн.: Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, гл. 6, 7.

Об уголовной противоправности деяний, предусмотренных нормами советского уголовного права, говорится в учебном пособии по Общей части советского уголовного права (Изд-во ЛГУ, 1960); в кн.: В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. М., Госюриздат, 1960 и др.

² См. С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 66—67; О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, стр. 17.

³ См. Н. Г. Александров и др. Основы теории государства и права. М., Госюриздат, 1960, стр. 325.

П. Е. Недбайло пишет, что «действие правовых норм не сводится к действию их санкций, в особенности санкций уголовноправовых норм. Санкции распространяются лишь на отрицательные поступки, сопряженные с нарушением правовых норм, ...правовые же нормы регулируют прежде всего положительные действия людей в коммунистическом строительстве»¹.

Осуществление уголовноправовых норм выражается прежде всего в том, что они не нарушаются, а также в широком воспитательном и организующем воздействии этих норм, которое принимает самые разнообразные формы и имеет весьма действенный характер, особенно сейчас, в период коммунистического строительства².

Норма социалистического права, согласно которой общественно опасный поступок относится к числу преступных и наказуемых, следовательно, к числу особенно нетерпимых, возмущающих моральное чувство советских людей, особенно сурово осуждаемых, активно способствует воспитанию нетерпимости к преступлению и вообще антиобщественным поступкам; бдительности и активности в борьбе с ними; в выявлении и устранении причин и условий совершения таких поступков; способствует дальнейшему развитию социалистического правосознания, укреплению социалистического правопорядка, воспитанию уважения к советскому закону.

С. А. Голунский высказал верную мысль, что обычно в работах наших авторов слишком узко определяется роль норм права. В этих работах указывается главным образом на общепредупредительный характер норм, а если и говорится о воспитательной роли, то не как о форме правового регулирования, а как о некоторой добавочной функции права. Между тем нормы права в многообразных формах содействуют развитию и ускорению процесса коммунистического строительства³.

¹ «Межвузовская научная конференция на тему «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов (тезисы докладов)», стр. 4—5.

² Неправ академик С. Г. Струмилин, который утверждает, что до тех пор пока закон не терпит нарушений и поэтому не требует применения санкций, он еще ни в чем не проявляет своих потенций («Вопросы экономики», 1959, № 7, стр. 130).

³ См. С. А. Голунский. О творческой, революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. «Советское государство и право», 1961, № 10, стр. 55.

В процессе профилактического и воспитательного воздействия норма уголовного права не содержит никаких элементов принуждения уголовноправового характера, даже в отношении неустойчивых и разложившихся людей, пока они не нарушили запрета уголовноправовой нормы, т. е. не совершили преступления. В огромном большинстве случаев оказывается достаточным лишь убеждение.

В империалистических государствах все более широкое применение получает реакционная система превентивного заключения, т. е. применение репрессии на основе лишь предположения о возможности совершения лицом запрещенного деяния, что приводит к насаждению неограниченного произвола и ликвидации последних остатков буржуазной законности.

Так, террористический, варварский закон Маккарэна в США, выражающий ярость и страх государственно-монополистического капитализма перед силами мира и демократии, устанавливает при введении чрезвычайного положения право административных властей заключать коммунистов и всех прогрессивных людей в концентрационные лагеря на основе совершенно произвольного предположения, что они могут совершить определенные деяния.

VI. Советские ученые справедливо указывают на различие между статьей закона и нормой права.

Вместе с тем многие считают что, по общему правилу, одна статья нормативного акта содержит и одну норму, хотя нередко конкретная статья закона не совпадает с логической структурой правовой нормы и часто в одной статье содержатся диспозиции двух или более норм.

Применительно к советскому уголовному праву можно сказать, что в Особенной части советского уголовного права весьма часто одна статья нормативного акта содержит одну норму.

Д. А. Керимов считает, что каждая статья закона должна содержать лишь одно правило со всеми характерными его признаками¹. Это мнение справедливо

¹ См. Д. А. Керимов. Законодательная деятельность Советского государства. М., Госюриздат, 1955, стр. 130; Д. А. Керимов. Кодификация и законодательная техника. М., Госюриздат, 1962, стр. 69.

оспаривается в нашей литературе, так как во многих случаях в зависимости от содержания нормы приходится и придется отступать от этого правила. Во всяком случае можно считать, что в отдельной статье закона большей частью содержится одна норма¹.

VII. Касаясь норм уголовного права, это правило можно считать применимым к нормам Особенной части, определяющим преступность и наказуемость конкретных деяний. Вопрос, однако, существенно осложняется наличием норм Общей части. Наличие норм Общей части служит одним из доказательств ошибочности взгляда, что нормы уголовного права заимствуются из других отраслей права. Те нормы, которые содержатся в статьях Общей части советского уголовного права, в огромном большинстве можно найти только в уголовном праве. Больше того, ни в одной другой отрасли советского права, как правило, нельзя найти даже сходных норм.

Поэтому эти нормы, бесспорно, относятся к уголовному праву. Непонятно, по каким основаниям М. Д. Шаргородский утверждал, что они не являются нормами уголовного права в узком смысле слова, к которым он относит только нормы, в которых формулируется состав преступления и устанавливается конкретное наказание за его совершение. М. Д. Шаргородский допускает признание норм Общей части лишь нормами уголовного права в широком смысле слова². Однако он не говорит, к какой же отрасли права надо отнести эти нормы Общей части, поскольку они не могут считаться нормами уголовного права в узком смысле слова.

Между тем нормы Общей части, как правило, по существу не отличаются от норм Особенной части, они устанавливают запрет общественно опасных деяний и наказания за их совершение³.

Общая и Особенная части советского уголовного закона представляют органическое единство. Норма Осо-

¹ См. С. О. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 153.

² См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 23.

³ Исключением является небольшое число норм, касающихся, например, трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы, трудоустройства ссыльных, принудительного лечения алкоголиков и наркоманов и некоторых других, касающихся главным образом предупреждения преступлений.

бенной части существует, действует и применяется только в единстве и совокупности с нормами Общей части. Без этих норм Общей части, прежде всего, норм об основаниях уголовной ответственности, об умысле и неосторожности (ст.ст. 3, 8, 9 Основ), норма Особенной части или совсем не существует, или же неизбежно будет пониматься извращенно.

Для случаев покушения, подстрекательства к совершению преступления норма Особенной части вообще не существует без добавления к ней нормы Общей части об ответственности за покушение и приготовление или об ответственности за соучастие (ст.ст. 15, 17 Основ). Если виновный был подстрекателем в совершении кражи, то его действия не охватываются нормами ст. 144 УК РСФСР, наказывающей кражу, т. е. тайное похищение чужого личного имущества. Такого похищения он не совершил. Но к норме, содержащейся в ст. 144 УК РСФСР, присоединяется норма, содержащаяся в ст. 15 УК РСФСР, и при наличии этой последней действует норма, предусматривающая ответственность за неудачную попытку совершения кражи.

VIII. Нормы Общей части представляют собой абстрактные и обобщенные правила о запрещении и наказуемости деяний; эти правила изложены в таком виде, что они относятся ко всем или многим нормам Особенной части.

Однако можно было бы содержание этих норм включить непосредственно в норму Особенной части, кроме норм, формулирующих (ст.ст. 1, 3, 7, 20 и др. Основ) общие принципиальные положения, и некоторых других. Конечно, в этом случае каждая норма Особенной части будет огромной и чрезвычайно громоздкой.

Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский, оспаривая мнение Б. С. Никифорова, что в действиях лица, совершившего приготовление или покушение, или являвшегося соучастником (не исполнителем) преступления, отсутствует состав преступления, пишут, что помещение статей, определяющих содержание и принципы назначения наказания за соучастие или за приготовление, либо покушение, в Общую или Особенную часть, носит чисто технический характер. Оно является кодификационным приемом, улучшающим расположение законодательного материала. Можно было бы изложить

признаки преступления и в Общей, и Особенной частях или только в Общей¹.

В основном мысль названных авторов правильна, но выделение норм Общей части, особенно норм, содержащих принципы и общие положения, отнюдь не является только техническим приемом.

IX. Авторы, затрагивавшие вопрос о нормах Общей части, зачастую рассматривают их в отрыве от Особенной части, что не дает общего представления об этих нормах.

Так, А. Ф. Шебанов, правильно указывая, что Общую часть составляют нормы уголовного права, закрепляющие общие принципы и положения, которыми должны руководствоваться органы правосудия при решении таких дел, не упоминает далее о неразрывной их связи с Особенной частью². Многочисленные конкретные положения Общей части, например, о том, что исправительные работы назначаются на срок от одного месяца до одного года, что штраф может быть назначен лишь в случаях, указанных статьей закона, не относятся к числу принципов и общих положений, а содержат конкретную норму.

Норма, содержащаяся в ст. 7 Основ, имеет большое принципиальное значение, она обязывает признавать деяние преступлением только тогда, когда оно общественно опасно и предусмотрено уголовным законом. Вместе с тем содержание этой нормы конкретизируется в диспозициях почти всех норм Особенной части.

Нормы же Общей части, содержащие конкретные положения, действуют, как правила поведения, не сами по себе, а применительно к соответствующим нормам Особенной части. Таковы в особенности нормы об умысле и неосторожности, о приготовлении и покушении, о соучастии, о совокупности преступлений и т. д.

Реальное действие этих норм, по общему правилу, не может иметь места вне норм Особенной части. Высказанные соображения имеют значение и тогда, когда нормы Особенной части не выражены полностью в законе.

¹ См. Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский. Основание уголовной ответственности по советскому праву. «Правоведение», 1961, № 2, стр. 78—79.

² См. А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права. Изд-во МГУ, 1956, стр. 36.

В этом случае на основе других источников, в особенности судебной практики, нормы Особенной части также действуют и их действие нельзя представить без Общей части.

Нормы Общей части об основных и дополнительных наказаниях (ст. 21 Основ), нормы, определяющие отдельные наказания, действуют преимущественно при действии конкретной нормы Особенной части.

Например, все санкции норм Особенной части, содержащие исправительные работы как меру наказания, предполагают, что эта мера назначается судом или по месту работы, или в иных местах на срок от одного месяца до одного года, что определяется удержание из заработка от 5 до 20 процентов, что время отбывания исправительных работ не включается в трудовой стаж и т. д. (ст. ст. 27 и 28 УК РСФСР).

Следовательно, как сами части уголовного закона — Общая и Особенная, — так и содержащиеся в них нормы соотносительны. Нормы Общей части в определенных пределах находят свое выражение в нормах Особенной части.

По общему правилу, норма уголовного права предполагает сочетание конкретного юридического положения Особенной части и множества нормативных положений Общей части.

Х. Как нормы Общей части, так и нормы Особенной части одинаково имеют императивный характер.

Мнение, что нормы Общей части имеют декларативный или определительный характер, основано на том, что нормы Общей части рассматриваются в отрыве от норм Особенной части.

Одни нормы Общей части определяют пределы уголовноправового запрета действий, расширяя (нормы о покушении, приготовлении, соучастии) или же сужая их (нормы, определяющие, что деяния, лишенные общественной опасности вследствие малозначительности, не являются преступлениями, нормы о необходимой обороне и крайней необходимости).

Нормы Общей части, касающиеся видов наказания, определяют характер и пределы применения санкций, конкретизируя, расширяя или сужая их применение.

Нормы о действии уголовного закона во времени и пространстве имеют непосредственное отношение к каж-

дой норме Особенной части и связанным с ней нормам Общей части. Эти нормы определяют пределы уголовно-правового запрета деяния и пределы применения санкций в зависимости от времени и места совершения деяния. Нормы о невменяемости и ответственности несовершеннолетних имеют непосредственное отношение к нормам Особенной части, так как они определяют, часто в негативной форме, круг лиц, в отношении которых может действовать каждая данная норма.

Принципиальные положения Общей части, содержащиеся в Основах, в особенности положения о задачах уголовного законодательства, о видах уголовных законов СССР и союзных республик, об основаниях уголовной ответственности, о понятии преступления (в значительной мере), о целях наказания, об общих началах назначения наказания, имеют общее нормативное действие и адресованы не только к лицам и государственным органам, применяющим уголовный закон, но и к законодательным органам союзных республик.

Нормы о целях наказания (ст. 20 Основ) направляют в известной мере деятельность законодательных органов союзных республик по созданию норм уголовного и исправительно-трудового права. Эти нормы, определяющие, в частности, новые виды наказания, должны соответствовать тем благородным целям наказания, которые указаны в ст. 20 Основ. Эта же норма служит руководством судам при назначении наказания, исправительно-трудовым органам — при исполнении наказаний, связанных с исправительно-трудовым воздействием на осужденного. Эта же норма оказывает воспитательное воздействие на граждан, способствует укреплению и развитию их социалистического правосознания и т. д.

XI. Таким образом, нормы, устанавливающие принципы и общие положения советского уголовного законодательства, оказывают многообразное воздействие на государственные органы и отдельных должностных лиц, общественников и граждан, но они не всегда содержат конкретные, узко определенные правила поведения, относящиеся непосредственно к конкретной норме Особенной части.

Тем не менее, несомненно, статьи Общей части, содержащие принципы и общие положения, имеют норма-

тивный, более того, весьма разносторонний нормативный характер. Неправильно мнение¹, что ст. 1 УК РСФСР, определяющая задачи уголовного законодательства, имеет констатирующий, описательный или пояснительный, но не нормативный характер. Эта статья (как и ст. 1 Основ 1958 г.), в частности, отграничивает уголовное законодательство от других отраслей, запрещает применение уголовного наказания иначе, как в случаях, указанных в кодексе, и, наоборот, устанавливает обязанность применения наказания, когда это указано в уголовном кодексе. Такая же статья в общесоюзном законодательстве содержит и норму, обязывающую законодательные органы союзных республик соответствующим образом конструировать свое уголовное законодательство.

§ 2. Структура уголовноправовой нормы

I. Отдельная норма уголовного права чаще всего содержится в отдельной статье Особенной части, хотя нередко в статье заключаются и две-три нормы что, как правило, нежелательно. Например, ст. 153 УК РСФСР содержит две нормы: об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и за коммерческое посредничество, ст. 199 УК РСФСР — об ответственности за самовольный захват земли и самовольное строительство.

¹ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 200. Такое же мнение в отношении ст. 1 Основ высказано А. Ф. Шебановым в статье «Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства» («Советское государство и право», 1960, № 7, стр. 147).

На научно-методической конференции о систематизации законодательства СССР, состоявшейся в Юридической комиссии при Совете Министров СССР в апреле 1960 г., многие из выступавших не согласились с мнением докладчика А. Ф. Шебанова о том, что нормы, содержащие правовые определения либо юридические принципы, не являются правовыми нормами («Советское государство и право», 1960, № 7, стр. 152—156).

О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пишут, что все статьи, содержащие принципиальные положения, например ст.ст. 1, 7 Основ, содержат нормы права, они определяют правила общеобязательного поведения (О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 155).

Нормативные положения Общей части, относящиеся к каждой данной норме Особенной части, следует включать в эту норму в соответствии с ее содержанием (т. е. в отдельные части нормы Особенной части). Поэтому в дальнейшем о них не упоминается, но они всегда подразумеваются.

По мнению значительной части советских авторов, всякая норма советского права, а следовательно, и норма уголовного права, устанавливает права и обязанности сторон¹. При этом, однако, обязанностям одной стороны могут соответствовать правомочия и вместе с тем обязанности другой стороны, т. е. отнюдь не всегда норма одной стороне только предоставляет права, а другой — только устанавливает обязанности.

Авторы ряда работ утверждают, что некоторые нормы могут устанавливать только обязанности².

П. Е. Недбайло считает, что правовые нормы определяют права и обязанности или только права, или только обязанности. Он высказывает мысль, что правовые нормы, регулируя поведение людей, могут наделять их полномочиями и не связанными непосредственно с правопритязаниями других лиц. Обязанность совершения или не совершения определенных действий может вытекать из самой нормы, независимо от требования конкретного лица или учреждения, например, обязанность соблюдения запретов уголовноправовых норм³.

По мнению почти всех советских авторов, правовая норма расчленяется на три части или, другими словами, состоит из трех элементов: диспозиции, гипотезы, санкции. Иного взгляда придерживался С. А. Голунский, который считал, что такая трехчленная структура правовой нормы характерна для некоторых (но не всех) отраслей права, в частности для права гражданского и

¹ Н. Г. Александров пишет, что норма всегда устанавливает для одной стороны должное поведение, а для другой стороны — формально гарантированное государством возможное поведение. (см. Н. Г. Александров. Юридическая норма и правоотношение. М., Юриздат, 1947, стр. 9).

² См. С. Ф. Кечекьян. Нормы права и правоотношения. «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 23.

³ См. П. Е. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы, стр. 52, 70—71.

уголовного¹. О. Э. Лейст ни гипотезу, ни санкцию не считает элементами нормы. По его мнению, это только атрибуты нормы. С этим нельзя согласиться. Диспозиция получает свои характерные юридические черты только в неразрывной связи с санкцией и гипотезой. Норма, состоящая из одной диспозиции, ничем не отличалась бы от норм морали².

II. Под диспозицией понимается устанавливаемое нормой правило поведения, по буквальному смыслу слова — распоряжение относительно правила поведения.

Под гипотезой понимаются условия, при наличии которых осуществляется норма.

Наконец, под санкцией — те отрицательные или невыгодные последствия, которые влечет невыполнение требования, распоряжения, содержащегося в диспозиции.

Все три элемента нормы тесно связаны между собой.

Оспаривает трехчленное деление нормы Н. П. Томашевский. Он утверждает, что норма состоит только из гипотезы и диспозиции или из гипотезы и санкции. Каждую норму можно выразить, по его мнению, в форме условного суждения: при наличии таких-то условий следует поступить так-то; норма состоит из предположения и вывода: «если ...то». Санкцию этот автор находит только в уголовном праве³. Оставляя открытым вопрос о строении норм в других отраслях права, следует отвергнуть утверждение Н. П. Томашевского, поскольку речь идет об уголовном праве.

Все без исключения авторы подтверждают специфику строения уголовноправовой нормы, но понимают ее неодинаково. М. С. Строгович указывает на то, что санкция уголовноправовой нормы выражена очень ясно, а гипотеза и диспозиция сливаются, и, следовательно, нормы уголовного права состоят из двух элементов: диспозиции и санкции⁴.

А. Ф. Шебанов полагает, что поскольку в уголовном законе (точнее в особенной части) опускается указание

¹ См. С. А. Голунский. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права. «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 23.

² См. О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, стр. 21.

³ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 207, 212.

⁴ «Теория государства и права» М., Госюриздат, 1949, стр. 119.

на запрет преступного деяния (он подразумевается), то создается впечатление, что и в уголовноправовой норме гипотеза и диспозиция сливаются вместе, хотя, по мнению автора, они существуют самостоятельно¹.

А. С. Пиголкин в отношении всех запретительных норм, в частности и норм уголовного права, не отрицая раздельного существования гипотезы и диспозиции, утверждает, что они в такой норме настолько тесно слиты, что расчленить их можно только путем анализа смысла данной нормы права. Однако далее в известном противоречии со сказанным А. С. Пиголкин пишет, что диспозиция в уголовноправовой норме выполняет и роль гипотезы².

Н. П. Томашевский в уголовноправовой норме находит так же, как и в других нормах, лишь два элемента: гипотезу и диспозицию. По его мнению, гипотеза, называемая обычно диспозицией, определяет условия применения данной нормы, а диспозиция, именуемая обычно санкцией, определяет действия государственных органов, совершаемые при наличии условий, указанных в гипотезе (по обычному наименованию в диспозиции). Только уступая, как он пишет, сложившейся терминологии, Н. П. Томашевский соглашается гипотезу уголовноправовой нормы в виде исключения называть диспозицией, а диспозицию — санкцией³.

Н. П. Томашевский обедняет уголовноправовую норму. Единственное ее содержание и значение он видит только в применении санкции (по его терминологии диспозиции). Действительная диспозиция лишается всякого предупреждающего и воспитательного значения и, превращаясь в гипотезу, становится только условием применения наказания.

Несомненно, что уголовноправовая норма, как и другие нормы советского права, слагается из трех эле-

¹ См. А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права, стр. 37. Таково же мнение Ф. Полячека (См. Ф. Полячек. Состав преступлений по Чехословацкому уголовному праву. М., ИЛ., 1960, стр. 269—271).

² См. А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура В сб.: «Вопросы общей теории советского права», стр. 177.

³ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 242—243.

ментов: диспозиции, гипотезы и санкции. Однако все эти элементы отличаются существенными особенностями, одна из которых — сужение содержания гипотезы за счет расширения диспозиции.

III. Центральное место в норме уголовного права занимает диспозиция, определяющая в негативной форме правило поведения; содержание диспозиций отличается большим разнообразием.

Диспозиция уголовноправовой нормы зачастую совпадает с диспозицией статьи Особенной части уголовного закона с тем, однако, что в нее, в отличие от диспозиции статьи закона, включаются и соответствующие положения Общей части.

В одной статье Особенной части могут содержаться две или более нормы с самостоятельными диспозицией, гипотезой и санкцией. Диспозиция уголовноправовой нормы, по общему правилу, определяет состав преступления.

Ф. Полячек считает, что диспозиция уголовноправовой нормы и есть состав преступления и именно с наличием состава преступления связана санкция¹. Однако он проводит знак равенства между диспозицией статьи Особенной части уголовного закона и составом преступления.

Как известно, некоторые признаки состава зачастую в статье Особенной части не указываются, например общий субъект преступления.

Бланкетная диспозиция закона не определяет признаков состава преступления. Они указываются в других нормативных актах — в других законах (не уголовных) или же в подзаконных актах. Наконец, даже в ссылочной диспозиции нет определения состава преступления. Оно дается в статье, на которую ссылается такая диспозиция.

Нельзя также провести знак равенства между диспозицией нормы уголовного права и составом преступле-

¹ См. Ф. Полячек. Состав преступления по Чехословацкому уголовному праву, стр. 269, 271.

Таково же мнение Я. М. Брайнина, считающего содержанием диспозиции уголовного закона обозначенный в нем состав преступлений (см. Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., Госюриздат, 1963, стр. 43).

ния. Норма содержит определенное веление о совершении положительных с точки зрения советского права и коммунистической морали действий или о несовершении отрицательных поступков. Состав же преступления представляет собой описание признаков преступления. Состав преступления веления не содержит.

Следовательно, диспозиция нормы уголовного права определяет признаки состава преступления, но сама не тождественна ему. В целях строгого и неуклонного соблюдения социалистической законности и последовательного осуществления охраны прав граждан, в целях четкого отграничения действий, влекущих уголовное наказание, от других действий советский уголовный закон чрезвычайно расширил диспозицию уголовноправовой нормы за счет резкого сокращения элементов гипотезы.

Все условия, в которых совершается уголовно-наказуемое деяние, относятся не к гипотезе, а к диспозиции уголовноправовой нормы, так как в уголовном праве эти условия — одни из предпосылок назначения наказания, а следовательно, часть состава преступления.

В частности, например, причинение деянием тяжких последствий, обстановка, способ совершения деяния, повторность или многократность совершения деяния и многие другие обстоятельства, если они указаны в диспозиции статьи Особенной части, образуют элемент диспозиции, а не гипотезы уголовноправовой нормы.

В общей теории права наиболее четким признаком гипотезы признается обычно указание на круг субъектов. В уголовном праве, если норма затрагивает ограниченный круг субъектов (определяет специального субъекта), то признак относится к диспозиции уголовноправовой нормы, а не к гипотезе, как в некоторых других отраслях права, в частности в гражданском праве. Такая полнота диспозиции уголовноправовой нормы объясняется необходимостью отразить в диспозиции все важные черты, характеризующие общественную опасность деяния, а также вид и степень этой опасности.

Все названные обстоятельства в совокупности и образуют состав конкретного преступления.

IV. На долю гипотезы в уголовноправовой норме остается только одно, но важное условие — совершение деяния, содержащего все признаки, обозначенные в уголовноправовой норме, т. е. все признаки состава данного

преступления. Гипотеза говорит о наличии юридического факта в виде совершения преступления, но описание его содержится в диспозиции.

В советском уголовном законе, в отличие от УК ЧССР и УК Народной Республики Болгарии, формула «тот, кто совершил данное деяние, наказывается так-то» обычно не фигурирует (исключение — ст. 14¹ Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, ст. 77¹ УК РСФСР). В советском уголовном законодательстве, как правило, говорится о наказуемости не лица, совершившего преступное деяние, а самого деяния, что, конечно, предполагает наказание виновного в его совершении. Однако гипотеза во всех случаях подразумевается в словах закона, определяющих наказание за преступление. Кроме того, многие статьи Общей части советского уголовного закона, а также статьи уголовно-процессуальных кодексов содержат в общей форме указание, что если виновный совершит преступление, к нему будут применены наказания, определенные в законе (ст. ст. 1, 3, 21, 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., определяя задачи советского уголовного судопроизводства, требует, чтобы «каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Ст. 4 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных республик и автономных республик 1958 г. указывает, что правосудие в СССР осуществляется, в частности, путем «рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных».

На основе этих положений подразумевается гипотеза в виде условия «если лицо, обозначенное в диспозиции уголовноправовой нормы, нарушит запрет, содержащийся в ней, и совершит то, что описано в диспозиции этой нормы (включая и относящиеся сюда положения общей части), т. е. совершит действия (или бездействие), образующие состав преступления, то к нему будет применена санкция данной уголовноправовой нормы».

Неправильно мнение Я. М. Брайнина, что в уголовно-правовой норме диспозиция уголовного закона «соответствует существующему в теории права понятию гипотезы, под которой обычно понимают условия применения нормы»¹. Указание на преступное деяние и есть, по его мнению, такое условие. Я. М. Браинин в центре уголовноправовой нормы ставит санкцию, условием применения ее является гипотеза, диспозиция же вообще исключается им из уголовноправовой нормы.

V. Почти все авторы отмечают, что санкции уголовноправовых норм отличаются в советском праве большой определенностью и четкостью. Это вызвано заботой об осуществлении социалистической законности, желанием очень точно в самом законе определить тяжкие для советского гражданина правовые последствия преступления, чтобы санкция применялась не по усмотрению, а на точном основании закона.

Санкция уголовноправовой нормы включает только меры наказания, предусмотренные уголовным законом, как правовое последствие совершения деяния, запрещаемого диспозицией этой нормы.

Меры же, относящиеся к другим отраслям права, хотя бы они упоминались в санкции статьи Особенной части, нельзя считать относящимися к санкции уголовноправовой нормы.

Например, в санкции ст. 158 УК РСФСР 1926 г., предусматривавшей ответственность за злостный неплатеж средств на содержание детей и оставление родителями детей до их совершеннолетия без всякой поддержки, указывалось тюремное заключение до 2 лет с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов за его счет. К уголовноправовой норме относилось только указание на тюремное заключение до 2 лет.

По существу не является санкцией уголовноправовой нормы указание в статьях Особенной части советского уголовного закона на изъятие незаконно добытых или изготовленных, или приобретенных предметов, например незаконно добытой рыбы или дичи, незаконно добытого леса (ст. ст. 163, 164, 166, ч. 2 ст. 169 и др. УК РСФСР),

¹ Я. М. Браинин. Советское уголовное право. Общая часть, вып. 1, стр. 152.

изъятие орудий преступления, предусмотренное в ряде статей УК союзных республик и др. Эти санкции имеют не уголовноправовой, а административноправовой, гражданскоправовой или уголовно-процессуальный характер.

Если бы в санкциях не было указаний на изъятие или конфискацию названных предметов, эта конфискация могла бы быть осуществлена на основании норм других отраслей права.

Например, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. и основанных на нем ст.ст. 173 и 174 УК РСФСР 1960 г., как и ранее в ст.ст. 117 и 118 УК РСФСР 1926 г., равно как и в соответствующих статьях ранее действовавших УК других союзных республик, определявших уголовную ответственность за получение и дачу взятки, специально не предусмотрена конфискация предмета взятки. Однако, как разъяснил в своем руководящем постановлении от 31 июля 1962 г. Пленум Верховного Суда СССР, деньги и другие ценности, являющиеся предметом взятки и признанные вещественным доказательством, подлежат обращению в доход государства в соответствии со ст. 86 УПК РСФСР 1960 г.¹

VI. В ряде советских уголовных законов содержатся даваемые законодателем общие характеристики общественной опасности преступления или же мер наказания, применяемых за эти преступления, или определение задач борьбы с этими преступлениями.

Некоторые считают, что эти общие характеристики, будучи очень важными для понимания нормы, не содержат, однако, нормативных положений. С этим нельзя согласиться. Такая характеристика дает глубокое понимание норм, оценку действий, которые ею запрещаются, освещает характер санкций. Такие характеристики особенно важны для воспитательного воздействия нормы, так как они раскрывают цель нормы.

Поэтому подобные характеристики следует рассматривать как часть диспозиции или санкции уголовноправовой нормы, в зависимости от того, к какой части нормы они относятся или часть диспозиции и санкции одновременно, но не как часть гипотезы.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», стр. 262.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1961 г.¹ установлено, что приписки к государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов должны рассматриваться как противогосударственные действия, наносящие вред народному хозяйству, и виновные в этом лица наказываются лишением свободы на срок до 3 лет. Выделенные слова, содержащие общую характеристику преступления, составляют часть диспозиции уголовно-правовой нормы.

VII. С изданием в 1958—1961 гг. общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик, в которых у каждой статьи имеется заголовок, вкратце определяющий ее содержание, возник вопрос, являются ли эти заголовки частью уголовноправовой нормы. На этот вопрос надо ответить отрицательно. Заголовки не содержат нормативных положений, которых не было бы в самом тексте статьи, следовательно, их содержание не пополняет уголовноправовую норму.

В некоторых случаях заголовков, поскольку он представляет собой часть законодательного текста, может иметь существенное значение для толкования содержания статьи и заключающейся в ней уголовноправовой нормы и особенно для разграничения отдельных уголовноправовых норм.

VIII. В советской юридической литературе, главным образом по общей теории права, высказаны различные мнения о делении гипотез, диспозиций, санкций на несколько видов, главным образом по степени их определенности.

В большинстве выдвинутые соображения неприемлемы, когда речь идет о нормах уголовного права.

Так, деление гипотез на виды не имеет никакого отношения к нормам уголовного права. Поскольку условием применения санкций всегда является совершение описанных в диспозиции уголовноправовой нормы деяний, образующих состав преступления, то гипотеза всегда имеет одинаковый характер.

Деление диспозиций уголовноправовой нормы на простые и сложные по количеству условий (одно усло-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 22.

вие или более чем одно), предлагаемое Н. П. Томашевским, для уголовного права неприемлемо, так как количество условий не говорит о сложности диспозиции. Например, наличие ряда условий для признания состава клеветы (ст. 130 УК РСФСР) характеризует резкое сужение, а не расширение уголовноправовой нормы, как полагает названный автор.

Неприемлемо в уголовном праве выделение абсолютно и относительно определенных диспозиций правовой нормы. Все диспозиции определены, так как описывают состав преступления. Простая диспозиция может быть определена вполне точно и четко, если употребленный в ней термин не вызывает каких-либо сомнений. Например, в простой диспозиции статьи Особенной части «погоня с места ссылки или с пути следования в ссылку» с исчерпывающей полнотой определена диспозиция нормы (ст. 186 УК РСФСР).

Неосновательно выделение отдельными авторами ссылочных и бланкетных диспозиций в уголовноправовой норме¹, как и бланкетных составов преступления². В уголовном законе имеются бланкетные и ссылочные диспозиции как части статьи закона, но уголовноправовая норма в целом и ее диспозиция в частности всегда конкретна.

Например, диспозиция уголовноправовой нормы, определяющей ответственность за нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 161 УК РСФСР), описывает конкретные виды таких нарушений, которые определены в соответствующих правилах, а не в бланкетной диспозиции ст. 161 УК РСФСР.

Неосновательно мнение, что нет существенных различий между ссылочной и бланкетной диспозицией, между описательной и простой, что диспозиции различаются только в редакционном отношении³. Прежде

¹ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 163—164.

² См. А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., Госюриздат, 1957.

³ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 250.

всего ссылочные и бланкетные диспозиции содержатся только в законе, но не в уголовноправовой норме. Ссылочная диспозиция — это технико-юридический прием законодателя, заменяющего этим путем воспроизведение другой статьи, уже имеющейся в том же законе. Бланкетная диспозиция статьи Особенной части ничего общего со ссылочной не имеет, так как содержание диспозиции уголовноправовой нормы в бланкетной диспозиции статьи закона определяется в общих чертах или только частично в смешанных диспозициях. Конкретизирующие положения включаются в уголовноправовую норму другими нормативными актами, на которые ссылается бланкетная диспозиция уголовного закона. При этом такие нормативные акты могут при действии одной и той же бланкетной диспозиции закона изменяться, дополняться, издаваться вновь, что в известной мере изменяет диспозицию уголовноправовой нормы, но не изменяет бланкетной диспозиции уголовного закона.

Например, ст.ст. 211 и 212 УК РСФСР предусматривают ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, причинившее существенный вред. В Правилах движения по улицам и дорогам Союза ССР, введенных в действие с 1 января 1961 г. распоряжением Совета Министров СССР от 25 октября 1960 г.¹, установлено несколько требований, предъявляемых, в частности, к водителям автотранспорта и другим видам транспорта. Эти правила, как и Правила технической эксплуатации, Правила техники безопасности, Правила по охране автомобильных дорог и дорожных сооружений, Положение о порядке пользования автомобильными дорогами и др., могут затем изменяться и соответственно будут частично изменяться требования, излагаемые в диспозиции уголовноправовой нормы, но диспозиция ст.ст. 211, 212 УК РСФСР может оставаться неизменной.

Таким образом, нет ничего общего между ссылочными и бланкетными диспозициями в уголовном законе.

Диспозиции в статье Особенной части уголовного закона могут быть по своей форме описательными и про-

¹ «Правила движения на улицах и дорогах Союза ССР». Изд-во «Московская правда», 1961.

стыми. В первом случае закон указывает признак запрещаемого им деяния (например, в ст. 144 УК РСФСР), во втором — закон лишь называет преступление, не определяя его признаков. Законодатель избирает вид диспозиции исходя из необходимости в данном конкретном случае наиболее четко и вместе с тем кратко определить пределы уголовной ответственности за данное деяние.

В отличие от диспозиции статьи уголовного закона диспозиция уголовноправовой нормы не может быть описательной или простой. Независимо от типа диспозиции данного закона диспозиция уголовноправовой нормы всегда содержит исчерпывающее определение признаков данного преступления. Они не вносятся в дополнение к формуле простой диспозиции уголовного закона, а представляют собой раскрытие содержания запрета и требования выраженного в диспозиции закона. Такова, например, диспозиция нормы об ответственности за умышленное или неосторожное убийство.

IX. Правильно выделяются некоторыми авторами уголовноправовые нормы с альтернативными признаками диспозиции. В этих нормах применение санкций зависит от наличия хотя бы одного из нескольких перечисленных в диспозиции обстоятельств.

Например, уголовноправовая норма об ответственности за контрабанду определяет уголовно-наказуемую контрабанду как незаконное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу, либо с сокрытием предметов контрабанды в специальных хранилищах, либо с обманным использованием таможенных и иных документов, либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавших для занятия контрабандой, либо должностными лицами с использованием служебного положения, либо незаконное перемещение через государственную границу взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения (ст. 15 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, ст. 78 УК РСФСР).

Таким образом, диспозиция запрещает под страхом уголовного наказания контрабанду при наличии хотя бы одного из шести названных обстоятельств.

Другие особенности в строении некоторых диспозиций уголовноправовой нормы по существу являются осо-

бенностью построения составов преступлений и относятся к проблемам преступления, а не уголовного закона.

Х. Санкции норм уголовного права, как и санкции статей Особенной части советских уголовных законов, могут быть абсолютно определенными и относительно определенными.

Абсолютно определенная санкция, определяющая не только единственный вид, но и точный размер наказания и потому исключающая возможность индивидуализации наказания, в советском уголовном законодательстве встречалась редко.

Например, в УК РСФСР 1926 г. за хулиганство без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 74 в редакции 1940 г.) было определено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год.

Практика показала нецелесообразность такой санкции. В целях индивидуализации наказания суды очень часто прибегали к ст. 51 УК РСФСР 1926 г. (ст. 43 УК 1960 г.), хотя закон обусловил применение этой статьи наличием исключительных обстоятельств. В действующем законодательстве за хулиганство без отягчающих обстоятельств определены альтернативно три меры наказания — лишение свободы, исправительные работы, штраф с указанием низшего и высшего предела каждого из этих наказаний (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР в редакции Указа от 4 августа 1966 г.).

Издавая в 1958—1961 гг. новые уголовные законы, законодательные органы СССР и союзных республик отказались от абсолютно определенных санкций.

Относительно определенная санкция указывает вид наказания и его низший и высший пределы. Такая санкция предоставляет суду возможность широкой индивидуализации наказания. В соответствии со ст. 32 Основ суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. В действующих советских уголовных законах принята относительно определенная санкция.

В действующих общесоюзных уголовных законах и УК союзных республик встречаются два вида относительно определенных санкций.

а) Санкция, определяющая только высший предел уголовного наказания. Такова, например, санкция ст. 148 УК РСФСР, по которой вымогательство личного имущества граждан наказывается лишением свободы до 3 лет или исправительными работами на срок до 1 года.

Низшим пределом наказания явится низший предел, установленный в Общей части для данной меры уголовного наказания. Для лишения свободы по всем УК союзных республик (ст. 24 УК РСФСР) низший предел — 3 месяца, для исправительных работ (ст. 27 УК РСФСР) низший предел — 1 месяц.

Следовательно, по ст. 148 УК РСФСР могут быть применены лишение свободы от 3 месяцев до 3 лет или исправительные работы от 1 месяца до 1 года.

б) Санкция, определяющая как низший, так и высший предел наказания. Этот вид санкции преобладает в действующем общесоюзном уголовном законодательстве.

Так, на основании ст. 15 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ст. 78 УК РСФСР) контрабанда наказывается лишением свободы от 3 до 10 лет с конфискацией имущества; по ст. 20 этого же закона (ст. 83 УК РСФСР) незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР — лишением свободы от 1 до 3 лет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» (ст. 206 УК РСФСР в редакции Указа от 4 августа 1966 г.) определено в качестве наказания за хулиганство без отягчающих обстоятельств лишение свободы от шести месяцев до одного года или исправительные работы на тот же срок или штраф от 30 до 50 руб.; за злостное хулиганство лишение свободы от одного до пяти лет; за особо злостное хулиганство (ч. 3, ст. 9 Указа, ч. 3, ст. 206 УК) лишение свободы от трех до семи лет.

В общесоюзном и республиканском уголовном законодательстве, действовавшем до издания общесоюзных уголовных законов 1958 г. и УК союзных республик 1959—1961 гг., часто встречались санкции, в которых определялся только низший предел наказания. Например, в санкции ст. 107 УК РСФСР определялось за спекуляцию лишение свободы на срок не ниже 5 лет с кон-

фискацией имущества. Такое построение санкции нередко способствовало завышению санкции (например, в ст. 109 УК РСФСР 1926 г.).

Высшим пределом наказания в этих случаях был предел, установленный Общей частью уголовного закона для данного вида наказания, например, для лишения свободы — 10 лет. В действующем уголовном законодательстве такой вид санкции с указанием лишь низшего предела или без указания пределов встречается в виде редкого исключения. Например, в ч. 3 ст. 117 УК РСФСР указана в качестве дополнительного наказания ссылка без указания ее пределов; по ст. 25 УК ссылка может быть назначена на срок от 2 до 5 лет.

Разновидностью относительно определенной санкции следует считать пропорциональную санкцию, которая определяет наказание (по советскому праву только штраф) в кратном отношении к причиненному ущербу. Такая санкция была в некоторых статьях ранее действовавших уголовных законов (например, в ст. ст. 60, 61, 98 УК РСФСР 1926 г.). В уголовном законодательстве 1958—1964 гг. такая санкция не встречалась.

Однако Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 января 1965 г.¹ была включена новая ст. 93² УК РСФСР, которая установила возможность применения при определенных обстоятельствах за хищение социалистического имущества в небольших размерах штрафа до трехкратного размера стоимости похищенного имущества. Подобные санкции включены в УК других союзных республик. Введение пропорциональной санкции в данном и подобных случаях может усилить предупредительное действие наказания.

Следует заметить, что штраф имеет характер карательной санкции, как и любое уголовное наказание, а не правосстановительной. Стоимость похищенного имущества взыскивается независимо от уплаты штрафа.

XI. Отдельные авторы (П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкин, Н. П. Томашевский, А. Ф. Шебанов) абсолютно определенную санкцию уголовноправовой нормы предлагают называть по-иному: «точной санкцией», или же «вполне определенной», или просто «определенной».

¹ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965, № 4.

В отношении норм уголовного права предлагаемые термины были бы нечеткими. Все санкции советской уголовноправовой нормы точны. Абсолютно определенная санкция — несовершенная санкция, так как она исключает индивидуализацию наказаний. Такие санкции встречались ранее в виде исключения, а теперь законодатель совсем отказался от них. Между тем термины «точная санкция», или «определенная санкция», по законам логики противопоставляемые неточным или менее точным, неопределенным или менее определенным, содержат уже элемент одобрения, признания превосходства этой санкции, что в действительности должно относиться к относительно определенной санкции.

Следует сохранить название абсолютно определенной и относительно определенной санкции. Прав П. Е. Недбайло, предлагая заменить термин «абсолютно неопределенная санкция» другим термином¹, так как санкции в законах первых лет Советской власти, например, «наказать по всей строгости законов» не были абсолютно неопределенными, они давали наиболее важные указания о характере наказания. Точнее было бы, по нашему мнению, назвать такие санкции не «недостаточно определенными», а «неконкретизированными».

В уголовноправовой норме, как и в статье Особенной части уголовного закона, в отдельный вид санкции следует выделить альтернативные санкции, содержащие указание на два или несколько наказаний, из которых лишь одно избирается судом.

В санкциях УК РСФСР 1960 г. альтернативная санкция встречается более 170 раз. Такая санкция дает возможность суду в необходимых случаях, индивидуализируя наказание, избирать и вид наказания.

В действующем уголовном законодательстве санкция всегда имеет альтернативный характер, если в качестве наказания определена смертная казнь. Ни в одном случае смертная казнь не определена как единственное наказание, а всегда альтернативно указано длительное лишение свободы.

В ранее действовавшем законодательстве в отдельных случаях смертная казнь определялась как единственное наказание, например в ст. 58¹⁶ УК РСФСР.

¹ См. П. Е. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы, стр. 70.

В ряде статей наказания, определяемые в альтернативной санкции, примерно сходны по своей тяжести. Например, по ст. 223 УК РСФСР загрязнение водоемов и воздуха наказывается исправительными работами на срок до 1 года или штрафом до 300 рублей — оба наказания мало различаются по тяжести.

Гораздо чаще встречаются альтернативно понижающиеся санкции, когда закон, учитывая, что могут быть существенные различия в степени опасности деяния, указал в качестве альтернативных и меры наказания, существенно различающиеся по тяжести. Так, неосторожное уничтожение или повреждение личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия, наказывается по ст. 150 УК РСФСР лишением свободы до 3 лет или исправительными работами до 1 года.

Советский законодатель учел, что степень ущерба может резко различаться и неосторожность может быть более грубой и менее грубой и поэтому указал два резко различающихся по тяжести наказания.

Нельзя согласиться с выделением в качестве особого вида сложной санкции, т. е. санкции, содержащей указание на две или более меры наказания¹. Следует учитывать, что основное наказание может быть только одно, другие, указанные в санкции меры наказания могут применяться только в качестве дополнительных. Фактически в санкцию уголовноправовой нормы включаются и некоторые меры наказания, которые в санкции статьи Особенной части закона не указаны, но в силу норм Общей части могут считаться включенными в санкцию уголовноправовой нормы.

Например, увольнение от должности или лишение права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет могут назначаться судом в качестве дополнительной меры наказания и тогда, когда они не значатся в санкции Особенной части уголовного кодекса (ст. ст. 29, 31 УК РСФСР).

Названные наказания, а также возложение обязанности загладить причиненный вред по УК РСФСР зачастую следует мыслить как содержащиеся в санкции

¹ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 249.

уголовноправовой нормы в качестве дополнительных наказаний и тогда, когда они прямо не указаны в статье Особенной части уголовного закона. Но в таком случае почти все санкции пришлось бы считать сложными.

Заметим, что выделение альтернативной (как и сложной) санкции может иметь место по другому логическому основанию деления, чем выделение абсолютно и относительно определенных и неопределенных санкций. Альтернативная санкция может состоять из абсолютно определенных (ст.ст. 263—264 УК РСФСР) или относительно определенных наказаний.

Поэтому противоречит логике деление санкций с нарушением принципа единства основания деления на точные санкции, относительно определенные, простые, сложные, альтернативные или на абсолютно определенные, относительно определенные, альтернативные и кумулятивные¹.

§ 3. Содержание и назначение уголовноправовой нормы

1. Норма советского уголовного права едина. Она адресуется одновременно гражданам, общественности и компетентным государственным органам. Содержание ее, как говорилось выше, не заимствуется из других отраслей права, хотя весьма часто содержанием норм уголовного права являются те же общественные отношения, что и в других отраслях советского права. Обоснованием уголовноправовой нормы является общественная опасность деяния и необходимость вследствие этого борьбы в уголовноправовых формах.

При единстве всех элементов нормы уголовного права центральное место занимает в ней диспозиция. По мнению значительного большинства советских авторов, затрагивавших проблемы норм права, диспозиция уголовноправовой нормы содержит запрет совершения активных описанных в диспозиции действий или требование совершения определенных действий, когда совершение их образует состав преступления.

¹ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 249; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 168.

Таково мнение П. Е. Недбайло¹ в отношении всех норм права, независимо от отрасли права, а также С. В. Познышева², А. А. Герцензона³, И. И. Солодкина⁴, М. И. Ковалева⁵ и др.

По мнению этих авторов, надо различать запрет в отношении активного действия, например, кражи, разбоя, бандитизма, и обязанность совершения определенных действий, когда общественно опасным является несовершение таких действий, как, например, неплатеж алиментов, недонесение о преступлении и т. д.

А. С. Пиголкин считает, что юридическую обязанность любой правовой нормы можно сформулировать как в форме положительного веления, так и в форме запрета⁶, т. е. как будто распространяет это положение и на норму уголовного права. Но далее он утверждает, что все же надо различать веления положительного характера, определяющие активные действия, и веления негативного характера, запрещающие совершать активные действия, обязывающие воздерживаться от них.

Н. Г. Александров, видимо, считает, что нормы уголовного права содержат общие запреты совершать известные действия⁷. М. С. Строгович полагает, что уголовный кодекс запрещает совершение определенных действий под страхом наказания, и его нормы являются запрещающими правовыми нормами⁸. Запрет в каждой норме уголовного права, определяющей наказание, видит и Ю. Г. Ткаченко⁹.

¹ См. П. Е. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы, стр. 68 и сл.

² См. С. В. Познышев. Очерк основных начал уголовного права. М., 1923, стр. 33.

³ См. А. А. Герцензон. Советское уголовное право. Часть Общая, стр. 165—166.

⁴ «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 145.

⁵ См. М. И. Ковалев. Советский уголовный закон, стр. 3, 19.

⁶ См. А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 166.

⁷ См. Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 89—90.

⁸ «Теория государства и права». М., Госюриздат, 1949, стр. 115.

⁹ См. Ю. Г. Ткаченко. Нормы социалистического права. М., Госюриздат, 1960, стр. 22.

Авторы, считающие, что нормы уголовного права содержат или запрет активного действия или требование совершения активного действия, придают решающее значение форме поведения лица, а не существу нормы и содержащихся в ней требований. В известной мере здесь сказывается влияние гражданского права, нормы которого имеют разносторонний характер.

II. Мнение названных авторов, усматривающих в нормах уголовного права, наказывающих бездействие, приказ к совершению того или иного действия, базируется на неправильном представлении, будто уголовное право своим запретом или приказом охватывает полностью весь человеческий поступок. Между тем уголовное право, имеющее дело только с общественно опасным деянием, как свое веление, обращаемое к гражданам и общественности, так и веление, обращаемое к органам государственной власти (в части применения наказания), ограничивает только теми моментами или элементами поступка, в которых выражается общественная опасность деяния, запрещая под страхом наказания совершение этих поступков. Вне этих пределов деяние может быть запрещено нормами, относящимися к другим областям права (например, к гражданскому праву), наконец, оно может быть порицаемо моралью социалистического общества и не запрещено правом.

Норма уголовного права запрещает деяние только в тех пределах, в которых оно является общественно опасным и в этих пределах устанавливает за него санкцию.

Веления о совершении того или иного положительного действия содержатся или в нормах, относящихся к другим отраслям права, или в требованиях морали.

III. Для уголовного права характерно, что оно имеет дело только с отрицательными и притом общественно опасными явлениями.

Требование, содержащееся в диспозиции нормы права, состоит в том, чтобы явления, полезные для социалистического общества, имели место или чтобы вредные деяния не совершались. Диспозиция нормы уголовного права запрещает эти отрицательные общественно опасные поступки, независимо от того, выражены ли они в

форме действия или бездействия¹. Запрет относится к существу отрицательного поведения, а не к его форме.

Деяние запрещается уголовноправовой нормой только в тех пределах, в каких оно представляет общественную опасность, требующую уголовноправовой санкции. Только в этих пределах деяние, выражающееся в нарушении запрета, будет уголовно-противоправным.

Запрет уголовноправовой нормой общественно опасных деяний распространяется нередко только на случаи совершения деяния в определенных условиях или специальным субъектом при совершении только умышленных деяний, только в известном месте, в описываемой нормой обстановке, если эти обстоятельства или условия характеризуют общественную опасность деяния. Деяние запрещается нормой уголовного права в этих случаях только при наличии данных условий.

Наказывая только директора, главного инженера или начальника отдела технического контроля за неоднократный или в крупных размерах выпуск из промышленного предприятия недоброкачественной или не соответствующей стандартам либо техническим условиям, или некомплектной продукции, норма уголовного права, содержащаяся в ст. 152 УК РСФСР, тем самым определяет, что от каждого из этих лиц зависит недопущение такого выпуска. Следовательно, именно к этим лицам адресован непосредственно запрет выпуска недоброкачественной продукции.

Если деяние находится за пределами запрета уголовноправовой нормы, т. е. не является уголовно-противоправным, это еще отнюдь не означает, что деяние правомерно. Утверждение отдельных авторов, что норма права содержит указание на определенный вариант поведения из всех возможных в данной ситуации, к уголовноправовой норме во всяком случае неприменимо. Уголовноправовая норма содержит только запрет, т. е. указывает, как не надо поступать. За пределами уголовноправового запрета деяние, о чем говорилось выше,

¹ Авторы учебника *Общей части уголовного права*, изданного в 1964 г. (ВЮЗИ), считают, что уголовноправовые нормы всегда являются нормами-запретами, в частности воспрещают бездействие («Советское уголовное право. Часть Общая». М., изд. ВЮЗИ, 1964, стр. 22).

может быть противоправным как нарушение нормы, например, административного, трудового, гражданского права или быть деянием, противоречащим коммунистической морали. Например, единичный случай умышленного выпуска не в крупных размерах недоброкачественной промышленной продукции директором, главным инженером и начальником отдела технического контроля не охватывается запретом уголовноправовой нормы, содержащейся в ст. 152 УК РСФСР, но, безусловно, представляет деяние противоправное и влекущее определенные санкции (но не уголовноправовые).

Правильно писал Ф. Полячек, что в уголовном праве вопрос о противоправности решается лишь под углом зрения противоречия деяния уголовному закону. Для решения этого вопроса безразлично, противоправны ли деяния также с точки зрения другой отрасли права¹.

Таким образом, отсутствие уголовноправового запрета отнюдь еще не означает правомерности совершенного поступка, и означает только отсутствие уголовной противоправности.

IV. В работах по общей теории права и в уголовноправовой литературе неоднократно высказывались утверждения, связанные в той или иной мере с теорией Биндинга, что норма уголовного права не содержит запрета деяния, что преступник не только не нарушает нормы, а наоборот выполняет то, что описывается в диспозиции нормы, т. е. осуществляет своими действиями состав преступления.

Н. М. Коркунов исходил из другого положения, что запрет имеется, но он содержится в уголовноправовой норме в скрытом виде и выражается в факте наказуемости деяния. Он считал, что в диспозиции статьи уголовного закона описание преступления в силу его наказуемости содержит и запрет деяния².

Таких же примерно взглядов держался и Ф. П. Тарановский³, считавший, что запрет деяния в скрытой форме содержится в той части уголовноправовой нор-

¹ См. Ф. Полячек. Состав преступления по Чехословацкому уголовному праву, стр. 309.

² См. Н. М. Коркунов. Лекции по общей теории права СПб, 1894, стр. 120.

³ См. Ф. Тарановский. Учебник энциклопедии права Юрьев, 1917, стр. 141—142.

мы, которая в уголовном праве называется диспозицией. Отрицали наличие запрета в уголовноправовой норме и отдельные советские авторы.

А. Н. Трайнин писал: «Нарушение норм Особенной части не состоит в совершении предусмотренных ими преступных деяний, нельзя говорить о том, что убийца нарушил ст. 142 (УК РСФСР 1922 г. — *Н. Д.*), устанавливающую ответственность за убийство. Более того, с момента совершения преступления по существу лишь и выступает реальное значение, начинается подлинная жизнь уголовной нормы, ее применение судом. Нарушение статьи Особенной части может заключаться поэтому лишь в неправильном применении наказания не к тому составу, который описан в законе, или применение к законному составу не того наказания, которое в законе предусмотрено»¹.

По мнению Н. П. Томашевского, цель уголовного законодательства социалистического государства «достигается не путем прямого запрещения определенных действий, признаваемых общественно опасными или преступными, а косвенным путем, т. е. путем угрозы применения наказания (санкции)». Поэтому санкция уголовноправовой нормы применяется в тех случаях, когда поведение какого-либо лица соответствует признакам, предусмотренным в диспозиции данной нормы. «Санкция оказывается не следствием нарушения данной нормы (как обычно утверждается), а, наоборот, следствием такого поведения, которое вполне соответствует данной норме, а именно ее диспозиции». Далее поясняется, что если кто-либо оклеветал другого, т. е. совершил действие, описанное в ст. 161 УК РСФСР 1926 г., то санкция «применяется к лицам, поведение которых соответствует диспозиции этой нормы». Развивая эту мысль, цитируемый автор еще раз подтверждает, что уголовноправовые нормы вообще не нарушаются и не могут быть нарушены теми, к кому они применяются, т. е. нарушения этих норм практически возможны только со стороны суда, который обязан их применять, и, возвращаясь к статье, по которой наказывается клевета, пишет, что «распространение клеветнических измыш-

¹ А. Н. Трайнин. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Л., 1925, стр. 6.

лений является, строго говоря, не нарушением ст. 161 УК, а деянием, соответствующим диспозиции этой статьи, и, следовательно, условием ее применения, которое входит в обязанность суда»¹.

Названные авторы видят центральную часть уголовно-правовой нормы в санкции и по существу считают, что реальное бытие нормы наступает только тогда, когда санкция применена к виновному.

У этих авторов выпадает значение и роль самой советской уголовноправовой нормы, которая объявляет от лица Советского социалистического государства и общества определенные деяния нетерпимыми, в качестве общественно опасных, запрещает их под страхом наказания и воспитывает граждан в духе борьбы с этим преступлением.

Авторы, которые не находят в советской уголовно-правовой норме запрета предусматриваемых ею деяний, исходят из узкого понимания отдельной нормы, как содержащейся только в Особенной части. Если же мыслить норму с включением в нее соответственных положений Общей части, то никаких сомнений о наличии прямого запрета преступных деяний в этих нормах возникнуть не может.

V. Когда же начинается реальное бытие советской уголовноправовой нормы в целом и ее диспозиции в частности, к кому именно обращены эти нормы, кто является их адресатом?

Советская уголовноправовая норма реально действует не с момента совершения преступления и тем более не с момента применения санкции, как ошибочно считают отдельные авторы, упоминавшиеся выше, а с момента издания и введения в действие закона, в котором она содержится. При этом норма, содержащая состав, может возникнуть и до совершения запрещаемых ею деяний. Нельзя согласиться с В. Н. Кудрявцевым, что состав преступления не существует вне конкретных преступлений². Норма, содержащая состав преступления, может быть в виде исключения издана и действовать,

¹ Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. Сб. «Вопросы общей теории советского права», стр. 217—218.

² См. В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления, стр. 43.

хотя бы не было совершено ни одного запрещаемого ею преступления, но законодатель предвидел возможность совершения таких общественно опасных деяний.

Норма, запрещающая общественно опасное деяние и угрожающая за его совершение санкцией в виде уголовного наказания, оказывает несомненное предупреждающее воздействие на неустойчивых людей, способных совершить преступление, и общее воспитательное воздействие.

Неправильно утверждение, что норма права (следовательно, и уголовного) — предписание, которое рассчитано на многократное его применение¹.

Норма уголовного права может относиться к очень ограниченному кругу лиц и явлений. Например, несообщение капитаном судна другому судну, столкнувшемуся с ним на море, названия и порта приписки своего судна либо места своего отправления и назначения (ст. 204 УК РСФСР), если и встречалось в практике, то в виде единичных случаев за десятки лет.

Первая задача уголовноправовой нормы — предупредить преступления, путем, прежде всего, отнесения деяния к числу преступных, запрещения его и установления за него наказания. В таком предупреждении, разумеется, нуждаются у нас только неустойчивые либо разложившиеся элементы, т. е. незначительная часть граждан.

подавляющее большинство граждан не нуждается в предупреждении². В результате огромной работы партии и государства неизмеримо возросло в нашей стране сознание советских людей, глубоко понимающих свой патриотический долг, гражданские права и обязанности. Однако уголовноправовые нормы и их применение, несомненно, оказывают на них большое воспитательное воздействие.

Эти нормы способствуют укреплению и развитию их социалистического правосознания, воспитанию в духе неуклонного соблюдения советских законов, нетерпимо-

¹ «Теория государства и права». М., Госюриздат, 1955, стр. 345.

² Н. Г. Александров справедливо пишет, что «было бы нелепо всех лиц считать потенциальными правонарушителями и прямо на каждого гражданина возлагать юридическую обязанность не совершать запрещенных действий» (Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 89—90).

сти к преступлениям и другим правонарушениям, способствуют росту активности и бдительности граждан, общественных организаций, коллективов трудящихся, руководителей предприятий,строек, учреждений, учебных заведений и других лиц, а также государственных органов и их работников в борьбе с преступлениями и другими нарушениями правопорядка, особенно в их предупреждении и пресечении.

Для действия уголовноправовой нормы, для ее реальности совсем не обязательно совершение преступления. Воздействие нормы на поведение людей, в частности нормы уголовноправовой, осуществляется с момента возникновения нормы. Очень многие люди воздерживаются от запрещаемых нормой поступков, пишет П. Е. Недбайло¹. В советской периодической печати после опубликования Указа от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» отмечалось, что еще до вступления Указа в действие существенно сократилось число хулиганских проявлений. Разумеется, предупредительное и воспитательное воздействие уголовноправовой нормы предполагает неуклонное применение ее в отношении лиц, совершивших предусматриваемые ею преступления. Неправильно было бы, как это делали некоторые авторы, считать бездействующими или мертвыми те статьи Особенной части советского уголовного права, которые фактически не применяются или применяются очень редко.

Если преступление не встречается или почти не встречается, это означает, что, в частности, наряду с другими факторами и уголовноправовая норма выполняет свою роль.

С дальнейшим сокращением, а затем и ликвидацией преступности в нашей стране, о которой говорит Программа КПСС, будет все больше статей уголовных законов, санкции которых не будут применяться. Но это не означает, что такие уголовные законы, пока они еще будут существовать, станут мертвыми, бездейственными.

Диспозиция уголовноправовой нормы советского права направлена прежде всего на убеждение. Осуждая деяние, норма в целом, включая и санкцию, указывает и на степень его общественной опасности.

¹ См. П. Е. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы, стр. 99.

При издании новых уголовных законов СССР и УК союзных республик в 1958—1961 гг. некоторые уголовно-правовые нормы были исключены из ряда законов по тем соображениям, что деяние не встречается в жизни или почти не встречается.

Однако имело бы большое значение само осуждение такого, например, отвратительного деяния, как ростовщичество, которое хотя и редко, но имеет еще место как одно из проявлений паразитических стремлений и выражается главным образом в снабжении деньгами других паразитических элементов¹. Между тем в большинстве новых УК союзных республик, в том числе и в УК РСФСР, это деяние исключено из перечня преступлений.

VI. Норма уголовного права адресуется, как уже говорилось, к гражданам, общественным организациям и государственным органам. Основное ее назначение — предупреждение преступлений и воспитательное воздействие. К более узкому кругу государственных органов и должностных лиц санкция адресуется и для непосредственного осуществления, если лицом, которое может подлежать уголовной ответственности, совершено преступление, т. е. налицо условие, которое содержится в гипотезе уголовно-правовой нормы. Совершение преступления является юридическим фактом, влекущим возможность реального применения санкции.

Некоторые нормы советского уголовного права имеют другой характер — они разрешают, дают право совершать определенные деяния, в других условиях запрещенные законом под страхом наказания.

Таковы, прежде всего, нормы о необходимой обороне и крайней необходимости (ст.ст. 13 и 14 Основ 1958 г.), а также нормы о правомерности задержания преступников, что специально предусматривается в УК Украинской ССР 1960 г. (ч. 3 ст. 15) и УК Узбекской ССР 1959 г. (ч. 3 ст. 15).

В решениях ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, принятых в июле 1966 г., говорится, что в целях дальнейшего раз-

¹ В журнале «Социалистическая законность» (1958, № 3) приведен факт систематического занятия ростовщичеством, причем виновным было нажито около 600 тыс. рублей в прежнем масштабе цен.

вития активности населения в охране общественного порядка вводятся правовые гарантии, обеспечивающие защиту интересов граждан, проявляющих инициативу в борьбе с правонарушениями.

Установлено, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику.

Такие действия, направленные на активную борьбу с преступными посягательствами, одобряются законом, коммунистической моралью, социалистическим правосознанием.

Излагаемые нормы можно отнести к числу управомочивающих.

На государственные органы, прежде всего на суд, норма возлагает конкретную обязанность применения указанного в ней наказания в порядке, определяемом уголовно-процессуальным законодательством, если нет законных оснований, исключающих уголовную ответственность или назначение наказания.

Таким образом, в целом уголовноправовая норма запрещает совершение описываемых в ее диспозиции общественно опасных деяний и обязывает неустойчивые элементы не совершать таких деяний под страхом применения наказания, указанного в санкции, оказывает воспитательное воздействие, в частности, способствует развитию социалистического правосознания граждан, направляет граждан, общественные организации и государственные органы на борьбу с преступлениями, в особенности на предупреждение преступлений, обязывает компетентные государственные органы в случае совершения преступления, осуществлять санкцию уголовно-правовой нормы.

VII. Уголовноправовые нормы четко, а после отмены аналогии исчерпывающе, определяя круг преступлений, давая точное и четкое определение уголовно-наказуемых деяний и пределы, полагающихся за них наказаний, устанавливая в гипотезе, что наказание может применяться только при совершении указанных в диспозиции преступлений, тем самым предоставляют гарантии гражданам от привлечения к уголовной ответственности и

применения к ним уголовного наказания, если они не совершили деяния, описанного в норме.

Одновременно нормы уголовного права обязывают государственные органы при отсутствии указанных в них условий, не привлекать к уголовной ответственности и не подвергать наказанию лиц, действия которых не подпадают под признаки диспозиции уголовноправовой нормы, т. е. не содержат признаков состава преступления, и гарантируют это гражданам в случае несовершения преступлений.

Все, что сказано о назначении уголовноправовых норм, относится к нормам Особенной и Общей частей в их единстве. Неправильно противопоставление этих норм. Так, неосновательно М. Д. Шаргородский считает, что Особенная часть обеспечивает права граждан и создание уверенности, что если деяние не предусмотрено уголовным законом, то оно не влечет уголовной ответственности¹. Это же в полной мере относится и к Общей части.

Большое воспитательное воздействие норм советского уголовного права, как и норм других отраслей права, вызывается их авторитетностью. Они выражают политику Коммунистической партии в области борьбы с преступлениями путем применения наказания и направлены на предупреждение и пресечение общественно опасных действий, вредящих нашему обществу, строящему коммунизм, государственным интересам, гражданам и их правам. Эти нормы отвечают моральным требованиям нашего общества и соответствуют социалистическому правосознанию советских граждан.

VIII. Уголовноправовые нормы в советском законодательстве создаются путем абстрагирования от конкретных обстоятельств. Казуистическая норма явно неприемлема для нашего права.

Всякого рода обобщения нормы сохраняют значение точных определений, пока норма остается конкретной, пока за абстрактной конструкцией не станет исчезать конкретное деяние. В жизни наблюдается многообразие форм преступных деяний, чему должна соответствовать дифференциация норм.

¹ См. М. Д. Шаргородский. Вопросы Общей части уголовного права, стр. 12—13.

К. Маркс писал о недопустимости объединения разнородных деяний: «... собирание валежника и кража леса — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения...»¹.

Нарушение меры в отношении нормы может привести к полной неопределенности и вместе с тем к безграничности нормы, определяющей противоправность в уголовном праве. Таковы были нормы средневекового уголовного права, предоставлявшие возможность неограниченного произвола. Таковы многие нормы уголовного права современных империалистических государств, например нормы уголовного права США, устанавливающие уголовную ответственность за неуважение к суду, за опасное поведение и многие другие. Включение таких совершенно неконкретных норм означает насаждение произвола и беззакония. Предложение реакционной социологической школы уголовного права о резком сокращении Особенной части с переходом к родовым составам и даже об упразднении Особенной части означало перенесение центра тяжести при определении уголовной противоправности деяния с нормы уголовного закона на судебский произвол.

Современная американская доктрина уголовного права по существу отрицает целесообразность точного определения состава преступлений уголовноправовой нормой, делая ставку на усмотрение полиции и суда².

В советском уголовном праве, в особенности со времени кодификации советского уголовного законодательства, диспозиции уголовноправовых норм обрисованы конкретно. Советский законодатель неизменно отвергал систему родовых составов³. Бланкетные статьи уголовных законов наполнены конкретным содержанием в других нормативных актах. Уголовное законодательство 1958—1967 гг. существенно усовершенствовало конкрет-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 122.

² См. С. Л. Зивс Реакционная сущность уголовного права США.

³ См. критику предложений об установлении такой системы в работе М. Д. Шаргородского и В. Г. Смирнова, посвященной истории советского уголовного права («Сорок лет советского права. 1917—1957 гг.», т. II. Изд-во ЛГУ, 1957, стр. 508—510).

ность и четкость уголовноправовых норм. Довод, что, например, данное преступное деяние охвачено диспозицией другой, более широкой уголовноправовой нормы, не может служить поводом для отказа от создания конкретной нормы, если имеющаяся широкая норма чрезмерно обща, а преступление, на борьбу с которым надо направить внимание общественности и государственных органов, отличается специфическим характером общественной опасности и особенностями в формах совершения.

Л. С. Галесник¹, правильно высказываясь за конкретность нормы, вместе с тем считал излишним сохранение в уголовном законе статьи об ответственности за выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной промышленной продукции, поскольку статья УК об ответственности за злоупотребление служебным положением охватывает и состав этого деяния.

Однако все УК союзных республик включили статью об ответственности за это преступление (ст. 152 УК РСФСР). Это деяние частью представляет разновидность злоупотребления служебным положением или должностной халатности, но имеет ряд специфических черт и к тому же в отличие от злоупотребления может быть совершено не только умышленно, но и по неосторожности.

Включение такой конкретной статьи, что было осуществлено впервые законом от 21 ноября 1929 г.², несомненно, способствует борьбе с данным преступлением, особенно его предупреждению. Норма об ответственности за злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170 УК РСФСР) имеет слишком общий характер и поэтому в уголовных кодексах союзных республик 1959—1961 гг. выделена самостоятельная статья об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, причем это деяние отнесено к числу преступлений против правосудия (ст. 176 УК РСФСР). По ранее действовавшим УК это преступление охватывалось нормой об ответственности за злоупотребление служебным положением (ст. 109

¹ См. Л. С. Галесник. Нормы права и практика социалистического строительства. В сб.: «Вопросы общей теории советского права», стр. 11.

² СЗ СССР 1930 г. № 2.

УК РСФСР 1926 г.). Между тем норма, содержащаяся в ст. 176 УК, имеет в виду гораздо более узкий круг лиц, содержит специфические отягчающие обстоятельства и определяет в санкции более суровое наказание за квалифицированные виды этого преступления. Поэтому выделение этой нормы явно целесообразно. Очковитирательство, приписки о выполнении планов, представляют собой вид злоупотребления служебным положением, но создание специальной нормы Указом от 24 мая 1961 г. существенно способствует борьбе с этими деяниями.

Во всех УК союзных республик 1959—1961 гг. вместо одной нормы об уголовной ответственности за любое хищение, независимо от его способа, как было при действии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., выделены статьи, содержащие дифференцированные и гораздо более конкретные нормы об ответственности за каждую форму хищения (путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением ст.ст. 89—93 УК РСФСР 1960 г.), в которых гораздо конкретнее и точнее определены характерные черты общественной опасности каждого вида хищения.

Лишь в отношении хищения в особо крупных размерах, где причинение особо тяжкого вреда социалистической собственности является важнейшим показателем очень большой общественной опасности, а также в отношении мелкого хищения, совершаемого без посягательства на личность, действуют единые нормы, определяющие ответственность за эти виды хищений независимо от его способа (ст.ст. 93¹, 96 УК РСФСР).

В виде исключения в отдельных УК союзных республик 1959—1961 гг. некоторые статьи, содержащие уголовноправовые нормы, стали менее конкретными, чем в ранее действовавших УК.

Общесоюзными уголовными законами от 13 марта 1929 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями»¹ и от 7 августа 1935 г. «Об утверждении Воздушного Кодекса СССР»² была установлена ответственность за нарушение правил, действу-

¹ СЗ СССР 1930 г. № 21, ст. 182; СЗ СССР 1932 г. № 24, ст. 149

² СЗ СССР 1935 г. № 43, ст. 359а.

ющих на железнодорожном, водном и воздушном транспорте. Эти в основном бланкетного характера законы содержали ряд конкретных указаний о видах нарушений (ст.ст. 75¹, 75², 75⁴ УК РСФСР 1926 г.).

В большинстве УК союзных республик 1959—1961 гг. вместо этих статей включена чисто бланкетная и неконкретная статья, диспозиция которой гласит: «Нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности движения, если это повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия» (ст. 213 УК РСФСР). В статье не указаны виды транспорта, виды нарушений. Более конкретна формулировка в УК Казахской ССР (ст.ст. 222, 223), Эстонской ССР (ст. 205), Узбекской ССР (ст.ст. 206—208).

IX. Заслуживают рассмотрения некоторые вопросы содержания и особенностей санкций уголовноправовых норм.

Прежде всего, диспозиция и санкция представляют единство. Характер запрета, особенности и степень общественной опасности запрещаемого диспозицией деяния находят выражение в виде и размере наказания, указываемого в санкции. Одна из существенных черт социалистического права, как права нового, высшего типа — та, что его веления, по общему правилу, исполняются гражданами и должностными лицами добровольно в сознании полезности и необходимости этих велений.

В социалистическом уголовном праве добровольность исполнения его норм состоит, прежде всего, в соблюдении запретов, в несовершении тех деяний, которые запрещены уголовным правом под страхом наказания, в активности по предупреждению преступлений другими лицами.

Поскольку наказание, указываемое в санкции, есть вид государственного принуждения, оно может быть назначено только органом государства — судом. Добровольное принятие на себя уголовного наказания невозможно. Например, не может быть внесен в доход государства штраф, если он не наложен судом, и невозможно содержание в местах лишения свободы в качестве наказания без приговора суда.

X. Санкции уголовноправовой нормы в отличие от санкций многих других отраслей права не имеют своим назначением восстановление нарушенного права.

В большинстве случаев, особенно когда преступлением причинен нематериальный ущерб, он вообще не восстановим. Достаточно назвать такие преступления, как убийство, причинение тяжкого телесного повреждения, изнасилование, вынесение неправосудного приговора, разглашение государственной тайны и т. д.

Если же причиненный преступлением ущерб возмещается или нарушенное преступлением право восстанавливается, то, по общему правилу, это осуществляется по нормам другой отрасли права, например гражданского. К области уголовного права относится лишь возложенные обязанности заглаживать причиненный вред, предусмотренное в качестве меры наказания в УК РСФСР и УК Таджикской ССР. Ошибочно в применении к уголовному праву мнение И. Ребана, что ближайшая цель применения юридической санкции — заглаживание последствий правонарушения, вредных с точки зрения интересов советского народа. Это заглаживание, по его мнению, имеет форму или справедливой кары (заглаживание нематериального ущерба), или же возмещения убытков¹.

Справедливая кара не заглаживает ущерба, например пятнадцатилетнее заключение или даже казнь убийцы не воскрешает убитого. Материальный ущерб, например, от поджога, от разбойного нападения не заглаживается тем, что виновный пробудет какое-то количество лет в тюрьме, и уголовное наказание, назначенное за преступное причинение материального ущерба, не преследует этой цели.

Уголовное наказание, которое в соответствии с санкцией уголовноправовой нормы, применяется к преступнику, карает его за уже совершенные им преступления и преследует цели предупреждения новых преступлений со стороны этих преступников и других лиц, исправления и перевоспитания исправимого преступника. Таким образом, определяя наказание за совершенное в прошлом преступление, норма советского уголовного права ставит цели, относящиеся к будущему.

Одна из коренных особенностей нормы советского социалистического уголовного права состоит в том, что

¹ См И. Ребане О разграничении видов правоотношений и юридических санкций по советскому социалистическому праву. «Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та», стр. 171.

ее санкция, поскольку речь идет о преступлениях мало-значительных или не представляющих большой общественной опасности, не имеет абсолютного характера.

Советское социалистическое право, которому глубоко враждебен формализм, всегда устанавливало возможность неприменения наказания к виновному, если деяние утратило общественно опасный характер или лицо перестало быть общественно опасным.

На основе решений XXI съезда КПСС в советском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве 1959—1961 гг. закреплена широкая возможность привлечения советской общественности к делу борьбы с преступностью, в особенности для осуществления профилактических и воспитательных мероприятий, которые предупреждали бы, а затем и исключали совершение отдельными лицами поступков, наносящих вред обществу.

Уголовное законодательство последних лет в соответствии с повышением роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития установило возможность передачи дел о некоторых малозначительных и не представляющих большой общественной опасности преступлениях на рассмотрение общественности с тем, чтобы к виновным применялись не меры уголовного наказания, а меры общественного воздействия.

Эти новые положения советского уголовного закона предоставляют большие возможности для замены уголовного наказания общественным воздействием, когда по характеру преступления и личности виновного возможно ограничиться такими мерами.

Соответствующие положения включены в большинстве УК союзных республик в санкции Особенной части, вследствие чего многие уголовноправовые нормы, сохраняя запрет и осуждение деяния, альтернативно допускают освобождение от уголовной ответственности.

Почти во всех УК союзных республик названные положения включены и в Общую часть (ст.ст. 51, 52 УК РСФСР), где соответствующие нормы изложены в общей форме и относятся к отдельным нормам Особенной части, предусматривающим некоторые деяния, не представляющие большой общественной опасности.

Глава четвертая

ОБЩЕСОЮЗНОЕ И РЕСПУБЛИКАНСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

§ 1. Компетенция Союза ССР и союзных республик в области уголовного законодательства

I. Уголовное законодательство всегда относилось и относится к компетенции лишь суверенных советских государств — союзных республик и Союза ССР.

До образования Союза Советских Социалистических Республик уголовное законодательство осуществлялось законодательным органом каждой суверенной советской республики.

Первая Советская Конституция — Конституция РСФСР 1918 г. — отнесла к ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в числе других вопросов общегосударственного значения «общегосударственное законодательство, судеустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное, законодательство и пр.» (п. «о» ст. 49)¹. Сходная норма содержалась в п. «е» ст. 6 Конституции Украинской ССР 1919 г.²

К ведению названных же высших органов государственной власти первые советские конституции отнесли право общей и частной амнистии (п. «с» ст. 49 Конституции РСФСР 1918 г.).

По смыслу ст. 49 Конституции РСФСР следовало, что автономные республики РСФСР не могли самостоятельно осуществлять уголовное законодательство. Постановление ВЦИК от 24 мая 1922 г. о введении в дей-

¹ СУ РСФСР 1918 г. № 51, ст. 582.

² СУ УССР 1919 г. № 19, стр. 204.

стии Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. специально сформулировало этот принцип, указав, что изменения или дополнения Уголовного кодекса, вызываемые местными бытовыми условиями, вводятся в жизнь лишь постановлениями отдельных центральных исполнительных комитетов по утверждению Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом¹.

В 1924 и 1925 гг. Уголовный кодекс РСФСР для ряда автономных республик и автономных областей РСФСР был дополнен новой главой IX «Бытовые преступления» в отдельной редакции для каждой такой автономной республики или области², причем все дополнения внесены законодательными органами РСФСР.

В отдельных автономных республиках РСФСР законодательными органами этих республик издавались нормативные акты уголовноправового характера. Однако такое законодательство имело место лишь в виде исключения в период до введения Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и иногда в первые годы после введения в действие этого кодекса³.

II. С созданием 30 декабря 1922 г. Союза ССР как союзного государства, образованного на основе добровольного объединения равноправных социалистических республик, суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье Конституции СССР, определяющей предметы ведения Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления.

Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик (ст. 3 Конституции СССР 1924 г., ст. 15 Конституции СССР 1936 г.).

Конституция СССР 1924 г. разделила сферу компетенции в области уголовного законодательства между

¹ СУ РСФСР 1922 г. № 15, ст. 153.

² СУ РСФСР 1924 г. № 79, ст. 787; 1925 г. № 29, ст. 212; 1925 г. № 70, ст. 554.

³ Ряд нормативных актов уголовноправового характера, изданных в автономных республиках РСФСР, перечислен в ст.: Н. Дурманов. Общесоюзное советское уголовное законодательство и законодательство союзных республик. «Советское государство и право», 1940, № 11, стр. 103—104.

Союзом ССР и союзными республиками, предоставив союзным республикам право самостоятельного развития уголовного законодательства в пределах, очерченных основами уголовного законодательства СССР и по тем вопросам, которые не регламентировались этими Основами.

Конституции союзных республик отнесли к числу вопросов общегосударственного значения, подлежащих ведению Съездов Советов и центральных исполнительных комитетов союзных республик, утверждение кодексов союзной республики в соответствии с Конституцией СССР (п. «з» ст. 17 Конституции РСФСР 1925 г., п. «з» ст. 30 Конституции Украинской ССР 1929 г., п. «д» ст. 25 Конституции Белорусской ССР 1927 г. и др.).

Право издания актов амнистии по Конституции СССР 1924 г. принадлежало как высшим органам государственной власти СССР (право амнистии, распространяемое на всю территорию СССР), так и союзных республик в отношении граждан, осужденных судебными и административными органами союзных республик (п. «ц» ст. 1, ст. 69 Конституции СССР 1924 г.)¹.

Принципиальное единство общесоюзного уголовного законодательства и уголовного законодательства союзных республик находит выражение и в том, что по Конституции СССР 1924 г. высшие органы государственной власти СССР имели право издавать акты амнистии, действие которых распространено на всю территорию СССР, а по Конституции СССР 1936 г. имеют право издания «общесоюзных актов об амнистии» (п. «ш» ст. 14) как в отношении лиц, совершивших преступления, ответственность за которые определена законом Союза ССР, так и в отношении преступлений, ответственность за которые установлена законодательными органами союзных республик.

В свою очередь республиканские акты амнистии обычно охватывают и преступления, ответственность за которые определена общесоюзными законами².

¹ Иногда и высшие органы власти автономных республик издавали акты амнистии (см. П. С. Ромашкин. Амнистия и помилование в СССР, стр. 242—297).

² Например, СЗ Грузинской ССР 1936 г. № 6, ст. 45.

Права союзных республик в определении ими пределов действия актов амнистии ограничиваются не в зависимости от того, регламентируется ли ответственность за преступления союзным или республиканским законодательством, а в зависимости от того, вынесен ли обвинительный приговор судебными органами СССР, или же судом союзной республики.

Пункт «ц» ст. 1 Конституции СССР 1924 г. практически понимался в том смысле, что СССР имел и право издания актов амнистии, имевших локальный характер и не распространявшихся на всю территорию СССР. Например, амнистия от 7 марта 1925 г. распространялась только на ЗСФСР¹.

В Конституции СССР 1936 г. (п. «ш» ст. 14) более точно и в соответствии со сложившейся практикой говорится об издании общесоюзных актов об амнистии без упоминания о распространении их обязательно на всю территорию СССР.

III. В тридцатых годах преобладающее значение получило общесоюзное уголовное законодательство. Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. «Об образовании Народного Комиссариата юстиции СССР»² установило, что уголовное законодательство должно быть единым для всего Союза ССР. Пункт «х» ст. 14 Конституции СССР в редакции 5 декабря 1936 г. гласил, что к компетенции Союза ССР в лице его высших органов власти и органов государственного управления относятся уголовный и гражданский кодексы, но эти кодексы не были изданы. После издания Конституции 1936 г. вплоть до 1958—1962 гг. сохраняло силу уголовное законодательство как СССР, так и союзных республик, изданное при действии Конституции СССР 1924 г., но с введением в действие Конституции СССР 1936 г. издание новых уголовноправовых актов исходило от высших органов государственной власти СССР.

IV. После издания Конституции СССР 1924 г., а также во время принятия и после издания «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. оживленно и довольно бурно

¹ СЗ СССР 1925 г. № 17, ст. 130.

² СЗ СССР 1936 г. № 40, ст. 338.

дебатировались наряду с другими два больших вопроса, касающиеся компетенции СССР и союзных республик в области уголовного законодательства:

1) должны ли представлять собой упоминаемые в Конституции СССР 1924 г. Основы уголовного законодательства действующий и общеобязательный общесоюзный уголовный закон или же они должны рассматриваться только как директивы законодательным органам союзных республик;

2) должны ли предусматриваемые Конституцией Основы уголовного законодательства охватывать только вопросы Общей части уголовного права или же также могут содержать конкретные нормы об уголовной ответственности за определенные преступления.

Эти вопросы, в особенности о юридической природе Основных начал, сохранили свое значение и в настоящее время, когда уголовное законодательство, как и при действии Конституции СССР 1924 г., состоит из общесоюзного и республиканского законодательства. Принятые тогда решения важны и в настоящее время.

V. Центральный вопрос, который был предметом острых споров на второй сессии ЦИК СССР в 1924 г., — это по существу вопрос о том, быть или не быть общесоюзному уголовному законодательству. Казалось бы, этот вопрос уже был разрешен Конституцией СССР 1924 г. Однако многие выступавшие на сессии ЦИК СССР путем неправильного толкования п. «п» ст. I Конституции СССР по существу отрицали право Союза СССР иметь свое уголовное законодательство.

Они утверждали, что предусмотренные Конституцией Основы уголовного законодательства СССР должны представлять собой только директивы, адресованные законодательным органам союзных республик, которые обязаны соответствующим образом отразить эти директивы в издаваемых ими уголовных кодексах. При этом даже содержание упомянутых директив должно было ограничиться вопросами Общей части уголовного права.

Это означало, что общесоюзные Основы уголовного законодательства получали бы общеобязательную силу и применялись судами только после издания законов союзных республик, в которых они выражены, и в той редакции, в которую облечутся эти Основы в законодательстве союзных республик. Таким образом, силу дей-

ствующего закона имело бы только уголовное законодательство союзных республик.

Эта линия была последовательно проведена в двух проектах Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик — так называемых проекте Конституционной комиссии и проекте Комиссии законодательных предположений¹.

М И Калинин, критикуя эту точку зрения, заметил, что проекты семи юристов во всем, что касается общесоюзного дела, представляют собой непозволительные, ничего не говорящие сентенции. М И. Калинин говорил по поводу споров о понимании слов конституции «установление основ», что на простом языке это значит, что дано принципиальное положение и можно изменить только детали². В этих словах удачно выражено соотношение Основ и Общей части УК союзных республик.

Разумеется, предложения, содержавшие существенные отступления от Конституции СССР, были отвергнуты, и уже в самом наименовании закона — Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик — выражена мысль о существовании самостоятельного законодательства Союза ССР. Вводная статья Основных начал 1924 г утверждает эту мысль. В ней говорится, что меры наказания применяются в порядке, устанавливаемом законодательством СССР и союзных республик.

VI. Во время подготовки и обсуждения проекта Основных начал 1924 г, а затем проекта Положения о государственных преступлениях дебатировался и вопрос об объеме конституционного понятия «Основы уголовного законодательства», что означало по существу вопрос о компетенции высших органов государственной власти СССР в издании законодательных актов об ответственности за конкретные преступления. В частности, высказывалось мнение, что отнесение в Конституции СССР 1924 г. к компетенции Союза ССР издания Основ уголовного законодательства означает отнесе-

¹ Текст всех проектов Основных начал см в приложении к кн М И Исаев Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик М—Л, 1927

² «Вторая сессия ЦИК СССР II созыва» Стеногр отчет. М, 1924, стр 417

ние полностью законодательства в области Особенной части к компетенции союзных республик.

Докладчик П. А. Красиков в заключительном слове на сессии ЦИК СССР убедительно доказал, что ЦИК СССР имеет право издавать законы, содержащие уголовную санкцию, и определять такие преступления, прежде всего государственные¹.

В ст. 3 Основных начал 1924 г. было установлено право СССР определять уголовную ответственность за определенные категории преступлений (за государственные, воинские и иногда за некоторые другие).

Совокупность всех указанных законодательных актов и представляла по смыслу вводной статьи и ст. 3 Основных начал 1924 г. те «Основы уголовного законодательства», которые были отнесены Конституцией СССР 1924 г. к компетенции СССР в лице его высших органов государственной власти.

VII Вопрос о действии и силе общесоюзного уголовного законодательства был в значительной мере разрешен в связи с конкретным, казалось бы, вопросом о времени вступления в силу уголовных законов СССР. Первоначально вопрос о времени вступления в действие встал относительно общесоюзного Положения о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г., которое было опубликовано 6 декабря 1924 г.², но в УК союзных республик было включено значительно позднее³ и многими военными трибуналами применялось не Положение, а прежние статьи УК союзных республик.

От разрешения вопроса относительно времени вступления в силу Положения о воинских преступлениях зависело и определение его юридической природы. Если Положение вступило в силу только с момента включения его в уголовные кодексы союзных республик в качестве отдельной главы, то, следовательно, до этого момента оно являлось не законом, а только директивой, направленной законодательным органам союзных республик и не имевшей еще общеобязательной силы.

¹ «Вторая сессия ЦИК СССР II созыва» Стеногр отчет, стр. 460—461

² СЗ СССР 1924 г. № 24, ст. 207.

³ Например, в УК РСФСР содержание названного Положения о воинских преступлениях 1924 г. было включено только при издании УК 1926 г. — 22 ноября 1926 г.

Признание же моментом вступления в силу Положения о воинских преступлениях опубликование в Собрании законов СССР означало, что с этого времени Положение приобретало общеобязательную силу общесоюзного закона, вследствие чего последующее включение Положения в уголовные кодексы союзных республик получило лишь субсидиарное значение. Президиум ЦИК СССР в точном соответствии со ст. 3 Основных начал Постановлением от 16 октября 1925 г. разрешил вопрос в этом последнем смысле. Он признал, что Положение о воинских преступлениях введено в действие в момент опубликования его в установленном порядке, и предложил Верховному Суду Союза ССР и верховным судам союзных республик «издать соответствующие распоряжения о пересмотре приговоров, вынесенных с нарушением действующего Положения о воинских преступлениях»¹.

После аутентического разъяснения времени вступления в силу Положения о воинских преступлениях 1924 г. вопрос о времени вступления в силу Положения о преступлениях государственных от 25 февраля 1927 г не вызывал сомнений.

Вопрос о вступлении в силу (введении в действие) как Основных начал, так и других общесоюзных уголовных законов, изданных в соответствии со ст. 3 Основных начал, исчерпывающим образом был разрешен постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1927 г. Закон от 1 июня 1927 г. установил, что общесоюзные законы, которые являются объективно выполнимыми без издания предусмотренных ими детализирующих постановлений Правительства СССР либо правительств союзных республик, или ведомственных распоряжений, в том числе и законы, носящие название «Основ», «Основных начал» и т. п., а также и такие законы, в которых содержится предложение союзным республикам внести вытекающие из них изменения в законодательство республик, вступают в силу в общем порядке, установленном законом от 6 февраля 1925 г.²

Таким образом, все общесоюзные законодательные акты, упоминаемые в Основных началах 1924 г., были

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 52, стр. 1604

² СЗ СССР 1927 г № 32, ст 326.

признаны действующими общесоюзными законами после их опубликования в надлежащем порядке и, следовательно, подлежали немедленному применению судами на всей территории СССР, независимо от того, когда именно были включены в УК союзных республик статьи, основанные на этих общесоюзных законах. Это правило действует и в настоящее время.

VIII. Верховный Совет СССР 11 февраля 1957 г. в соответствии с решениями XX съезда КПСС о расширении прав союзных республик, поднятии их роли в хозяйственном, культурном и государственном строительстве и в области законодательства принял закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов»¹. В ведении Союза ССР сохранено установление основ законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, основ гражданского и уголовного законодательства.

В соответствии с этим Верховный Совет СССР изменил содержание п. «х» ст. 14 Конституции; в новой его редакции почти дословно была воспроизведена формулировка п. «п» ст. 1 Конституции СССР 1924 г. В законе от 11 февраля 1957 г. существенно новым явилось конкретное указание на вид уголовных законов, издаваемых в союзных республиках на базе общесоюзных Основ: издаются именно уголовные кодексы, а не своды уголовных законов или какие-либо другие законодательные акты.

Понятие Основ, о котором упоминает действующая Конституция СССР, конкретизируется в Основных уголовных законодательствах Союза ССР и союзных республик 1958 г. в том же смысле, как и в Основных началах 1924 г. Конституционное понятие Основ или Основных начал данной отрасли законодательства не обязательно предполагает лишь один какой-либо закон.

Основы 1958 г. конкретизировали положение п. «х» ст. 14 Конституции СССР (как Основные начала 1924 г. — п. «п» ст. 1 Конституции СССР 1924 г.) в том смысле, что Основы уголовного законодательства, о которых говорит этот пункт, включают также и общесоюз-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4, ст. 63.

ные законы, устанавливающие уголовную ответственность за некоторые виды преступлений.

Такое раскрытие конституционного понятия в Основах уголовного законодательства 1958 г. является единственно правильным. Законодательные органы Союза ССР должны иметь возможность не только устанавливать общие положения, основные принципы, определять общие линии советского уголовного законодательства, но и определять преступность и наказуемость ряда отдельных видов преступлений, в отношении которых безусловно необходимым является единое понимание состава этих преступлений и одинаковая наказуемость на территории всего Советского Союза. Это прежде всего относится к преступлениям государственным и воинским.

§ 2. Общая характеристика общесоюзного уголовного законодательства

I Общесоюзное уголовное законодательство не составляет кодекса или иного единого систематизированного акта. Оно складывается из нескольких самостоятельных законодательных актов различных видов (см. выше гл. II, § 1).

В монографиях, учебниках, учебных пособиях при определении круга общесоюзных уголовных законов последние обычно перечисляются подряд, начиная с Основ (или ранее Основных начал) уголовного законодательства СССР и союзных республик.

Следует отразить существенное различие между Основами (или Основными началами) и законами, определяющими ответственность за конкретные преступления. Эти последние имеют строго ограниченные пределы действия. Они определяют составы конкретных преступлений и санкции и не имеют прямого руководящего значения для уголовного законодательства союзных республик, а воспринимаются этим законодательством и включаются в уголовные кодексы наряду со статьями Особенной части, включаемыми только законодательным органом союзной республики.

Совершенно другой характер имеют Основы (или Основные начала) уголовного законодательства СССР и союзных республик. Их содержание кратко опреде-

лено в ст. 2 Основ, которая гласит, что Основы определяют принципы и устанавливают общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Общесоюзные уголовные законы, относящиеся к Особенной части, не могут быть поставлены наряду с Основами, так как они сами базируются на принципах и общих положениях Основ.

В соответствии со ст. 2 Основ общесоюзные уголовные законы могут быть разделены на такие виды: 1. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; 2. Общесоюзные законы, предусматривающие ответственность за отдельные преступления.

В отдельных работах в качестве общесоюзных уголовных законов указываются общесоюзные неуголовные законы, содержащие конкретные положения, относящиеся к сфере уголовного законодательства, например законодательство о судеустройстве¹. Однако отдельные положения неуголовных законов, касающиеся вопросов Общей части уголовного права (например, ст. 3 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г., ныне утратившего силу) не создают новых норм Общей части уголовного права, а разъясняют их и в известной мере конкретизируют.

Несколько своеобразно положение тех норм уголовно-процессуальных законов, которые с точки зрения советской науки уголовного права относятся к материальному уголовному праву.

II. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. заменили утратившие силу Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. со всеми дополнениями, которые были внесены последующими законодательными актами СССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1959 г.)².

Означает ли изменение наименования также и изменение юридической природы этого законодательного акта?

По мнению Д. А. Керимова, разница между «Основами» и «Основными началами» состоит в том, что в

¹ «Советское уголовное право. Общая часть». М., Госюриздат, 1959, стр. 47—49.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 15, ст. 91.

форме «Основ» должен кодифицироваться такой общесоюзный законодательный материал, который представляет собой законченный законодательный акт с подробной регламентацией регулируемых им отношений. Издание «Основ», полагает Д. А. Керимов, исключает необходимость конкретизации их положений законодательством союзных республик.

В форме же «Основных начал», считает он, должен объединяться такой общесоюзный законодательный материал, который определяет общие принципы регулирования тех или иных отношений, причем на основе и в исполнение норм «Основных начал» должны издаваться характеризующие их акты в союзных республиках¹.

Видимо, соображения автора высказаны *de lege ferenda*. Изданные до настоящего времени общесоюзные «Основы» и «Основные начала» не содержат тех отличительных признаков, о которых говорит Д. А. Керимов.

В частности, общесоюзные Основы законодательства о судостроительстве, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, принятые Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г., предполагают издание на их базе соответствующих законов всеми союзными республиками. Действовавшие до 6 января 1959 г. общесоюзные Основные начала уголовного законодательства 1924 г. и Основы уголовного судопроизводства 1924 г., несмотря на разные названия, одинаково развивались и конкретизировались в УК и УПК союзных республик.

По нашему мнению, между «Основами» и «Основными началами», поскольку речь идет об общесоюзном уголовном законодательстве, различие терминологическое; юридическая природа того и другого законодательного акта в главном и существенном одинакова.

III. Основы 1958 г., как ранее Основные начала 1924 г., устанавливают основные положения, обязательные при издании других общесоюзных уголовных законов и обязательные для законодательных органов союзных республик. Эти основные положения обеспечи-

¹ См. Д. А. Керимов. Понятие и формы кодификации. В сб.: «Вопросы кодификации советского права», вып. I. Изд-во ЛГУ, 1957, стр. 9—10.

вают единство в разрешении общих принципиальных вопросов уголовного законодательства. Для Основ уголовного законодательства, как и для других Основ, принятых 25 декабря 1958 г., характерно, что они содержат действительно руководящие начала в той области законодательства, к которой каждый из этих законов относится¹.

Эти руководящие начала и общие положения в Основах отнюдь не имеют абстрактного характера, а наполнены конкретным содержанием. В проекте Основ (где они назывались Основными началами), опубликованном в середине 1958 г. для предварительного обсуждения², некоторые важные положения не были конкретизированы. Не было дано определения видов соучастников, не установлены пределы ответственности за укрывательство и недоносительство, не было описания таких видов наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, общественное порицание. Лишь в самой общей форме и очень неконкретно были определены отдельные черты таких мер наказания, как исправительные работы без лишения свободы и конфискации имущества, не определены условия применения условного осуждения, последствия совершения условно-досрочно освобожденным нового преступления и др.

Такое сужение содержания Основ в проекте нельзя признать целесообразным. Во-первых, многие из положений, которые не нашли отражения в проекте, являются принципиальными, например о характере ответственности за укрывательство и недоносительство, о назначении штрафа с учетом тяжести преступления и имущественного положения осужденного, о недопустимости замены лишения свободы штрафом и штрафа лишением свободы, о размерах удержания при осуждении к исправительным работам, об отбывании этого наказания в районе жительства осужденного, о характере общественного порицания как меры наказания и т. д. Во-вторых, описание в общесоюзном законе только наиболее суро-

¹ См. Р. Руденко. Задачи органов прокуратуры в свете решений XXI съезда КПСС и новых общесоюзных законов «Социалистическая законность», 1959, № 4, стр. 3—15.

² «Советское государство и право», «Социалистическая законность», «Советская юстиция», № 6 за 1958 г.

вых мер наказания и лишь перечисление более мягких могло бы создать неправильное представление о более мягких мерах наказания как несущественных, второстепенных

Наконец, поскольку существует и действует общесоюзное уголовное законодательство по вопросам Особенной части, то должны быть одинаково определены те меры наказания, которые предусмотрены общесоюзным законодательством и упоминаются в санкциях этих общесоюзных законов, или могут быть применены в порядке перехода к более мягким мерам наказания (ст 37 Основ)

В Основах 1958 г названные вопросы существенно конкретизированы, хотя некоторые проблемы остались. В ст 25 Основ следовало бы также разрешить вопрос о зачете в трудовой стаж времени отбывания исправительных работ

В УК союзных республик этот вопрос решается по-разному. Так, в УК Узбекской, Украинской, Белорусской и Грузинской союзных республик время отбывания исправительных работ не засчитывается в трудовой стаж, в УК РСФСР, Литовской, Латвийской, Таджикской, Туркменской и Азербайджанской союзных республик — не засчитывается, но по отбытии наказания по ходатайству общественности, если осужденный добросовестно трудился и поведение его было примерным, такой зачет судом может быть произведен. Остальные УК союзных республик вообще не упоминают о зачете времени отбывания исправительных работ в трудовой стаж. При единстве основ трудового законодательства, в особенности пенсионного законодательства, представляется совершенно необходимым единообразное решение этого вопроса (как в УК РСФСР и пяти других) в общесоюзном уголовном или трудовом, либо исправительно-трудовом законодательстве

IV Действующие Основы содержат нормы различного характера. Они определяют задачи уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, компетенцию Союза ССР и компетенцию союзных республик в области уголовного законодательства и перечисляют общесоюзные и республиканские законы (ст 2)

Основы дают весьма важные указания о строении и содержании уголовного законодательства союзных рес-

публик; прежде всего устанавливаются, что в союзных республиках принимаются именно уголовные кодексы. Из ряда положений и из самой структуры Основ вытекает обязательность деления уголовных кодексов на Общую и Особенную части. Далее, из положений Основ следует, что в этих кодексах уголовная ответственность может быть установлена за определенные преступные деяния (ст. ст. 1, 3, 7), при виновности лица (ст. 3), что в статьях должны быть указаны точные признаки состава преступления (ст. ст. 3, 7). Согласно Основам конкретные наказания должны определяться статьями уголовных кодексов, предусматривающими ответственность за конкретные преступления (ст. 32); не допускается применение уголовного закона по аналогии (ст. ст. 3, 7), не допускаются неопределенные приговоры и т. д.

Таким образом, Основы дают прямо или косвенно ряд важных указаний, которые, будучи отражены в других общесоюзных уголовных законах и уголовных кодексах, способствуют дальнейшему укреплению социалистической законности.

Основы содержат наиболее важные общеобязательные нормы Общей части советского уголовного права, т. е. положения, определяющие задачи советского уголовного законодательства, основания уголовной ответственности, действие советских уголовных законов во времени и пространстве, нормы, определяющие преступление и случаи, когда деяние не является преступным и наказуемым, определяющие виды наказания, применение наказания и освобождение от наказания. Эти положения, однако, не исчерпывают содержания Общей части советского уголовного права.

В отдельных случаях указания Основ относятся и к нормам Особенной части уголовных кодексов. Так, ст. 22 Основ обязывает союзные республики включить в УК статью (или часть статьи) об ответственности за умышленное убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, и перечислить именно в этой статье названные отягчающие обстоятельства, что и сделано в изданных в 1959—1961 гг. уголовных кодексах союзных республик (ст. 102 УК РСФСР).

Ст. ст. 18 и 19 Основ по существу обязывают включить не только в общесоюзный Закон об уголовной

ответственности за государственные преступления, но и в Особенную часть уголовных кодексов статьи, предусматривающие ответственность за заранее не обещанное укрывательство и за недонесение о некоторых достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях.

Наконец, Основы содержат указания законодательным органам союзных республик об издании определенных законов и о включении тех или иных положений в уголовные кодексы, причем содержание этих законов или статей законов целиком определяется законодательством союзных республик. Так, в Основах указывается, что принудительные меры медицинского характера, применяемые к невменяемым, виды принудительных мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям, и порядок их применения устанавливаются законодательством союзных республик (ст. ст. 10, 11).

В ст. 24 Основ указывается, что порядок, места и условия отбывания ссылки устанавливаются законодательством Союза ССР и союзных республик. В следующих статьях Основ говорится, что законодательством союзных республик устанавливается порядок отбывания исправительных работ без лишения свободы (ст. 25), порядок применения конфискации имущества, перечень не подлежащих конфискации предметов (ст. 30), пределы испытательного срока при условном осуждении, порядок наблюдения за условно осужденными и проведения с ними воспитательной работы (ст. 38). Обще-союзный закон считает такие нормы обязательной частью уголовного законодательства союзных республик, но устанавливает, что в отличие от других положений, прямо регламентированных Основами, эти положения могут различаться в отдельных республиках.

Положения Основ, содержащие указания об издании определенных норм, следует отличать от положений, предоставляющих право союзным республикам дополнять и развивать нормы Основ, например включать новые виды наказания, новые обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (ст. ст. 21, 33, 34), или детализировать и конкретизировать отдельные положения Основ, например по отдельным категориям

преступлений определять пониженные сроки давности (ст. ст. 41, 42).

V. С изданием Основ 1958 г. общесоюзные нормы Общей части уголовного права могут содержаться только в этих Основах, но не в отдельных общесоюзных уголовных законах.

В последние два десятилетия перед изданием Основ некоторые нормы Общей части содержались в отдельных общесоюзных законах, не включенных в Основные начала. Так, например, содержание Закона от 7 апреля 1935 г.¹ и указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г.², 31 мая 1941 г.³, установивших возраст, по достижении которого возможна уголовная ответственность за виновное совершение преступлений, не было включено в Основы. Эти законы действовали самостоятельно. Также действовало самостоятельно и постановление ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1935 г. об установлении в качестве наиболее сурового вида лишения свободы заключение в тюрьму⁴ и др.

Представляется, что с изданием Основ 1958 г., все положения Общей части уголовного права, содержащиеся во вновь издаваемых общесоюзных уголовных законах, должны включаться в качестве статей или частей статей Основ. Ст. 2 Основ дает исчерпывающий перечень видов общесоюзных уголовных законов, что исключает самостоятельное существование отдельных общесоюзных уголовных законов по вопросам Общей части уголовного права.

VI. Общесоюзные уголовные законы, предусматривающие ответственность за отдельные преступления, слагаются в настоящее время из двух систематизированных актов — Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, Закона об уголовной ответственности за воинские преступления и, кроме того, неопределенного числа отдельных уголовных законов, определяющих ответственность за иные преступления, направленные против интересов СССР (ст. 2 Основ).

¹ СЗ СССР 1935 г. № 19, ст. 155

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 52

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1941, № 25

⁴ СЗ СССР 1936 г. № 44, ст. 370.

М. И. Ковалев в работе, опубликованной до издания Основ 1958 г., относил к общесоюзному уголовному законодательству по вопросам Особенной части: 1) Положение о преступлениях государственных; 2) Положение о преступлениях воинских; 3) уголовные законы, действующие самостоятельно; 4) общесоюзные законы, которые включены в УК в качестве отдельных статей; 5) уголовные законы, изданные СССР на основе международных конвенций; 6) законы, изданные в связи с защитой мира¹.

В указанном перечне не соблюдено основание деления. Включение или невключение общесоюзного уголовного закона в уголовные кодексы союзных республик (всех или некоторых) зависит не от свойств общесоюзного закона или указания законодательных органов СССР, а от воли законодательных органов союзных республик. Поэтому нет оснований для разделения общесоюзных уголовных законов по этому признаку. Общесоюзные законы, изданные на основе международных конвенций и изданные в связи с защитой мира, подпадают под признаки общесоюзных законов, включенных или невключенных в УК, поэтому в данном перечне нет основания для их выделения в качестве самостоятельной группы.

VII. Содержание понятия государственных преступлений, уголовноправовая борьба с которыми относилась к компетенции СССР по Основным началам 1924 г., в течение нескольких лет являлось предметом споров.

В УК РСФСР 1922 г. (как и в других УК 1922 г.) к числу государственных преступлений были отнесены контрреволюционные преступления (ст. ст. 57—73) и все преступления против порядка управления (ст. ст. 74—104). Следовательно, понятие государственных преступлений определялось очень широко. Также широко был определен круг государственных преступлений в УК Узбекской ССР 1926 г., действовавшем до 1 января 1960 г., что противоречило общесоюзному уголовному законодательству.

В редакции Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик от 31 октября

¹ См. М. И. Ковалев Советский уголовный закон, стр. 13, 14

1924 г. ч. 1 ст. 3 была сформулирована так: «Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных и воинских».

Поскольку понятие государственных преступлений не было определено в самом тексте закона, делались попытки ограничить компетенцию Союза ССР в этой области только изданием Положения о контрреволюционных преступлениях, вследствие чего понятие государственного преступления явилось бы идентичным понятию контрреволюционного преступления.

Высказывались также соображения, что в порядке общесоюзного уголовного законодательства должны быть изданы лишь директивные указания союзным республикам о выработке ими норм, определяющих ответственность за преступления государственные, а издание самих норм должно быть отнесено к исключительной компетенции союзных республик. Это предложение в сущности лишало законодательные органы СССР возможности издавать законы, относящиеся к Особой части советского уголовного права.

Высказывалось и мнение о том, что Положение о государственных преступлениях должно действовать самостоятельно без включения в уголовные кодексы союзных республик. Это предложение клонилось к созданию двух параллельных уголовных законодательств: общесоюзного и республиканского — и уже хотя бы по одному этому как противоречащее Конституции СССР 1924 г. было неприемлемо. Кроме того, были предложения о предоставлении союзным республикам права дополнять и изменять статьи о государственных преступлениях. Однако это означало бы отказ от единой системы борьбы с этими тягчайшими преступлениями и установление совершенно ничем не оправданного разнобоя, так как общественная опасность этих преступлений одинакова во всем Советском Союзе.

Были предложения отказаться от самого понятия государственных преступлений. В связи с этим были даже составлены проекты двух отдельных положений о контрреволюционных преступлениях и об особо для СССР опасных преступлениях против порядка управле-

ния¹ УК РСФСР редакции 1926 г. первоначально не содержал термина «государственные преступления» и главы, определяющей ответственность за эти преступления. Первая глава Особенной части называлась «Контрреволюционные преступления», вторая — «Преступления против порядка управления». Такие наименования сохранялись и в УК Украинской ССР 1927 г. и в УК Белорусской ССР 1928 г.

На третьей сессии ЦИК СССР 3-го созыва 25 февраля 1927 г. была изменена ст. 3 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и принято Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)².

Отвергнув неправильные и вредные для дальнейшего укрепления революционной законности предложения, сессия ЦИК СССР подтвердила необходимость сохранения понятия «государственные преступления» и точно определила это понятие. На сессии было установлено, что государственными преступлениями являются контрреволюционные преступления и особо для СССР опасные преступления против порядка управления. Качественное различие этих двух видов государственных преступлений отражено и в делении Положения о преступлениях государственных на два раздела: 1) О преступлениях контрреволюционных (ст.ст 1—14). 2) Об особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления (ст.ст 15—27).

Сессия ЦИК СССР совершенно точно определила, что уголовное законодательство по борьбе с государственными воинскими преступлениями относится к исключительной компетенции законодательных органов Союза ССР.

VIII. Вопрос о содержании понятия государственных преступлений вновь встал в сороковых годах при подготовке проектов Уголовного кодекса СССР, причем к числу государственных преступлений в проектах отно-

¹ См М М Исаев Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, стр 114, 121.

² СЗ СССР 1927 г. № 12, ст ст 122, 123

сились лишь контрреволюционные преступления и разглашение или утрата государственной тайны¹

Такие же предложения делались и при подготовке проекта Закона об уголовной ответственности за государственные преступления. Однако Закон об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. вполне основательно отнес к числу этих преступлений помимо особо опасных государственных преступлений (ранее называвшихся контрреволюционными преступлениями) также и иные государственные преступления.

При этом, как и в действовавшем до 6 января 1959 г. Положении о преступлениях государственных 1927 г., было сохранено деление государственных преступлений на две группы, а к особо опасным государственным преступлениям отнесены тяжчайшие преступления, посягающие на основы советского строя.

Эти преступления называются уже не контрреволюционными преступлениями, как в прежних законах, а особо опасными государственными преступлениями. Г. З. Анашкин пишет «Замена эта не просто терминологическая. Дело в том, что термин «контрреволюционные преступления» ныне устарел, ибо он отражал определенные исторические условия в жизни нашей страны, условия классовой борьбы в первой фазе развития Советского государства, когда контрреволюционные преступления выражали собой стремление буржуазии, помещиков, реакционных классов задушить молодую Советскую республику, свести на нет завоевания Октябрьской социалистической революции.

Иное дело сейчас, когда социализм победил в Советском Союзе полностью и окончательно, и, следовательно, контрреволюционные преступления в прежнем их понимании не могут быть совершены. Поэтому совершенно правильно поступил законодатель, отказавшись от устаревших терминов, назвав эту группу преступлений особо опасными государственными пре-

¹ «Уголовный кодекс Союза ССР. Проект» М., 1947, стр. 45 и сл.

Автор в статье «Построение Особенной части Уголовного кодекса СССР» писал, что в главе о государственных преступлениях должна быть установлена ответственность и за иные преступления, помимо контрреволюционных («Социалистическая законность», 1946, № 11—12, стр. 38—42).

ступлениями, подчеркнув тем самым направленность этих преступлений против основ общественного и государственного строя и степень их общественной опасности»¹

Основы заменили наименование «Особо для СССР опасные преступления против порядка управления» другим — «Иные государственные преступления». Видимо, здесь исходили из того, что многие из этих преступлений вообще не являются преступлениями против порядка управления, например контрабанда, спекуляция валютными ценностями, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта и др. Между тем при существовании двух видов преступлений против порядка управления особо опасных и иных — они обязательно должны обладать общими родовыми чертами.

Содержание общесоюзных уголовных законов, определяющих ответственность за воинские преступления, не вызывало серьезных дискуссий. Как понятие, так и виды воинских преступлений были определены в Положении о воинских преступлениях 1924 г и затем 1927 г. Положение 1927 г, с учетом накопившегося опыта, было существенно дополнено и изменено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях»². Это переработанное Положение легло в основу Закона об уголовной ответственности за воинские преступления, утвержденного Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г.

Этот закон входит в общесоюзное уголовное законодательство и УК союзных республик в качестве организационной их части (гл. 12 УК РСФСР) с распространением на предусмотренные им деяния норм Основ и Общей части УК соответствующей союзной республики, в которых определены лишь немногочисленные, не имеющие принципиального характера, но, безусловно, необходимые особенности в отношении ответственности военнослужащих (установление такой меры наказания, как направление в дисциплинарный батальон, применение взамен исправительных работ ареста на срок до 2 месяцев с отбыванием его на гауптвахте и др.)

¹ Г. З. Анашкин. Ответственность за измену Родине и шпионаж. М. «Юридическая литература», 1964, стр. 53.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 5, ст. 100.

Таким образом, в СССР не было и нет самостоятельного военно-уголовного законодательства. Предложения о создании военно-уголовного кодекса не встретили поддержки.

Третья категория общесоюзных уголовных законов по вопросам Особенной части — это законы, определяющие уголовную ответственность за иные (помимо государственных и воинских) преступления, направленные против интересов СССР.

Еще при издании Основных начал 1924 г. возник вопрос о праве высших органов государственной власти СССР издавать законодательные акты, определяющие уголовную ответственность за другие преступления, кроме государственных и воинских.

В ст. 3 проекта Основных начал, внесенного на сессии ЦИК СССР в октябре 1924 г. Советом Народных Комиссаров СССР, была весьма своеобразно определена компетенция СССР. «Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных, воинских и тех, которые как нарушающие правопорядок, установленный общесоюзным законодательством (разрядка наша. — *Н. Д.*), определяются законами Союза ССР». Этот проект искусственно разделял единый социалистический правопорядок на правопорядок, установленный общесоюзными законами, и правопорядок, установленный республиканскими законами. Соответственно первый правопорядок должен был охраняться от общественно опасных посягательств общесоюзными, а второй — республиканскими уголовными законами.

Помимо противопоставления двух видов правопорядка предлагавшаяся система имела и тот крупный дефект, что она лишала законодательные органы СССР возможности устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные действия, не являвшиеся нарушением каких-либо общесоюзных законов, например за преступления против личности.

В этой части проект СНК СССР был существенно изменен. Часть 2 ст. 3 Основных начал была сформулирована так: «Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР предоставляется право в

необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой судебной политики» (редакция 25 февраля 1927 г.)¹.

В соответствии с законом от 1 июня 1927 г эта статья понималась таким образом, что соответственные общесоюзные уголовные законы признавались действующими и применялись судами независимо от того, были ли внесены на их основе необходимые изменения в уголовные кодексы союзных республик или же нет.

Х Уголовное законодательство СССР, осуществлявшееся в порядке ст. 3 Основных начал 1924 г., относилось ко всем разделам Особенной части уголовного права. Наибольшее число таких законодательных актов падает, если следовать классификации преступлений, принятой УК РСФСР 1926 г, на главы о преступлениях против порядка управления и о хозяйственных преступлениях

Так, к началу Великой Отечественной войны на основании ст. 3 Основных начал уголовная ответственность полностью или частично определялась общесоюзным уголовным законодательством по числу преступлений²: 1) иные преступления против порядка управления — по 24 преступлениям; 2) должностные преступления — по 2; 3) хозяйственные преступления (и преступления в области трудовых отношений) — по 10; 4) преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности — по 6; 5) имущественные преступления — по 6, 6) нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок — по 6.

Общесоюзные уголовные законы, изданные на основании ст 3 Основных начал, содержали или полный текст статьи, которая в этом случае без изменений включалась в уголовные кодексы союзных республик, или же элементы нормы, т. е. состав преступления и санкцию, или одну лишь санкцию. В последнем случае текст статьи вырабатывался законодательными органами союзных республик.

¹ СЗ СССР 1927 г № 12, ст 122.

² Перечень этих преступлений см в статье автора данной работы в кн: «История советского уголовного права». М., Юриздат, 1948, стр 398—401.

После того как законом, принятым Верховным Советом СССР 11 февраля 1957 г., издание уголовных кодексов было отнесено к компетенции союзных республик, снова возник вопрос о компетенции законодательных органов СССР в части установления уголовной ответственности за иные преступления, кроме государственных и воинских

Проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик определял в ст 2, что «в необходимых случаях законодательством СССР определяется также ответственность за преступления, которые влекут уголовное наказание согласно международным соглашениям, заключенным СССР» В следующей части ст 2 подчеркивалось, что «другие вопросы Особенной части уголовных кодексов союзных республик разрешаются законодательством союзных республик» Тем самым исключалось законодательство Союза ССР в части установления уголовной ответственности за какие бы то ни было преступления, кроме государственных, воинских и тех немногих преступлений, которые влекут уголовную ответственность согласно международным договорам

Это ограничение лишало бы возможности законодательные органы СССР определять наказуемость тех общественно опасных деяний, посягающих на интересы СССР, в отношении которых, безусловно, выявилась необходимость установления одинаковой на всей территории СССР уголовной ответственности

В ст 2 Основ вопрос разрешен таким образом что общесоюзные уголовные законы определяют в необходимых случаях ответственность и за иные (кроме государственных и воинских) преступления, направленные против интересов СССР

XI Из прежнего общесоюзного уголовного законодательства по вопросам Особенной части сохранили силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1940 г «Об ответственности за нарушение правил воинского учета» (ст 4)¹ и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1958 г «Об ответственности за невыполнение планов и заданий по

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1940 № 28

поставкам продукции»¹, не имеющий санкции и отсылающий в части ответственности к законодательству союзных республик

В 1961—1967 гг издано несколько Указов Президиума Верховного Совета СССР, определяющих уголовную ответственность за отдельные преступления, помимо государственных и воинских

Преступления (не относящиеся к числу государственных и воинских), за которые установлена уголовная ответственность общесоюзным уголовным законодательством, относятся к различным главам Особенной части УК (см табл на стр 174—176)

Общесоюзные законы об ответственности за конкретные преступления, за отдельными лишь исключениями полностью определяют состав преступления и санкцию

Следует заметить, что в санкциях общесоюзных уголовных законов могут указываться лишь те меры наказания, которые установлены Основами, но не те меры, которые сверх того включены в УК союзных республик (например, возложение обязанности загладить причиненный вред) С другой стороны, поскольку Основы не установили низшего предела для срочных мер наказания, в санкциях общесоюзного закона могут указываться низшие пределы наказаний, не предусмотренные в УК Однако это едва ли целесообразно

Из приведенной таблицы можно сделать вывод, что «иными преступлениями, посягающими на интересы СССР», могут быть деяния, относящиеся к любому разделу Особенной части, и в случае необходимости, т е тогда, когда будет признано целесообразным установить одинаковую уголовную ответственность за преступление независимо от места совершения преступления, высшие органы власти СССР издают соответствующий закон или указ, как это сделано в отношении перечисленных преступлений

§ 3. Уголовное законодательство союзных республик

I Уголовное законодательство союзных республик— это главным образом уголовные кодексы Они издаются на основе общесоюзного закона от 11 февраля 1957 г

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1958 № 9

Т а б л и ц а

Преступления (помимо государственных и военных), ответственность за которые полностью или частично определяется общесоюзным уголовным законодательством	Глава Особенной части (по УК союзных республик)	Дата общесоюзного Указа или Закона, которым полностью или частично определена ответственность
1. Хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах	Преступления против социалистической собственности	Указ от 5 мая 1961 г.
2. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах	Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности	Основы 1958 г. ст. 22.
3. Изнасилование, совершенное группой лиц или особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия	То же	Указ от 15 февраля 1962 г.
4. Получение взятки	Должностные преступления	Указ от 20 февраля 1962 г.
5. Посредничество во взятничестве	То же	То же
6. Дача взятки	То же	То же
7. Невыполнение планов и заданий по поставкам продукции	То же	Указ от 24 апреля 1958 г.
8. Приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов	Хозяйственные преступления	Указ от 24 мая 1961 г.
9. Преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники	В некоторых УК преступления против социалистической собственности, в некоторых — хозяйственные преступления	Указ от 29 декабря 1961 г.

Преступления (помимо государственных и воинских), ответственность за которые полностью или частично определяется общесоюзным уголовным законодательством	Глава Особенной части (по УК союзных республик)	Дата общесоюзного Указа или Закона, которым полностью или частично определена ответственность
10. Нарушение правил воинского учета	Преступления против порядка управления	Ст. 4 Указа от 30 июля 1940 г.
11. Оскорбление работника милиции или народного дружинника в связи с исполнением этими лицами обязанностей по охране общественного порядка	То же	Указ от 15 февраля 1962 г.
12. Сопротивление работнику милиции или народному дружиннику при исполнении этими лицами обязанностей по охране общественного порядка, а также принуждение этих лиц к выполнению явно незаконных действий	То же	Указ от 15 февраля 1962 г.
13. Посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка	Преступления против порядка управления (и преступления против жизни, здоровья, свободы, достоинства личности)	То же
14. Самовольная без надобности остановка поезда	Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения	Указ от 21 октября 1963 г.

Преступления (помимо государственных и воинских), ответственность за которые полностью или частично определяется общесоюзным уголовным законодательством	Глава Особенной части (по УК союзных республик)	Дата общесоюзного Указа или Закона, которым полностью или частично определена ответственность
15 Злостное нарушение иностранцами и лицами без гражданства правил передвижения по территории СССР	Преступления против порядка управления	Указ от 23 июля 1966 г
16 Хулиганство	Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения	Указ от 26 июля 1966 г.

и статей конституций союзных республик, предусматривающих издание уголовных кодексов, о чем специально упоминается в ряде УК (ст. 2 УК Украинской ССР, Грузинской ССР, Молдавской ССР и др.).

При издании УК РСФСР 1922 г. законодательные органы РСФСР, видимо, исходили из того, что все уголовноправовые нормы должны быть сосредоточены только в уголовном кодексе. Это можно заключить из ст. 2 закона от 24 мая 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»¹, согласно которой с момента вступления УК в силу отпадало действие всех иных норм, устанавливавших до момента введения его в действие основания и размер уголовных наказаний, и приводившегося выше (гл. I § 2) декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 9 октября 1922 г. «О порядке включения уголовных санкций в проекты узаконений»², дополнявшего закон от 24 мая 1922 г. В течение 7—8 лет после кодификации советского уголовного законодательства все вновь изданные уголовные законы неизменно включались в уголовные кодексы.

¹ СУ РСФСР 1922 г № 15, ст 153

² СУ РСФСР 1922 г № 63, ст 810

Однако в конце двадцатых годов и в особенности в тридцатых годах и позднее стали издаваться отдельные уголовные законы, которые не были включены в уголовные кодексы; вместе с тем наряду с уголовным кодексом в союзных республиках действовало значительное число (около двадцати) общесоюзных уголовных законов, содержание которых не было в него включено.

Наличие таких (не включенных в кодексы) законов частично объяснялось тем, что некоторые новые общесоюзные уголовные законы, в особенности закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹, не укладывались в систему кодексов союзных республик. Вместе с тем трудно объяснить, почему, например, в Положении о преступлениях государственных 1927 г. и в УК союзных республик не были включены статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну»², почему в УК союзных республик не был включен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», причем из уголовных кодексов до самого издания новых УК в 1959—1961 гг. не были исключены утратившие силу в связи с изданием этого Указа статьи об ответственности за изнасилование.

Непонятно также, почему не было включено в Общую часть УК союзных республик содержание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»³ и др.

Сейчас уголовные кодексы, за исключением УК Узбекской ССР 1959 г., установили, что все общесоюзные уголовные законы по вопросам Особенной части, в том числе и устанавливающие ответственность за иные преступления, помимо государственных и воинских, направленные против интересов СССР, включаются в уголовный кодекс (ч. 2 ст. 2 УК РСФСР).

¹ СЗ СССР 1932 г № 62, ст 360

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, № 20.

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1941, № 25

УК Узбекской ССР (ст. 2) прямо не предусматривает включения общесоюзных законов, определяющих уголовную ответственность за иные преступления, посягающие на интересы СССР. Однако фактически они неизменно включаются в УК Узбекской ССР.

По точному смыслу общесоюзного закона от 11 февраля 1957 г. и по смыслу ст. 2 Основ 1958 г. уголовное законодательство союзных республик, как уже упоминалось в главе II, состоит из уголовных кодексов¹.

Для точного применения уголовного закона, для более полного предупредительного и воспитательного его действия, для воздействия его на дальнейшее развитие социалистического правосознания граждан и направления их воли к борьбе за предупреждение и искоренение преступлений важно, чтобы вся совокупность уголовноправовых норм, действующих в каждой республике (включая и общесоюзные законы), была изложена в одном законодательном акте, отличающемся внутренним единством и взаимосвязанностью норм, т. е. в уголовном кодексе союзной республики.

При действии Основных начал 1924 г., на основе принципов и общих положений общесоюзного уголовного законодательства в союзных республиках в 1926—1928 гг. в соответствии с конституциями этих республик были пересмотрены или вновь изданы уголовные кодексы. В 1935 г. после преобразования Таджикской АССР в союзную республику был издан УК Таджикской ССР.

До издания в 1959—1961 гг. новых уголовных кодексов в СССР действовали девять уголовных кодексов союзных республик:

УК РСФСР был принят 22 ноября 1926 г. и введен в действие с 1 января 1927 г.;

УК Украинской ССР был принят 8 июня 1927 г. и введен в действие с 1 июля 1927 г.;

¹ Авторы учебного пособия по уголовному праву, изданного в Ленинграде, ошибочно считают, что к уголовному законодательству союзных республик относятся уголовные кодексы и отдельные уголовные законы или указы, изданные союзными республиками («Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 151).

УК Белорусской ССР был принят 23 сентября 1928 г. и введен в действие с 15 ноября 1928 г.;

УК Узбекской ССР был принят 16 июня 1926 г. и введен в действие с 1 июля 1926 г.;

УК Грузинской ССР был принят 26 марта 1928 г. и введен в действие с 1 мая 1928 г.;

УК Азербайджанской ССР был принят 3 декабря 1927 г. и введен в действие с 15 января 1928 г.;

УК Армянской ССР был принят в 1927 г. и введен в действие с 1 ноября 1927 г.;

УК Таджикской ССР был принят 9 мая 1935 г. и введен в действие с 15 июня 1935 г.

УК Туркменской ССР был принят 22 октября 1927 г. и введен в действие с 1 февраля 1928 г.

УК РСФСР 1926 г. действовал и на территории Казахской ССР и Киргизской ССР, которые ранее входили в РСФСР в качестве автономных республик. После преобразования этих автономных республик в 1936 г. в союзные высшими органами власти этих республик было подтверждено действие УК РСФСР на территории республик впредь до издания нового УК.

После установления в 1940 г. Советской власти в прибалтийских республиках по просьбе правительств этих республик действие УК РСФСР 1926 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1940 г.¹ было временно (до издания нового УК) распространено на территории Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР.

Действие УК РСФСР было прекращено на территории указанных республик с введением в действие в 1961 г. уголовных кодексов этих республик.

По просьбе правительства Молдавской ССР действие УК Украинской ССР 1927 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1940 г. временно впредь до издания нового УК было распространено на территорию Молдавской ССР². Действие этого УК было прекращено с введением в действие УК Молдавской ССР 1961 г.

II. Во всех союзных республиках действуют уголовные кодексы, принятые в 1959—1961 гг. после тщатель-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 46.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 51.

ной подготовки и обсуждения их проектов. При этом в Казахской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР и Эстонской ССР уголовные кодексы изданы впервые.

Действующие уголовные кодексы приняты и введены в действие в следующие даты:

УК РСФСР 1960 г. принят 27 октября 1960 г., введен в действие с 1 января 1961 г.;

УК Украинской ССР 1960 г. принят 28 декабря 1960 г., введен в действие с 1 апреля 1961 г.;

УК Белорусской ССР 1960 г. принят 29 декабря 1960 г., введен в действие с 1 апреля 1961 г.;

УК Узбекской ССР 1959 г. принят 21 мая 1959 г., введен в действие с 1 января 1960 г.

УК Казахской ССР 1959 г. принят 22 июля 1959 г., введен в действие с 1 января 1960 г.

УК Грузинской ССР 1960 г. принят 30 декабря 1960 г., введен в действие с 1 марта 1961 г.

УК Азербайджанской ССР 1960 г. принят 8 декабря 1960 г., введен в действие с 1 марта 1961 г.

УК Литовской ССР 1961 г. принят 26 июня 1961 г., введен в действие с 1 сентября 1961 г.

УК Молдавской ССР 1960 г. принят 24 марта 1961 г., введен в действие с 1 июля 1961 г.

УК Латвийской ССР 1961 г. принят 6 января 1961 г., введен в действие с 1 апреля 1961 г.

УК Таджикской ССР 1961 г. принят 17 августа 1961 г., введен в действие с 1 декабря 1961 г.

УК Киргизской ССР 1960 г. принят 29 декабря 1960 г., введен в действие с 1 мая 1961 г.

УК Армянской ССР 1961 г. принят 7 марта 1961 г., введен в действие с 1 июля 1961 г.

УК Туркменской ССР 1961 г. принят 22 декабря 1961 г., введен в действие с 1 мая 1962 г.

УК Эстонской ССР 1961 г. принят 6 января 1961 г., введен в действие с 1 апреля 1961 г.

§ 4. Соотношение общесоюзного уголовного законодательства и уголовных кодексов союзных республик

1. Общесоюзное уголовное законодательство и уголовные кодексы союзных республик не представляют собой двух систем уголовного законодательства. С мо-

мента создания общесоюзного уголовного законодательства это законодательство и уголовные кодексы можно рассматривать как принципиально единое законодательство, различающееся в ряде конкретных вопросов. В уголовных кодексах воспроизводятся, дополняются, развиваются и конкретизируются положения Основ и других общесоюзных уголовных законов.

Уголовное законодательство СССР ни при каких условиях не может быть противопоставлено уголовным кодексам союзных республик. СССР как добровольное объединение равноправных союзных республик по самой своей природе не только не может каким-либо образом умалять суверенитет союзных республик, но, наоборот, охраняет их суверенные права (ст. 3 Конституции СССР 1924 г., ст. 15 Конституции СССР 1936 г.).

Общесоюзное уголовное законодательство является одновременно и органической частью уголовных кодексов союзных республик. При этом статьи уголовных кодексов, основанные на общесоюзных законах, включаются законами союзных республик и, таким образом, становятся вместе с тем республиканским законом. В уголовном законодательстве СССР и союзных республик 1958—1966 гг. это выражено особенно четко.

В ст. 2 УК РСФСР говорится, что Уголовный кодекс исходит из принципов и общих положений, установленных Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Подобные же или сходные положения содержатся и в большинстве УК других союзных республик (ст. 2 УК Белорусской ССР, Латвийской ССР и др.).

В УК, изданных на базе Основных начал 1924 г., вообще не содержалось указаний на соотношение данного УК и общесоюзного уголовного законодательства. Во всех действующих УК включена специальная статья, определяющая такое соотношение (ст. 2 УК РСФСР и других УК союзных республик).

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. указывалось, что «разделы о преступлениях государственных и воинских подлежат включению в уголовные кодексы союзных республик в тексте положений, издаваемых

Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР»¹.

Основы 1958 г. не содержат подобного указания; уголовные кодексы всех союзных республик воспроизводят, как и прежние УК, содержание Законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления в качестве глав о преступлениях государственных и воинских. Это соответствует принципу органического единства уголовного законодательства СССР и союзных республик. Отсутствие же в Основах 1958 г. указания на включение в УК союзных республик норм об ответственности за государственные и воинские преступления объясняется, по-видимому, тем, что законодательные органы Союза ССР, учитывая сложившуюся за 32 года систему построения уголовных кодексов, считали такое включение не вызывающим сомнения и не требующим специальной регламентации в общесоюзном законодательстве.

Нельзя согласиться с предложениями о том, чтобы эти общесоюзные уголовные законы являлись лишь приложением к уголовным кодексам, т. е. оставались бы за пределами системы УК².

II. Единство общесоюзного и республиканского законодательств выражается, в частности, в распространении действия норм Общей части уголовных кодексов союзных республик также и на деяния, уголовная ответственность за которые устанавливается общесоюзным законом, если преступление совершено на территории данной республики. Это относится не только к статьям Общей части, воспроизводящим статьи Основ, но и к статьям, самостоятельно изданным законодательными органами союзных республик.

Например, пределы испытательного срока при условном осуждении устанавливают союзные республики, но при применении общесоюзного закона, скажем, ст. 22

¹ Как уже говорилось, в действующих УК союзных республик установлена обязательность включения в УК общесоюзных законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления

² М. Д. Шаргородский предлагал общесоюзные законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления сделать приложениями к УК, но не включать в УК союзных республик («Вопросы кодификации». Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 51—52)

Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, суд в случае назначения условного осуждения будет устанавливать испытательный срок в пределах, указанных УК той республики, на территории которой совершено преступление.

При назначении наказания по любым статьям УК, в том числе и по статьям УК, воспроизводящим общесоюзные уголовные законы, и по Указам Президиума Верховного Совета СССР, еще не включенным в УК, суд учитывает и те смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, которые установлены УК той республики, где совершено преступление

В нескольких УК (ч. 3 ст. 2 УК РСФСР, ч. 3 ст. 2 УК Грузинской ССР и др.) содержится непосредственное указание на то, что Общая часть кодекса распространяется как на деяния, указанные в нем (следовательно, и на те, ответственность за которые установлена общесоюзным законом), так и на деяния, ответственность за которые предусмотрена общесоюзными законами, еще не включенными в кодекс. Во всех случаях, когда в Общей части УК упоминается о деяниях, предусмотренных этим кодексом, то имеются в виду и деяния, ответственность за которые предусмотрена общесоюзными уголовными законами, еще не включенными в УК.

Принципиальное единство общесоюзного и республиканского уголовного законодательства находит свое выражение и в том обстоятельстве, что суды союзных республик и суды СССР (Верховный Суд СССР и военные трибуналы), вынося приговоры, непосредственно применяют не общесоюзные уголовные законы, например статьи законов об уголовной ответственности за государственные или воинские преступления, а соответствующие статьи уголовного кодекса данной союзной республики, в которых воспроизведены эти статьи общесоюзного закона.

Общесоюзные уголовные законы применяются непосредственно до включения их в уголовные кодексы союзных республик или тогда, когда в отдельных случаях республиканский закон расходится с общесоюзным (ст. 20 Конституции СССР).

Так, несомненно противоречило Закону об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г.

отнесение недонесения о государственных преступлениях и числу преступлений против правосудия в УК РСФСР 1960 г. (ст. 190) и УК Украинской ССР (ст. 187), в то время как названный общесоюзный закон отнес это деяние к числу иных государственных преступлений (ст. 26). В дальнейшем это расхождение было устранено (см. ст. 88² Ук РСФСР, ст. 80² УК РСФСР).

По нашему мнению, противоречит общесоюзному законодательству ст. 25 УК Казахской ССР в той части, где она устанавливает неприменение исправительных работ к учащимся.

Изъятие из действия нормы закона, устанавливающей вид наказания в зависимости от рода занятий лица, не может иметь места, так как подобного изъятия нет в Основах и установление его противоречит ст. 6 Основ законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик.

Сложен вопрос о тех общесоюзных законах, которые в какой-то части наполняются содержанием в нормах УК союзных республик, вследствие чего эти общесоюзные законы применяются неодинаково в союзных республиках. Ряд соображений по этому вопросу высказан в содержательной статье М. П. Карпушина «О некоторых вопросах соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства»¹. Одним из видов контрабанды, наказуемой по ст. 15 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, признается контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием служебного положения; состав получения взятки в качестве субъекта преступления предполагает должностное лицо (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г.). Однако понятие должностного лица неодинаково определено в УК союзных республик.

Общесоюзное уголовное законодательство связывает серьезные правовые последствия с совершением преступления, отнесенного по закону к числу тяжких, или с признанием виновного особо опасным рецидивистом. Понятия тяжкого преступления и особо опасного рецидивиста существенно различаются в отдельных УК союзных республик.

¹ «Советское государство и право», 1965, № 4.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 14¹ Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ст. 77¹ УК РСФСР), может быть отбывающий лишение свободы особо опасный рецидивист или отбывающий это наказание за тяжкое преступление. Согласно примечанию II к ст. 24 УК РСФСР тяжким признается любое указанное в нем преступление, независимо от вида и срока наказания, к которому осужден виновный, а по другим УК лишь при осуждении виновного к лишению свободы на срок не ниже пяти лет. Можно было бы привести и другие примеры.

М. П. Карпушин считает, что следует или в самом общесоюзном уголовном законе дать определение всех признаков рассматриваемых преступлений, или же обеспечить единообразный характер норм УК союзных республик, наполняющих конкретным содержанием статьи общесоюзных уголовных законов.

Полагаем, что в зависимости от характера общесоюзных уголовноправовых норм возможен как первый, так и второй путь, но разрешение вопроса не может этим ограничиться.

По нашему мнению, некоторые понятия общесоюзного уголовного закона не идентичны сходным или одноименным понятиям, относящимся, разумеется, к другим преступлениям. Например, понятие клеветнических измышлений, о которых говорится в ст. 7 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, должно определяться самостоятельно, а не на основе статей УК о клевете, как преступлении против личности (ст. 130 УК РСФСР). Понятие спекуляции в ст. 25 указанного Закона не идентично понятию спекуляции как хозяйственного преступления (ст. 152 УК РСФСР). Например, вызывает сомнение утверждение, что спекуляция валютными ценностями так же, как и спекуляция, предусмотренная ст. 152 УК РСФСР, — двуактное преступление, объективная сторона которого складывается из скупки и перепродажи предметов².

¹ «Советское государство и право», 1965, № 4.

² Так, некоторые авторы считают, что для состава спекуляции валютными ценностями достаточно скупки валютных ценностей с нарушением правил о валютных операциях. (Государственные преступления. М., «Высшая школа», 1961, стр. 213—214. М. Михайлов, Ю. Милько. Квалификация нарушений правил о валютных операциях. «Советская юстиция», 1966, № 1, стр. 16—18.)

Такие нормы требуют самостоятельного определения в науке уголовного права и судебной практике. Поставленный вопрос в целом нуждается в глубоком и всестороннем изучении.

III. Включение общесоюзного уголовного закона в УК союзной республики в качестве его части отнюдь не прекращает его действия как общесоюзного закона. Общесоюзные уголовные законы и после включения в УК сохраняют важное принципиальное и практическое значение, в особенности для правильного понимания и применения тех статей УК союзных республик, содержание которых основано на общесоюзном уголовном законе.

Если общесоюзный уголовный закон содержит комплекс уголовноправовых мероприятий для борьбы с определенным преступлением или группой преступлений или для борьбы с преступлениями и сходными с ними административными преступлениями, то каждая норма, содержащаяся в таком законе, должна рассматриваться исходя из статьи этого закона, в единстве с другими нормами этого же закона, независимо от того, в какие разделы УК включены эти статьи.

Большое значение имеют преамбулы общесоюзных законов, в которых излагаются причины и цели издания закона; обычно преамбула не воспроизводится в республиканском законе. Так, для правильного понимания и применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» существенное значение имеет преамбула, в которой отмечается, что он издан на основе пожеланий общественности, определяется важность обязанностей работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка и прав граждан, и указывается, что Указ издан в целях усиления ответственности за посягательства со стороны преступных и иных антиобщественных элементов на жизнь, здоровье и достоинство этих лиц.

Как следует из Указа, неповиновение как административный проступок, оскорбление названных лиц, сопротивление им при исполнении обязанностей по охране общественного порядка или принуждение к выполнению явно незаконных действий признаются видами

противодействия законной деятельности работников милиции и народных дружинников, что, следовательно, этот признак входит и в конкретные составы названных преступлений¹, и т. д.

Выше приводилась преамбула Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство». Она имеет существенное значение для правильного понимания и применения Указа.

IV. Сохранение в полной мере силы и значения уголовного закона в качестве общесоюзного и после включения его в УК союзных республик означает, в частности, что изменения этого закона могут производиться только в порядке общесоюзного уголовного законодательства, и в соответствующих статьях уголовных кодексов могут лишь воспроизводиться эти изменения.

После образования пленумов верховных судов союзных республик некоторые считали, что эти органы могут давать руководящие разъяснения и по тем статьям УК союзной республики, которые воспроизводят общесоюзные уголовные законы. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР в 1961 г. разъяснил (при том с отступлением от закона) понятие укрывательства, хотя оно определено общесоюзным уголовным законом (ст. 18. Основ), который лишь воспроизведен в УК РСФСР (ст. 18)².

И. Д. Перлов обоснованно писал, что пленумы верховных судов союзных республик должны разъяснять вопросы применения республиканских законов. Если общесоюзный закон инкорпорирован в кодексе союзной республики, то право разъяснения его применения принадлежит только Пленуму Верховного Суда СССР, так как от одного факта включения общесоюзного закона в республиканский этот закон не лишается характера общесоюзного³. Х. Б. Шейнин высказал ту же мысль, что разъяснения по применению общесоюз-

¹ Такое понимание дано и Пленумом Верховного Суда СССР («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963 гг.», стр. 287)

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 3

³ См. И. Перлов. Компетенцию Верховного Суда Союза ССР следует расширить «Советская юстиция», 1962, № 6, стр. 17.

ного законодательства не входят в компетенцию пленумов верховных судов союзных республик. Общесоюзный закон, хотя и включенный в республиканский кодекс, не перестает быть законом общесоюзным¹.

Протокольное постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О руководящих разъяснениях пленумов верховных судов союзных республик» в соответствии с Законами о судеустройстве союзных республик окончательно разрешило этот вопрос в том смысле, что «разъяснения пленумов верховных судов союзных республик должны быть посвящены вопросам применения республиканского законодательства и соответствовать постановлениям Пленума Верховного Суда СССР»².

V. Соотношение между советскими общесоюзными и республиканскими уголовными законами ничего общего не имеет с соотношением между федеральными уголовными законами и законами штатов в США.

В США и сейчас существует исторически сложившееся деление уголовного законодательства (как и судов и тюрем) на законодательство федеральное и законодательство штатов.

Формально федеральное уголовное законодательство и уголовное законодательство штатов организационно не связаны между собой; каждое из них имеет свою сферу компетенции. Федеральное уголовное законодательство не является основой такого же законодательства штатов, хотя, разумеется, основы того и другого законодательства, определяемые классовыми интересами государственно-монополистического капитализма, одинаковы. Например, действующие уголовные кодексы штатов Нью-Йорка и Калифорнии юридически совершенно не связаны с федеральным уголовным кодексом, но они едины в основном и главном — в охране устоев государственно-монополистического капитализма.

Федеральное уголовное законодательство имеет ограниченные пределы действия, нормы его применяются главным образом к нарушениям федеральных законов, касающихся вопросов, отнесенных к компетенции Сое-

¹ См. X Шейнин О руководящих разъяснениях верховных судов союзных республик «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 3

² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 3, стр. 38—39

диненных Штатов, если за эти нарушения предусмотрена уголовная ответственность. Таковы, например, в Федеральном Уголовном кодексе статьи главы I — преступления против существования правительства (§ 1—17), главы IV — преступления против деятельности правительства (§ 71—151), главы V — должностные преступления, главы VII — преступления против денежного обращения, монетной системы и т. д., главы VIII — преступления против почтовой службы, главы IX — преступления против внешней торговли и торговли между штатами и др.

Нормы федеральных уголовных законов применяются и в отношении иных преступлений, совершенных в открытом море и в местах, находящихся в исключительной юрисдикции федеральных органов США и вне пределов юрисдикции какого-либо отдельного штата.

Таковы нормы главы XI Федерального Уголовного кодекса — преступления, совершаемые в пределах компетенции адмиралтейства, в пределах морской и территориальной юрисдикции США; главы XII — пиратство и другие преступления, совершаемые на море, и др.

Иногда разделение (и в настоящее время) уголовного законодательства США на федеральное и штатов объясняется консерватизмом американцев, приверженностью традициям либо трудностью внести изменения в компетенцию штатов по этому вопросу.

Эти объяснения явно неудовлетворительны. В условиях, когда США по существу не являются федерацией, такой анахронизм, как существование двух систем уголовного законодательства, объясняется главным образом политическим расчетом верхушки государственно-монополистического капитализма. Во многих случаях для них предоставляется политически более выгодным провести реакционнейший закон в качестве уголовного закона штата, чем проводить через Конгресс США в условиях большей и крайне нежелательной для империалистической реакции гласности

Так, например, изуверские законы, устанавливающие стерилизацию осужденных, проведены в качестве законов во многих штатах; запрещение браков между лицами разных рас и другие проявления расовой и национальной дискриминации были проведены в качестве законов штатов.

Реакционнейшие антипрофсоюзные законы, так называемые малые законы Тафта-Хартли, изданы во многих штатах так же, как и многие другие законы, направленные на запрет осуществления элементарных демократических прав трудящихся, причем обычно эти законы санкционируются верховным судом США, как якобы конституционные.

VI. Органическое единство советских общесоюзных и республиканских уголовных законов вытекает из единства всех принципов советского уголовного права.

Важнейшие принципиальные положения общесоюзных Основ воспроизведены в УК союзных республик без изменений или же с редакционными изменениями, вызываемыми тем, что формулируются принципы УК, а не Основ. Так, без изменений по существу включены в УК союзных республик положения ст.ст. 1, 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 20, 32 Основ и др.

В проектах отдельных УК союзных республик иногда включались существенные изменения и дополнения и в эти статьи.

Например, в двух проектах вместо статьи Основ об основаниях уголовной ответственности были сформулированы две-три статьи, в которых расчленялось и существенно изменялось единое понятие оснований уголовной ответственности, в одном проекте изменялось определение целей наказания. При издании УК эти расхождения были устранены.

Восприятие общесоюзного уголовного закона в УК союзных республик может осуществляться и путем издания самостоятельной статьи, и путем включения его в статью действующего УК без выделения самостоятельной статьи. Установление уголовной ответственности может быть осуществлено общесоюзным уголовным законом также путем указания важнейших признаков состава преступления и одного из наказаний, главным образом такого наказания, которое может определить лишь высший орган власти СССР. При этом союзные республики конкретизируют состав и указывают альтернативные санкции.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. было допущено применение смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах. Тем самым был

в существенных чертах определен состав преступления и то наказание, которое могло быть определено только общесоюзным законом или указом. Конкретизируя этот общесоюзный закон, законодательные органы союзных республик дополнили диспозицию указанием на то, что наказывается хищение в особо крупных размерах независимо от способа хищения и в санкцию включили лишение свободы на срок от 10 до 15 лет (ст. 93¹ УК РСФСР).

Иногда, о чем уже упоминалось, в общесоюзном уголовном законе (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1958 г.) указываются признаки преступления, а определение характера уголовной ответственности предоставляется союзным республикам.

Такая общесоюзная норма может служить основанием для применения судами уже действующих статей (в данном случае о должностных преступлениях) либо для включения в УК самостоятельной статьи, в которой диспозиция воспроизводила бы этот указ, а санкция определялась бы законодательными органами союзной республики (ст. 151 УК Казахской ССР, ст. 163 УК Грузинской ССР, ст. 152 УК Армянской ССР). По нашему мнению, для предупредительного и воспитательного воздействия уголовноправовой нормы более целесообразен второй путь.

VII. Иногда включение общесоюзных уголовных законов, относящихся как к Общей, так и к Особой части, происходит с большим опозданием.

Например, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая, 24 мая и 29 декабря 1961 г., а также Указ от 24 февраля 1961 г.¹, которым Закон об уголовной ответственности за государственные преступления был пополнен статьей об ответственности за укрывательство государственных преступлений (ст. 27), и некоторые другие общесоюзные указы только 25 июля 1962 г. были воспроизведены в УК РСФСР 1960 г. Это обстоятельство в течение долгого времени создавало ряд затруднений и недоразумений на практике². Ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 9.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 5, стр. 8.

включена в УК РСФСР всего через несколько дней Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 августа 1966 г.¹

Было бы целесообразно издать общесоюзный закон или республиканские законы, о том, что все изменения и дополнения законов союзных республик, вытекающие из общесоюзных законов и указов, должны осуществляться не позднее, чем, например, в месячный срок со дня издания этих общесоюзных законов или указов.

VIII. Утрата силы общесоюзным уголовным законом, который был воспринят УК союзных республик, если при этом взамен не был издан новый закон, предусматривший ответственность за данные деяния, не всегда означает утрату силы того же закона в качестве республиканского, пока это не осуществлено законодательными органами республики.

С введением в действие ряда общесоюзных законов, принятых 25 декабря 1958 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1959 г. признал полностью или частично утратившими силу многочисленные общесоюзные законодательные акты².

Многие из утративших силу уголовных законов были восприняты в УК союзных республик в качестве статей, например законы «О борьбе со спекуляцией» от 22 августа 1932 г.³, «О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворование потребителя и обман Советского государства» от 5 июля 1934 г.⁴, «Об ответственности за нарушение производственно-технической дисциплины и условий работы во взрывоопасных производствах» от 17 июля 1935 г.⁵ и др. Однако утрата силы этими общесоюзными законами означала отнесение самого вопроса об ответственности за предусмотренные ими деяния к компетенции союзных республик, а не исключение уголовной ответственности за эти деяния. Поэтому соответствующие статьи УК союзных республик, в которых были отражены эти законы (ст. ст. 107, 128-в, 108¹ УК РСФСР

¹ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1966, № 32.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 15.

³ СЗ СССР 1932 г. № 65, ст. 375.

⁴ СЗ СССР 1934 г. № 41, ст. 325.

⁵ СЗ СССР 1935 г. № 33, стр. 322.

1926 г.), продолжали действовать в качестве республиканских норм впредь до отмены или изменения этих статей в порядке республиканского законодательства с изданием новых УК союзных республик.

В тех случаях, когда отмена общесоюзного уголовного закона означает вообще исключение деяния из числа уголовно-наказуемых, союзные республики не могут устанавливать наказуемость этого деяния.

В практике возник вопрос о соотношении между собой уголовных кодексов союзных республик. Если преступление совершено в одной республике и подобные же преступления в другой, где и происходит суд, то, исходя из принципиального единства всего советского уголовного законодательства, преступление надо признавать повторным.

Независимо от того, в какой союзной республике рассматривается дело (это не имеет отношения к материальному уголовному праву), по смыслу ст. 4 Основ применяется Уголовный кодекс той союзной республики, где данное деяние наказывается более сурово. Например, виновный совершил умышленное менее тяжкое телесное повреждение в пределах УССР, а затем такое же телесное повреждение в пределах РСФСР, где и был осужден. Суд назначит наказание в пределах санкции ст. 102 УК УССР (лишение свободы до 4 лет), а не в пределах санкции ч. 1 ст. 109 УК РСФСР (лишение свободы до 3 лет или исправительные работы).

Неправильным было бы применение в таких случаях правил о совокупности преступлений, так как ст. 35 Основ в качестве обязательного условия признает совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона. Это условие исключает совокупность в случае совершения преступлений, предусматриваемых двумя одинаковыми статьями УК разных союзных республик.

Выше приходилось касаться вопроса о том, что если в статье закона определены альтернативные признаки состава преступления, то это не означает, что норма предусматривает несколько составов. Например, по ст. 156 УК РСФСР обмеривание, обвешивание, превышение розничных цен и иной обман покупателей — это не отдельные составы преступлений, а альтернативные признаки одного состава.

Если виновный совершил все перечисленные действия, то в его деянии содержатся признаки одного, а не четырех составов преступлений. Квалификация не может измениться, если бы в одной республике он совершил обмеривание, в другой — обвешивание, в третьей — обсчет. Не будет совокупности преступлений, а будет повторность одного и того же преступления.

Точно так же должен решаться вопрос об ответственности, если виновный в нескольких республиках совершил изготовление, сбыт, хранение с целью сбыта или приобретение с целью сбыта без специального разрешения наркотических веществ (ч. 1 ст. 224 УК РСФСР). Он неоднократно совершал одно и то же преступление, а не несколько преступлений.

Глава пятая

ДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. Общие вопросы действия советского уголовного закона в пространстве

I. В нормах о действии советского уголовного закона в пространстве находят яркое выражение высокие принципы советского права как права социалистического. В этих нормах последовательно осуществляется как основной ведущий принцип действия советского уголовного закона — принцип территориальный. Этот принцип, согласно которому все преступления, совершенные на территории СССР, подлежат действию советских уголовных законов, вытекает из незыблемости суверенитета Союза ССР и союзных республик.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. определяли, что «уголовное право РСФСР действует на всем пространстве республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление...» (ст. 27).

УК РСФСР 1922 г. в ст. 1 установил, что действие УК распространяется на все преступления, совершенные в пределах РСФСР как ее гражданами, так и иностранцами, если последние по своему дипломатическому положению не пользуются правом экстерриториальности.

Основные начала 1924 г. определили в ч. 1 ст. 1, что «все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на терри-

тории Союза ССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления». В последующих частях ст. 1 Основных начал говорилось о действии советских уголовных законов в отношении предусмотренных ими преступлений, совершенных советскими гражданами за границей (ч. 2), и о том, что вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся экстерриториальностью, разрешается дипломатическим путем (ч. 3). Эти положения Основных начал были восприняты и конкретизированы в УК Украинской ССР 1927 г., Грузинской ССР 1928 г. и частично в УК Узбекской ССР 1926 г.

Таким образом, ст. 1 Основных начал 1924 г. прежде всего определила действие советских уголовных законов на территории Союза ССР и на территории союзных республик.

Однако в УК РСФСР 1926 г. и в нескольких других УК союзных республик, изданных в 1926—1935 гг., статьи о действии уголовного закона в пространстве были построены по субъекту преступления, в зависимости от того, является ли он гражданином РСФСР, другой союзной республики или иностранным гражданином.

Так, УК РСФСР 1926 г. в ст. 2 определял действие УК в отношении граждан РСФСР, совершивших преступление на территории РСФСР или за пределами СССР; в ст. 3 — действие УК в отношении граждан иных союзных республик, совершивших преступление на территории РСФСР и за пределами СССР, в ст. 4 — ответственность иностранцев за преступления, совершенные на территории СССР, а ст. 5 устанавливала, что вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся правом экстерриториальности, подлежит разрешению каждый раз дипломатическим путем.

Таким образом, в названных статьях не содержалось общего положения о действии УК в отношении деяний, совершенных кем бы то ни было, в пределах РСФСР. Таким же образом были сформулированы ст. ст. 2, 3 УК Белорусской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР¹.

¹ Подобным образом делилась на параграфы глава о действии советского уголовного кодекса в пространстве в некоторых учебниках и других работах. См., например, «Советское уголовное пра-

II. Проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, опубликованный в 1958 г., содержал две статьи, определявшие действие уголовного закона в зависимости от того, совершено ли преступление гражданином СССР как в пределах СССР, так и за границей (ст. 5), или же иностранцем — в пределах СССР или за границей (ст. 6).

Выделение статьи об ответственности иностранцев, поскольку речь идет о преступлениях, совершенных на территории СССР, было явно неоправданным, так как никакого особого статуса для них не существует. Надо заметить, что и заголовки названных статей в проекте были явно неудачны. Они говорили не о действии уголовного закона, а об ответственности, между тем ответственность определяют не данные лишь статьи, а все статьи Общей и Особенной частей. Это также было связано с неправильным отказом авторов проекта от формулирования территориального принципа, выражающего принципы государственного суверенитета Союза ССР и союзных республик.

В результате широкого обсуждения проекта Основ статьи о действии уголовного закона в пространстве были коренным образом изменены.

Действующие в настоящее время Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик определяют «действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, совершенных на территории СССР» (ст. 4), и «действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, совершенных за пределами СССР» (ст. 5). Прежде всего в ст. 5 определяется действие советского уголовного закона в отношении преступлений, совершенных за пределами СССР советскими гражданами.

Положения Основ, как и других советских законов, а равно международных договоров, в которых участвует СССР, касающиеся действия советских уголовных зако-

во. Общая часть». М., Госюриздат, 1959, стр. 73—80. В первых изданиях учебника в разделе «Учение об уголовном законе» автором настоящей книги рассматривались два вопроса: 1) действие советского уголовного закона в отношении преступных деяний, совершенных на территории СССР и 2) действие этого закона в отношении преступлений, совершенных за пределами СССР («Уголовное право. Общая часть». М., Юриздат, 1939, стр. 139).

нов в отношении преступлений, совершенных за пределами Союза ССР, проникнуты духом глубокого уважения к суверенитету любого иностранного государства, большого или малого, и заботой о его соблюдении.

Таким образом, при действии советских уголовных законов в пространстве сочетаются принцип территориальный как наиболее важный и принцип гражданства.

III. Нормы Общей и Особенной частей советского уголовного законодательства о действии советских уголовных законов, а также нормы, содержащиеся в ряде соглашений о правовой взаимопомощи, заключенных Союзом ССР, поскольку они касаются других социалистических государств, исходят из полного равноправия, уважения независимости и суверенитета и братской взаимопомощи между странами социалистического содружества.

Так, например, ст. 10 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. устанавливает, что в силу международной солидарности трудящихся особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся, наказываются соответственно по ст.ст. 1—9 указанного закона.

Ст. 101 УК РСФСР определяет, что преступления против государственной или общественной собственности других социалистических государств, совершенные в отношении имущества, находящегося на территории РСФСР, наказываются по статьям главы УК о преступлениях против социалистической собственности.

Подобные положения содержатся и в уголовном законодательстве зарубежных социалистических государств, например в ст. 133 УК Венгерской Народной Республики.

§ 2. Действие советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных на территории СССР (основные вопросы)

I. Часть I ст. 4 Основ 1958 г., как уже упоминалось, устанавливает территориальный принцип действия общесоюзных уголовных законов и уголовных законов союзных республик.

Указание ч. 1 ст. 4 Основ на то, что все «лица, совершившие преступления на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления», означает, что все лица, независимо от гражданства или подданства, которые совершили преступления на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам, общесоюзным или союзной республики, действующим в месте совершения преступления.

В одном из комментариев к УК РСФСР говорится, что территориальный принцип действия советских уголовных законов, установленный в ст. 4 Основ, означает, что «лицо подлежит уголовной ответственности по законам тех союзных республик, на территории которых было совершено преступление»¹. Это не совсем точно; пропущено указание на общесоюзные законы. Основы же под законами, действующими в месте совершения преступления, понимают как общесоюзные уголовные законы, в том числе и те, которые до включения в УК действуют самостоятельно, так и уголовный кодекс союзной республики, на территории которой совершено преступление.

II. Понятие территории СССР определяется главным образом нормами советского государственного права и нормами международного права. Важнейшие положения, относящиеся к понятию территории СССР, сформулированы в «Положении об охране государственных границ СССР» от 5 августа 1960 г.², заменившем «Положение об охране государственных границ Союза ССР» от 15 июня 1927 г.³.

Положение 1960 г. прежде всего дает определение государственной границы СССР: «Государственная граница Союза ССР есть линия, определяющая пределы сухопутной и водной территории Союза ССР. Вертикальная поверхность, проходящая по этой линии, является границей воздушного пространства и недр Союза ССР» (ст. 1).

При применении ст. 4 Основ и соответствующих статей действующих УК союзных республик под террито-

¹ «Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР» Свердловск, 1964, стр. 6.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 34.

³ СЗ СССР 1927 г. № 62, ст. 625.

рией Союза ССР понимаются: а) сухопутная территория Союза ССР; б) водная территория; в) воздушное пространство СССР; г) недра СССР; д) невоенные корабли под флагом СССР при нахождении их в открытом море, а также гражданские самолеты, не находящиеся над территорией иностранных государств; е) военные корабли и военные самолеты СССР, где бы они не находились.

Сухопутная территория Союза ССР представляет собой сушу, включая и острова, внутри линии государственной границы Союза ССР.

К водной территории Союза ССР в соответствии со ст. ст. 1, 3, 4, 5 Положения об охране государственной границы СССР принадлежат внутренние морские воды, воды внутренних бассейнов, прибрежные территориальные морские воды.

Внутренние морские воды могут быть нескольких видов:

а) воды портов СССР, ограниченные со стороны моря линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других сооружений портов;

б) воды заливов, бухт, губ, лиманов, берега которых полностью принадлежат Союзу ССР, до прямой линии, проведенной от берега к берегу в месте, где со стороны моря впервые образуются один или несколько проходов, если ширина каждого из них не превышает 24 морских миль;

в) воды заливов, бухт, губ, лиманов, морей и проливов, исторически принадлежащие Союзу ССР. Таковы, например, воды залива Петра Великого¹ и др.

К водной территории Союза ССР принадлежат полностью воды внутренних бассейнов, все берега которых являются территорией СССР. Таковы, например, Белое море, Азовское море, Аральское море, озеро Байкал, реки, озера и другие водные пространства.

Если реки или озера являются пограничными с другими государствами, то они разделяются пограничной

¹ См сообщение, опубликованное в газете «Известия», 21 июля 1957 г. и ноту Министерства иностранных дел СССР от 7 января 1958 г. («Известия», 9 января 1958 г.), в которых с полной ясностью показано, что воды залива Петра Великого исторически являются водами Советского Союза.

линией. Если пограничной является река, например Аракс, то линия государственной границы, если нет иных соглашений, проходит по середине реки. Подробное определение линии государственной границы в пограничных водах дано в ст. 5 Положения.

Территориальные прибрежные морские воды шириной в 12 морских миль, исчисляются от линии наибольшего отлива, как на материке, так и вокруг островов, или от линии внешнего предела внутренних морских вод.

Линия внешнего предела территориальных вод является государственной границей СССР на море; в ст. 3 Положения подробно указано, как определяется граница, если территориальные воды СССР сопредельны с территориальными водами другого государства.

Положение от 5 августа 1960 г. разрешает мирный проход иностранных невоенных судов через территориальные воды в целях пересечения их без захода во внутренние морские воды или с целью прохода во внутренние морские воды или выхода из внутренних морских вод в открытое море и определяет правила прохода.

Совершение преступления в территориальных прибрежных водах, в частности незаконное занятие рыбной ловлей или иным морским промыслом или, например, совершение контрабанды, рассматривается как совершение преступления на территории СССР.

В конце 1950 г. кораблем советской пограничной службы был задержан британский рыболовный тральщик, незаконно производивший лов рыбы в территориальных водах СССР в районе Мурманского побережья в 1,7 мили от берега. Народный суд в г. Мурманске признал капитана тральщика Бреннана виновным в преступлении, предусмотренном ст. 86 УК РСФСР 1926 г., и приговорил к штрафу и конфискации незаконно выловленной рыбы и орудий лова¹.

Открытое море за пределами внутренних морских вод и территориальных прибрежных вод не находится под суверенитетом какого-либо государства.

Воздушным пространством Союза ССР как частью его территории является воздушное про-

¹ «Правда», 16 ноября 1950 г.

странство над сухопутной и водной территорией Союза ССР, в том числе и над территориальными прибрежными водами Союза ССР.

Границей воздушного пространства является вертикальная поверхность, проходящая по линии государственной границы.

Согласно ст. 1 Воздушного кодекса СССР 1961 г. Союзу ССР принадлежит полный и исключительный суверенитет над воздушным пространством¹.

Деяния, преступные и наказуемые по советскому уголовному закону, совершенные в воздушном пространстве СССР, признаются совершенными на территории Союза ССР и влекут уголовную ответственность по Советским уголовным законам.

На судебном процессе по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса 17—19 августа 1960 г. Государственный обвинитель Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко, касаясь некоторых вопросов международного права, говорил: «Бесспорным принципом международного права, никогда и никем не оспаривавшимся, является принцип полного и исключительного суверенитета государства над его территорией, включая и все находящееся над ней воздушное пространство. Это положение закреплено как в ряде международных конвенций, так и во внутреннем законодательстве почти всех государств, включая Соединенные Штаты Америки и Советский Союз»².

Американский шпион Пауэрс, который с ведома правительства США и по заданию американской разведки на специально оборудованном самолете типа «У-2» американской фирмы «Локхид» вторгся 1 мая 1960 г. в воздушное пространство СССР и, пролетев в глубь советской территории более 2 тысяч километров, произвел при помощи специального оборудования фотографирование ряда особо важных оборонных объектов и собрал ряд других данных шпионского характера, был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР за шпионаж по ст. 2 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 52.

² «Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса». М., Госполитиздат, 1960, стр 147—148.

Согласно ст. 66 Воздушного кодекса СССР на иностранные гражданские воздушные суда, на экипаж и пассажиров при полетах в воздушном пространстве Союза ССР распространяются законы и правила, действующие в Союзе ССР, следовательно, и нормы уголовных законов.

Эти положения кодекса конкретизируются на началах взаимности в многочисленных соглашениях о воздушных сообщениях, заключенных Союзом ССР¹.

Таким образом, в момент влета в пределы СССР любого иностранного воздушного судна, вылета его из пределов СССР и полетов над территорией СССР в отношении лиц, находящихся на этом воздушном судне, действуют советские уголовные законы, и преступления, совершенные в это время, рассматриваются как совершенные на территории СССР. Так, в ст. 21 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ст. 84 УК РСФСР), предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил международных полетов, в примерном перечне нарушений названы влет в СССР и вылет из СССР без установленного разрешения, несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полетов.

С запуском первого искусственного спутника Земли Советским Союзом 4 октября 1957 г. и тем более после космического полета Ю. Гагарина открыта эпоха освоения человеком космоса.

В юридической литературе поставлены многочисленные проблемы космического права, в том числе и вопросы уголовного права. Пока еще нет никаких международных соглашений по этим вопросам. В советской юридической литературе высказывается мнение о признании верхних слоев атмосферы и космического пространства открытой воздушной зоной при условии, что их использование производится в интересах мира².

Недрами Союза ССР как частью его территории является пространство под поверхностью сухопутной и водной территории. Границей недр Союза ССР является

¹ «Сборник соглашений о воздушных сообщениях между Союзом ССР и иностранными государствами». М., 1960, стр. 59—60, 127—128 и др.

² «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 178.

вертикальная поверхность, проходящая по линии государственной границы СССР, определяющей пределы сухопутной и водной территории СССР (ст. 1 Положения 1960 г.).

Устройство подкопа или туннеля из иностранного государства или из открытого моря в недра СССР на любой глубине и учинение каких-либо других общественно опасных действий в недрах СССР должны рассматриваться как преступные деяния, совершенные на территории СССР.

Такие действия со стороны империалистических государств в отношении территории социалистических государств имели место. В начале 1961 г. связистами группы советских войск в Германской Демократической Республике был обнаружен подземный туннель, проложенный из Западного Берлина в районе пригорода Альт-Глиннике в глубь территории ГДР. Этот туннель, который вел к линиям связи советских войск и линиям связи ГДР, был прорыт американскими органами. Прделанный огромный туннель был оборудован специальной аппаратурой и приспособлениями для подслушивания и записей переговоров¹.

Невоенные корабли, плавающие в открытом море под флагом СССР, как и невоенные самолеты, не находящиеся или не пролетающие над территорией иностранного государства, рассматриваются в соответствии со ст. 4 Основ как часть территории СССР.

Еще подписанный В. И. Лениным и действующий в настоящее время Декрет СНК РСФСР от 5 сентября 1921 г. «О преступлениях и проступках, совершенных на судах, плавающих под Российским флагом»², установил, что всякого рода преступления и проступки, совершенные на правительственных и частных судах, плавающих в открытом море под Российским флагом, считаются совершенными на территории РСФСР³.

¹ Нота Советского правительства правительству США, врученная 18 августа 1961 г. («Известия», 19 августа 1961 г.).

² СУ РСФСР 1921 г № 64, ст. 471.

³ Согласно ч. 2 § 4 УК ВНР преступления, совершенные за пределами ВНР на венгерском военном корабле, венгерском военном самолете или на венгерском торговом судне в открытом море, либо во время полета на венгерском гражданском самолете, приравниваются к преступлениям, совершенным на территории ВНР.

В решении Гаагского трибунала 1927 г. по делу французского корабля «Лотус», который 2 августа 1926 г. столкнулся с турецким кораблем «Воз-Коурт», говорилось: «То, что происходит на борту корабля в открытом море, должно рассматриваться как совершенное на территории того государства, флаг которого несет корабль». В том же решении далее сказано: «В случаях, когда преступное действие, совершенное на корабле в открытом море, даст свой результат на корабле, несущем другой флаг, или на территории иностранного государства, следует применять принципы, которые действуют в отношении территории двух различных государств, и следует установить, что никакое правило международного права не запрещает государству, которому принадлежит корабль, или где сказался результат преступления, рассматривать это преступление так, как если бы оно было совершено на его территории, и принимать меры против виновного»¹.

Если преступление совершено на советском судне, во время стоянки в иностранном порту, то преступление признается совершенным на территории того государства, в порту которого находилось судно. Ответственность советских граждан за совершение преступления в этом случае определяется по советскому уголовному закону уже на основании не ст. 4, а ст. 5 Основ.

При совершении преступления на советском корабле во время стоянки в порту СССР преступление считается совершенным на территории той союзной республики, где находится порт.

Это вытекает из ч. I ст. 4 Основ. Непосредственное указание на этот счет содержится в ст. 58 Кодекса торгового мореплавания², в котором говорится, что в случае совершения на судне во время стоянки в порту СССР деяния, предусмотренного уголовным законодательством союзной республики, на территории которой расположен порт, капитан обязан передать лицо, совершившее указанное деяние, местным властям.

Преступления, совершенные на иностранном торговом судне в порту СССР, признаются совершенными на

¹ Приводится по кн: М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 241.

² СЗ СССР 1929 г. № 41, ст. 366.

территории СССР. Так, 2 сентября 1950 г. народный суд 1-го участка Онежского района Архангельской области приговорил первого штурмана иностранного парохода Ларсена к лишению свободы за хулиганство, выразившееся в нанесении из хулиганских побуждений ряда ударов рабочему Басову на палубе названного парохода во время стоянки его для погрузки леса в Онежском порту¹.

Военные корабли или шлюпки, плавающие под флагом СССР, считаются частью территории Союза ССР как во время нахождения их в открытом море, так и в территориальных водах другого государства либо во время стоянки в иностранном порту. В соответствии с Корабельным уставом Военно-Морского Флота СССР военные корабли СССР и их шлюпки подчинены исключительно Правительству СССР; они неприкосновенны, где бы ни находились, и ни одно иностранное правительство не может вмешиваться в жизнь корабля СССР. Территорией СССР признаются и советские военные самолеты.

Нельзя согласиться с отдельными авторами, считающими частью территории СССР территорию советских посольств в иностранных государствах², и территорию, на которой размещены советские воинские части, находящиеся за границей.

Признание советских посольств за границей частью территории СССР означало бы, что при посягательстве на здания наших посольств и на их работников, при совершении других преступлений на территории наших посольств в капиталистических государствах со стороны реакционных или преступных элементов, направляемых империалистическими заправками, преступление считалось бы совершенным на советской территории, но это фактически не давало бы возможности привлечь виновных к ответственности, так как в большинстве государств действует принцип, что свои граждане не могут быть выданы иностранному государству.

¹ «Правда», 14 сентября 1950 г.

² «Советское уголовное право. Общая часть». М., Госюриздат, 1959, стр. 75; «Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР». Свердловск, 1964, стр. 6; «Советское уголовное право. Часть Общая». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 4.

На началах взаимности территория посольств империалистических государств в СССР также считалась бы территорией соответствующего государства, если исходить из утверждения, что наши посольства — часть территории СССР. Это означало бы безнаказанность преступлений, которые совершались бы в этих посольствах любыми иностранными гражданами, например задержание в них советских граждан. Виновники почти всегда были бы безнаказанными, так как преступление считалось бы совершенным на территории иностранного государства иностранным гражданином, и в силу ст. 5 Основ действие советского уголовного закона на них не распространялось бы.

Таким образом, территория советских посольств за границей не является частью территории СССР, и ни в каком советском нормативном акте она не признается таковой. Но, как само здание посольства, так и дипломатический персонал пользуются дипломатическим иммунитетом.

Территория, занимаемая советскими воинскими частями, находящимися за границей, не становится частью советской территории. Наоборот, договоры о дружбе и взаимной помощи устанавливают, что даже преступления, совершенные на территории, где расположены советские воинские части, подлежат, как правило, действию уголовных законов данной страны.

III. Ст. 4 Основ устанавливает, что все лица, совершившие преступления на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам места совершения преступления.

Закон имеет в виду, разумеется, лиц, которые в силу других постановлений уголовного закона, могут подлежать уголовной ответственности, т. е. вменяемых, достигших определенного возраста и т. д. Формулой «все лица» закон определяет ответственность независимо от гражданства. Следовательно, уголовной ответственности за совершение на территории СССР преступления подлежат граждане СССР, лица без гражданства, иностранцы.

В Особенной части советского уголовного закона о гражданстве виновных упоминается лишь тогда, когда закон ограничивает ответственность в тех случаях, если деяние совершено или только гражданами СССР (ст. 1

Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, ст. 64 УК РСФСР) или только иностранцами и лицами без гражданства (ст. 2 Закона, ст. 65 УК РСФСР; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостное нарушение правил передвижения на территории СССР»¹, ст. 197¹ УК РСФСР).

Разумеется, ни в одном случае советский уголовный закон не установил какой-либо дискриминации для иностранцев или более суровой ответственности, чем для граждан СССР за одни и те же преступные деяния. Наоборот, например, шпионаж, при совершении его гражданином СССР, поскольку для него это деяние является изменой Родине, наказывается более сурово (ст. 64 УК РСФСР), чем шпионаж, совершенный иностранцем (ст. 65 УК РСФСР).

Но уголовный закон и суд не устанавливают и изъятий в силу того лишь обстоятельства, что виновный является иностранцем (если только он не пользуется дипломатическим иммунитетом) или лицом без гражданства.

IV. С изданием закона «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» от 19 августа 1938 г.² в государственном, административном, уголовном праве и некоторых других отраслях советского права появилась категория лиц без гражданства.

«Лицами без гражданства» закон 1938 г. признает лиц, проживающих на территории СССР, не являющихся в силу этого закона гражданами СССР и не имеющих доказательств своей принадлежности к иностранному гражданству.

Проживание в СССР нельзя считать обязательным признаком лица без гражданства, поскольку речь идет об уголовном праве. Если лицо, не являющееся гражданином СССР и не имеющее доказательств своей принадлежности к иностранному гражданству, будет задержано во время попытки преступно пересечь государственную границу СССР или будет задержано при совершении преступления в территориальных водах,

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1938, № 11.

или после неудачной попытки совершить незаконный полет в воздушном пространстве СССР, оно будет как лицо без гражданства привлечено к уголовной ответственности, хотя и не проживало в СССР

В Комментарий к Основам, изданном в Свердловске, неточно сказано, что ст. 4 Основ имеет в виду, в частности: а) иностранных подданных, временно или постоянно проживающих на территории СССР; б) лиц без гражданства, т. е. лиц, которые, проживая на территории СССР, не являются гражданами СССР и не имеют доказательств своей принадлежности к иностранному гражданству¹. Признак проживания в СССР не существует для ответственности указанных лиц при совершении преступления на территории СССР.

V. В зарубежной, русской дореволюционной, а затем и в советской юридической литературе долгое время дебатировался вопрос о распространении действия уголовного закона государства на военнопленных, совершивших преступления до того, как они попали в плен.

После первой, и особенно во время второй, мировой войны этот вопрос нашел окончательное разрешение².

Военнопленные, совершившие уголовно-наказуемые деяния (убийства, истязания, разбой, изнасилование, кражи и др.) на территории государства, к которому они затем попали в плен, не пользуются иммунитетом и должны нести ответственность по уголовным законам этого государства. Ни одна конвенция не содержит каких-либо изъятий для этих лиц за названные деяния.

Во время и после второй мировой войны в Советском Союзе был проведен ряд судебных процессов над военнопленными немецко-фашистской армии, которые на временно оккупированной гитлеровцами советской территории совершили чудовищные злодеяния над советскими гражданами. Эти гнусные преступники были справедливо наказаны советским судом.

¹ «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Практический комментарий». Свердловск, 1960, стр. 13.

² См. Д. Б. Левин. Об уголовной ответственности военнопленных. «Вопросы уголовного права», сб. 1. М., Юриздат, 1945, стр. 85—91.

§ 3. Действие общесоюзных и республиканских уголовных законов в отношении деяний, совершенных на территории союзной республики

I. Территориальный принцип действия в пространстве советских уголовных законов распространяется и на действие их в пределах отдельных союзных республик.

Общесоюзные уголовные законы в силу ст. 19 Конституции СССР действуют одинаково во всех союзных республиках. Поэтому не требуется каких-либо актов высших органов власти союзных республик о введении в действие общесоюзных уголовных законов на территории республики или подтверждения с их стороны действия общесоюзного уголовного закона¹.

Излишним и неточным является указание в ст. 2 УК Узбекской ССР 1959 г. на то, что уголовное законодательство Союза ССР действует на территории Узбекской ССР. То же надо сказать и о формулировке ст. 2 УК Казахской ССР 1959 г., согласно которой уголовное законодательство Союза ССР действует и на территории Казахской ССР.

В УК других союзных республик содержатся лишь положения, конкретизирующие характер действия общесоюзных уголовных законов (такие положения есть и в указанных статьях УК Узбекской ССР и УК Казахской ССР), но не устанавливающие действие этих законов на территории республики.

II. Положение ст. 19 Конституции СССР о том, что законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик, не относится к общесоюзным уголовным законам, в которых определены ограниченные пределы их действия в пространстве.

Так, многие общесоюзные уголовные законы, в том числе Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» начиная с 1 января 1960 г. по мере введения в действие новых УК союзных республик сохраняли силу все в

¹ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 215 и сл.

меньшем числе союзных республик. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1959 г. «О признании утратившими силу законов СССР в связи с принятием уголовного и уголовно-процессуального кодексов Узбекской ССР» и другими аналогичными Указами были признаны утратившими силу с момента введения в действие УК и УПК других союзных республик многие общесоюзные уголовные законы, в том числе Указы от 4 июня 1947 г.¹

III. Уголовные законы каждой союзной республики, как суверенного государства, действуют в отношении всех предусмотренных ими преступлений, совершенных на территории данной республики.

Статьи УК союзных республик о действии общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов в отношении деяний, совершенных на территории республики, сформулированы неодинаково.

В большинстве УК говорится только о действии данного УК союзной республики и не упоминается об общесоюзных уголовных законах, например, в ст. 4 УК Украинской ССР.

В УК отдельных союзных республик упоминается косвенно о действии и общесоюзных, и республиканских уголовных законов в отношении деяний, совершенных на территории союзной республики. Так, ч. 1 ст. 4 УК Латвийской ССР гласит: «...подлежат ответственности по уголовным законам, действующим на территории Латвийской ССР...». Ст. 4 этого УК озаглавлена «Действие уголовных законов в отношении преступлений, совершенных на территории Латвийской ССР и на территории других союзных республик».

В других же кодексах говорится только о действии УК в отношении деяний, учиненных на территории данной республики.

Как в том, так и другом случае конкретизация пределов действия на территории союзных республик общесоюзного уголовного закона не расходится с положениями общесоюзного уголовного законодательства.

Говоря в ст. ст. 4 и 5 о действии только УК данной республики в отношении деяний, совершенных на терри-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 3, 1960, № 9, 1961, № 4, и др.

тории союзной республики, закон исходит из факта обязательного включения общесоюзных уголовных законов об ответственности за конкретные преступления в УК союзных республик (ст. 2 УК всех союзных республик). Следовательно, говоря о действии в пространстве уголовного кодекса союзной республики, статья УК тем самым говорит и о действии включенных в УК общесоюзных уголовных законов.

Однако данной статьей (ст. 4 УК РСФСР) не охватываются общесоюзные уголовные законы, еще не включенные в УК союзной республики. Поэтому во всех УК союзных республик (ст. 2) содержится указание на то, что до включения общесоюзных уголовных законов в уголовный кодекс союзной республики эти законы подлежат непосредственному применению.

IV. Действие УК союзных республик в отношении преступлений, совершенных на советских судах в открытом море, отличается некоторыми особенностями.

Преступление, совершенное на советском корабле в открытом море, подлежит уголовной ответственности по законам той союзной республики, где приписан этот корабль. Косвенно указывает на это ст. 58 Кодекса торгового мореплавания 1929 г.¹, которая требует, чтобы в случае совершения на судне кем-либо деяния, предусмотренного уголовным кодексом союзной республики, на территории которой расположен порт приписки судна, капитан принял ряд мер в целях воспрепятствования лицу, совершившему деяние, уклониться от ответственности и обеспечить расследование и рассмотрение его дела.

В отношении преступлений, совершенных на военных судах, соответствующие указания были даны в циркуляре Военной коллегии Верховного Суда СССР, утвержденном Пленумом Верховного Суда СССР 29 апреля 1926 г. «О применении военными трибуналами УК и УПК союзных республик при совершении лицами плавающего состава союзного флота преступлений во время нахождения на море». Согласно этому циркуляру при совершении лицом плавающего состава преступного деяния во время нахождения судна в море применяются нормы УК той союзной республики, к порту которой

¹ СЗ СССР 1929 г. № 41, ст. 366.

приписано судно, при совершении лицами того же состава или личным составом стационарных частей флота преступных деяний на суше или в порту во время стоянки судна применяются нормы УК и УПК той союзной республики, на территории которой совершены эти деяния»¹.

V. Принципиальное единство всего советского уголовного законодательства, равноправие союзных республик, уважение к суверенитету каждой союзной республики находят яркое выражение и в том, что суд выносит приговор на основании УК той союзной республики, на территории которой совершено преступление, а не УК той республики, в которой разбирается дело.

Во время Великой Отечественной войны Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 декабря 1941 г. разъяснил, что поскольку по закону лица, совершившие преступление на территории СССР, подлежат уголовной ответственности по законам места совершения преступления, то ответственность граждан, совершивших преступления в местностях, временно занятых неприятелем, или в прифронтовой полосе и эвакуированных из этих местностей, должна определяться уголовным законодательством союзной республики по месту совершения преступления, но приговоры должны выноситься именем союзных республик, на территории которой рассматривается дело².

Это постановление Пленума еще раз указало на неизбежность действия советских уголовных законов во временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками местностях СССР.

В соответствии с этим постановлением Пленума Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР было разрешено 17 декабря 1941 г. дело Ходюка³, совершившего перед войной хищение в пределах РСФСР, но осужденного в Узбекской ССР, где он находился в эвакуации, Верховный Суд СССР указал, что его деяние влечет ответственность по УК РСФСР.

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924—1944», стр. 77.

² Там же, стр. 78.

³ «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР за 1941 год», М., Юриздат, 1947, стр. 79.

В действующих УК Белорусской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР, Киргизской ССР, Армянской ССР содержатся специальные постановления о применении судами этих республик уголовных законов, действующих в других союзных республиках, если преступление совершено на территории другой союзной республики. Так, ч. 3 ст. 4 УК Белорусской ССР гласит: «В случае рассмотрения судами Белорусской ССР дел о преступлениях, совершенных на территории других союзных республик, в соответствии со ст. 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик применяется уголовное законодательство, действующее в месте совершения преступления».

Примерно таким же образом сформулированы соответствующие статьи в четырех других УК.

VI. При введении в действие УК союзных республик 1959—1961 гг. принцип применения закона, действующего в месте совершения преступления, был распространен и на действие нового уголовного законодательства в отношении ранее осужденных лиц.

Было установлено, что в отношении лиц, совершивших преступления на территории данной республики, подлежит применению новый уголовный кодекс этой республики, если наказуемость данного деяния исключена или наказание смягчено, хотя бы осужденный отбывал наказание в другой союзной республике. При этом применение нового УК проводилось судами той республики, где было совершено преступление, независимо от того, судом какой республики виновный осужден и где отбывает наказание¹.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 11 мая 1961 г. «О порядке введения в действие уголовных и уголовно-процессуальных кодексов союзных республик в отношении лиц, осужденных военными трибуналами»² это правило было в основном распространено и на лиц, осужденных военными трибуналами, т. е. судами СССР.

¹ Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1961 г. «О мероприятиях, связанных с введением в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской ССР» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 4, ст. 38) и др.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 19.

VII. УК союзных республик, по общему правилу, действуют на всей территории союзных республик.

Однако в тех редких случаях, когда законодательные органы союзных республик считают, что определенные деяния представляют опасность лишь в некоторых местностях, эти органы издают уголовные законы или главы либо статьи уголовных законов с ограниченными пределами действия. Такова глава XI УК РСФСР 1960 г. «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев». В силу ст. 236 УК РСФСР действие этой главы распространяется лишь на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в этой статье (уплата и принятие выкупа за невесту, принуждение женщины к вступлению в брак и др.), являются пережитками местных обычаев.

В УК РСФСР 1926 г. таким же образом согласно ст. 205 УК действовала глава X «Преступления, составляющие пережитки родового быта», включенная Законом РСФСР от 6 апреля 1928 г.¹ Ранее, при действии УК РСФСР 1922 г., Законами от 16 октября 1924 г. и 5 мая 1925 г.² для четырех автономных республик и пяти автономных областей была включена новая глава IX «Бытовые преступления» в отдельной редакции для каждой автономной республики и области; эта глава действовала до введения упомянутой главы X УК РСФСР 1926 г. и после утраты силы Уголовным кодексом 1922 г.

Глава XI действующего УК РСФСР (как и глава X УК РСФСР 1926 г.) в единой редакции действует в тех автономных республиках, автономных областях и других местностях РСФСР, где предусматриваемые статьями этой главы деяния, составляющие пережитки местных обычаев, в силу их общественной опасности необходимо наказывать в уголовном порядке. Перечня этих автономных республик, автономных областей и других местностей в законе не дано.

VIII. Действие главы XI УК РСФСР 1960 г. (как и ранее главы X УК РСФСР 1926 г. и главы IX УК 1922 г.) распространяется на лиц, совершивших предусмотренные

¹ СУ РСФСР 1928 г. № 47, ст. 356.

² СУ РСФСР 1924 г. № 79, ст. 787; СУ РСФСР 1925 г. № 29, ст. 212.

статьями этой главы преступления в тех местностях, где действует глава XI, независимо от национальности виновного.

В свое время автор данной книги писал о неправильности прекращения дел о таких преступлениях на том основании, что виновные не принадлежат к коренному населению. Конституция СССР запрещает какие бы то ни было прямые или косвенные ограничения прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности (ст. 123). Трактовка же в указанном смысле пределов действия норм уголовного закона явилась бы установлением косвенного преимущества граждан одной национальности в сравнении с гражданами других национальностей, так как за одни и те же деяния граждане одной национальности подлежали бы ответственности, а другие освобождались бы от нее. Деяние, содержащее все признаки предусмотренного уголовным законом преступления, если оно совершено на территории, где действует данный уголовный закон, карается независимо от национальной принадлежности виновного¹.

К сожалению, случаи неправильного подхода к этому вопросу имели место и позднее. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 9 марта 1956 г.² признал неправильным прекращение дела Писарца, обвинявшегося во вступлении в брак с девушкой, не достигшей брачного возраста, по ст. 198 УК РСФСР 1926 г., которая, как и вся глава X УК РСФСР 1926 г., имела ограниченные пределы действия.

Пленум Верховного Суда СССР указал, что глава X УК РСФСР 1926 г. (глава XI УК РСФСР 1960 г.) распространяется на всех граждан; из содержания ст. 205 УК РСФСР 1926 г. (ст. 236 УК РСФСР 1960 г.) видно, что признаком, определяющим уголовную ответственность за деяния, предусмотренные главой X УК РСФСР 1926 г., является не национальная принадлежность лица, допустившего это действие, а место совершения таких деяний. Эти деяния приобретают общественно опасный характер именно потому, что в условиях дан-

¹ «Уголовное право. Особенная часть», под ред. И. Т. Голякова. М., Юриздат, 1943, стр. 452—453.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1956, № 4.

ной местности они выступают в виде пережитков родового быта, независимо от национальности самого исполнителя. Пленум отметил, что точка зрения народного суда противоречит законам о судопроизводстве, где говорится, что правосудие осуществляется в СССР на началах единого и равного для всех граждан суда, независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан, их национальной и расовой принадлежности.

В статье «Неправильное понимание закона»¹ С. В. Бакшеев, анализируя дело Писарца, отмечал, что подобные ошибки в понимании пределов действия главы X УК РСФСР 1926 г. встречаются нередко, и привел дело Нестеркина, осужденного за вступление в брак с недостигшей брачного возраста Федоровой на территории Башкирской АССР (ст. 198 УК РСФСР 1926 г.). Дело было ошибочно прекращено вследствие неправильного понимания главы X УК РСФСР 1926 г., как якобы распространяющейся лишь на те национальности, среди которых преступления, указанные в этой главе, являются пережитками родового быта, тогда как Нестеркин и Федорова, на которой он женился, по национальности русские.

С. В. Бакшеев справедливо указывал, что такое толкование ч. I ст. 198 и ст. 205 УК РСФСР политически неправильно ориентировало судей Башкирской АССР в их практической деятельности.

§ 4. Место совершения преступления

I. При решении в конкретных случаях вопроса о действии уголовного закона, особенно при решении вопроса о том, совершено ли деяние на территории Союза ССР или за границей и совершено ли на территории данной или другой республики, большое значение имеет правильное определение места совершения преступления. В работах советских авторов, касающихся пределов действия уголовного закона в пространстве, этот вопрос затрагивается только в виде исключения.

II. В отношении преступлений, для состава которых достаточно лишь совершения общественно опасного

¹ «Социалистическая законность», 1956, № 6.

действия или бездействия и не обязательно наступление общественно опасного последствия, местом совершения преступления следует считать то место, где совершены эти действия или бездействие, или место, где закончилось их совершение.

Например, местом совершения такого преступления, как незаконный въезд в СССР или выезд за границу, или переход границы без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей (ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, ст. 83 УК РСФСР) явится место незаконного пересечения государственной границы, причем во всех перечисленных случаях деяние признается совершенным на территории СССР; местом совершения шпионажа явится место, где учинено хотя бы одно из шпионских деяний, перечисленных в ст. 2 этого Закона (ст. 65 УК РСФСР).

III. Для преступлений, состав которых включает наступление общественно опасного последствия (убийство, нанесение телесных повреждений, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации на автотранспорте, причинившее тяжкие последствия и т. п.), местом совершения, как правило, следует считать место наступления этого последствия¹. Например, если в поезде был дан яд потерпевшему, а он умер на территории другой союзной республики, то место совершения преступления следует считать территорией той союзной республики, где наступила смерть.

¹ С. Г. Келина считает, что место совершения преступления там, где совершены или окончены действия, обусловившие наступление преступного результата. Если дан яд в Ташкенте, а потерпевший умер в Москве, местом совершения преступления является Ташкент (С. Г. Келина. Советский уголовный закон. М., Изд-во ВЮЗИ, 1961, стр. 27). Сходным образом авторы Комментария УК РСФСР считают, что если все действия совершены на территории РСФСР, хотя бы результат наступил в другой союзной республике, деяние считается совершенным на территории РСФСР («Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 8). Это мнение неосновательно, так как в момент совершения действий еще нет состава преступления. Следовательно, расследование нельзя считать совершенным. Следует учесть, что расследование преступления (особенно экспертиза) было бы затруднено.

В постановлении от 30 апреля 1926 г. Пленум Верховного Суда СССР¹ разъяснил ст. 13 Основ уголовного судопроизводства в том смысле, что под местом совершения присвоения или растраты имущества надо понимать местонахождение потерпевшего от преступления, имущества или лица. Таким образом, решающее значение при определении места совершения преступления придавалось наступлению общественно опасного результата.

IV. Если умышленное действие или бездействие совершено на территории СССР, а общественно опасное последствие последовало или должно было последовать за границей СССР или общественно опасные действия частью совершены в СССР, а частью за границей, то деяние следует признать совершенным на территории СССР. По советскому уголовному закону наказывается покушение на преступление и приготовление к преступлению (ст. 15 Основ). Те общественно опасные действия, которые обычно совершаются при покушении или приготовлении, в рассматриваемых случаях реально совершаются в пределах Советского Союза и потому все деяние подлежит действию ч. 1 ст. 4 Основ.

В таком же плане решается вопрос и в УК ЧССР 1961 г. (§ 17). Преступление считается совершенным на территории ЧССР, если виновный совершил деяние на территории ЧССР, хотя бы нарушение или угроза охраняемому УК интересу наступила или должна была наступить полностью или частично за границей.

С другой стороны, если приготовительные к преступлению действия или некоторые действия по началу исполнения совершены за границей, но исполнение преступления начиналось или продолжалось, или же должно было бы по умыслу виновного начаться в СССР, либо действия по совершению преступления учинены за границей, но общественно опасное последствие наступило или по умыслу виновного должно было наступить в СССР, преступление следует считать совершенным на территории СССР².

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924—1944 гг.», стр. 85.

² В учебном пособии по Общей части советского уголовного права, изданном в Ленинграде в 1960 г., приводится пример, когда на территории иностранного государства в железнодорожный со-

Если, например, за границей имели место подготовительные действия к совершению на территории СССР диверсионного акта или были изготовлены орудия, материалы и средства для подделки денег на территории СССР, то деяние надо считать преступлением, совершенным на территории СССР.

Сказанное выше относится и к преступлениям, для состава которых достаточно лишь совершения общественно опасного действия или бездействия и не обязательно наступление общественно опасного последствия.

По п. «б» § 17 УК ЧССР преступление считается совершенным на территории ЧССР, если виновный совершил действие за границей, но в ЧССР нарушил или поставил под угрозу охраняемый Уголовным кодексом интерес или, если такое последствие хотя бы частично могло наступить на территории ЧССР.

По мнению авторов учебника уголовного права ГДР, местом совершения уголовно-наказуемого деяния является место, где субъект учинил общественно опасные действия или где последствие наступило или должно было наступить по умыслу этого лица¹.

VI. В отношении преступлений, совершенных в соучастии, следует исходить из того, что местом совершения преступления будет, по общему правилу, место, где исполнителем совершено преступление или покушение на преступление.

Когда действия организаторов, подстрекателей, пособников, совершены на территории СССР, а действия исполнителей тех же преступлений совершены или по умыслу преступников должны были быть совершены за пределами СССР, все соучастники, включая исполнителей, в соответствии со ст. ст. 4 и 17 Основ рассматриваются как совершившие преступление на территории СССР.

Когда преступление совершено или по умыслу соучастников должно было совершиться на территории СССР, то действия всех соучастников этого преступле-

став, идущий в СССР, была заложена мина замедленного действия, взрыв которой, по умыслу преступника, должен был последовать на территории СССР («Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 179).

¹ Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. Allgemeiner Teil. Berlin, 1957, S. 226.

ния: исполнителей, организаторов, подстрекателей, пособников, хотя бы и учиненные за пределами СССР — надо считать совершенными на территории СССР и подпадающими под действие советских уголовных законов. Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко, выступая в качестве Государственного обвинителя на судебном процессе по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса 19 августа 1960 г., упомянув о содействии отдельных империалистических государств шпионским полетам, сказал: «Если расценивать все эти обстоятельства в соответствии с учением о соучастии, то следовало бы рассматривать в качестве соучастников преступления Пауэрса тех, кто был организатором и вдохновителем этого преступления, а также тех, кто в роли пособников явно содействовал совершению преступления предоставлением средств и устранением препятствий»¹.

VII. Определение места совершения дящихся и продолжаемых преступлений или места совершения преступления в виде промысла отличается известными особенностями.

Дящиеся преступления характеризуются непрерывным осуществлением в течение известного отрезка времени состава определенного преступления на стадии оконченого преступления.

В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. и 14 марта 1963 г. дано примерно такое же определение дящегося преступления, но не указано на такой важный признак, что дящееся преступление непрерывно совершается на стадии оконченого преступления². Авторы изданного в 1964 г. Комментария УК РСФСР неосновательно считают, что дящееся преступление окончено в момент прекращения «преступного состояния»³. Во-первых, дящееся преступление неправильно названо «преступным состоянием». Во-вторых, момент окончания преступления смешивает-

¹ «Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса», стр. 154.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963 гг», стр. 189.

³ «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», стр. 11.

ся с моментом прекращения дальнейшего совершения длящегося преступления.

По мнению В. Н. Кудрявцева, длящееся преступление, если оно не выражается с самого начала в акте бездействия, как например, при недонесении, совершается путем действия, а затем переходит в бездействие, выражающееся в неисполнении обязанности прекратить длящееся деяние¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. не сказано, что при длящемся преступлении действие переходит в бездействие, но указывается, что длящееся преступление — это действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования².

С мнением В. Н. Кудрявцева и приведенным указанием Пленума Верховного Суда СССР нельзя согласиться. Если преступление совершается путем действия, то и непрерывное совершение его уже тогда, когда оно достигло стадии оконченного преступления, и, следовательно, форма совершения измениться не может, представляет собой непрерывное продолжение того же действия. Таковы, например, участие в антисоветской организации, в банде, в преступной группировке в местах лишения свободы, незаконное лишение свободы. Виновный продолжает преступное действие или как минимум путем сохранения без изменений непрерывного совершения преступления, созданного его действием (например, при незаконном хранении антисоветской литературы, при незаконном хранении оружия), либо поддерживает непрерывное совершение преступления новыми действиями (например, укрепляет запоры в помещении, где содержится незаконно лишенный свободы человек, как участник банды дает советы по совершению нападения или вербовке новых участников).

Никакой новой обязанности не нарушать запретов уголовного закона во время длящегося преступления не возникает. Виновный продолжает нарушать запрет со-

¹ В. Н. Кудрявцев Теоретические основы квалификации преступлений. М., Госюриздат, 1963, стр 307—308

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963 гг.», стр 189.

вершения данного деяния. Никакой новой ответственности не возникает. Действия виновного в дезертирстве квалифицируются точно так же, если он застигнут в момент совершения преступления (но оно уже юридически окончено) или же задержан, скажем, через два года. Для сохранения совершения преступного деяния на стадии оконченного преступления не обязательны новые телодвижения со стороны виновного. Это относится и к преступлениям, которые не принадлежат к числу длящихся. Если, например, виновный лишает жертву свободы с умыслом причинить смерть от голода, то смерть будет причинена путем действия, а не бездействия, хотя бы она наступила через определенный промежуток времени от действий виновного.

Рассматривая длящееся преступление как непрерывно совершаемое с начала и до прекращения или путем действия, или путем бездействия, можно прийти к выводу, что местом совершения длящегося преступления, например незаконного хранения оружия, недонесения о преступлении, будет любое место, где в течение какого-то времени осуществлялось это преступление. Если виновный незаконно хранил оружие, находясь в разное время в нескольких союзных республиках, то, по нашему мнению, он может быть признан совершившим это деяние в любой из этих республик, в зависимости от того, где он привлечен к ответственности и предан суду.

VIII. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. уточнено и понятие продолжаемого преступления. Это — преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление¹.

Особенности продолжаемого преступления отражают специфические черты совершения этого преступления: деяние, состоящее из нескольких и даже множе-

¹ Некоторые формулировки разъяснения вызывают сомнения. Думается, что продолжаемое преступление складывается не только из тождественных, но и однородных преступных актов, точнее говорить о единстве объекта и умысла, а не цели. Однако эти детали определения продолжаемого преступления несущественны для поставленного вопроса о месте совершения продолжаемого преступления.

ства однородных актов, по своей сущности представляет единое преступление. Это объективное свойство продолжаемого преступления не зависит от того, что в данном составе преступления, например составе кражи, квалифицированным признается повторность совершения преступления. Ошибочным было мнение А. А. Пионтковского¹, который, критикуя противоположное мнение, утверждал, что признание в законе повторности хищения признаком квалифицированного вида хищения исключает возможность продолжаемого хищения.

Если следовать этому тезису, то похищение любой суммы денег отдельными частями в течение длительного времени никогда не станет крупным хищением. Как известно, судебная практика отвергла такой взгляд на продолжаемое преступление.

Нельзя также согласиться с противоположным утверждением Г. А. Кригера, который считает, что хищение одновременно может быть и продолжаемым и повторным². Продолжаемое преступление — всегда единое преступление, что, безусловно, исключает повторность. Иначе пришлось бы произвольно по субъективному усмотрению выбирать из однородных актов хищения один и объявлять его повторным хищением. При такой конструкции виновный должен был бы нести двойную ответственность за одно деяние.

Итак продолжаемое преступление — всегда единое преступление. Такова и точка зрения Пленума Верховного Суда СССР, выраженная в постановлении от 31 марта 1961 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»³.

¹ См. А. А. Пионтковский. Основные вопросы практики применения Указа 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». «Социалистическая законность», 1951, № 1, стр. 10—27; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, стр. 453—454; А. А. Пионтковский. Учение о преступлении. М., Госюриздат, 1961, стр. 635—636.

² См. Г. А. Кригер. Соотношение продолжаемых и повторных хищений социалистического имущества. «Советская юстиция», 1964, № 24.

³ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963 гг.», стр. 241—253.

Если даже отдельные акты продолжаемого преступления учинены в нескольких союзных республиках, то в целом совершено одно преступление и местом его совершения является любая из этих республик.

Например, если виновный в течение нескольких недель на территории трех смежных союзных республик незаконно охотился на лесных зверей, охота на которых запрещена, то он совершил одно продолжаемое преступление (ч. 2, ст. 166 УК РСФСР) на территории трех союзных республик. Виновный будет привлекаться в любой из этих республик как за одно преступление по УК той союзной республики, где он привлечен к уголовной ответственности или предан суду. Если же деяние неодинаково наказывается в УК этих республик, то применяется статья УК, устанавливающего более суровое наказание; это относится и к дящемуся преступлению и к преступлению, совершаемому в виде промысла.

IX. Таким же образом следует определять место преступлений, совершаемых в виде промысла, когда это обстоятельство упомянуто в диспозиции уголовного закона.

Например, спекуляция в виде промысла (ч. 2, ст. 154 УК РСФСР) может выражаться в скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью наживы на территории нескольких союзных республик. Преступление подпадает под действие нескольких уголовных кодексов, но деяние квалифицируется по кодексу той республики, где виновный привлечен к уголовной ответственности и предан суду.

В интересах более всестороннего и полного расследования и рассмотрения дела (это относится и к продолжаемым преступлениям) оно может быть расследовано и рассмотрено судом не в той союзной республике, где преступление было обнаружено, а в другой, где преступник совершил большую часть преступных действий или где у него были соучастники, где обнаружены товары, составляющие предмет спекуляции и т. д. Во всяком случае применяется УК одной из союзных республик, где совершались акты спекуляции в виде промысла.

§ 5. Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и других иностранцев, которые не подсудны по уголовным делам советским судебным органам

I. Единственное изъятие из территориального принципа действия советских уголовных законов советское законодательство делает на началах взаимности для глав и членов дипломатического персонала дипломатических представительств иностранных государств в СССР и других иностранцев, которые не подсудны по уголовным делам советским судебным органам в силу международных договоров, в которых участвует СССР, или советских законов.

Часть 2 ст. 4 Основ 1958 г. устанавливает: «Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые согласно действующим законам и международным соглашениям не подсудны по уголовным делам советским судебным учреждениям, в случае совершения этими лицами преступления на территории СССР, разрешается дипломатическим путем». Часть 2 ст. 4 Основ почти без изменений с указанием лишь на совершение преступления в данной республике воспроизведена во всех действующих уголовных кодексах союзных республик.

Ранее действовавшее уголовное законодательство, начиная с УК 1922 г., говорило не о лицах, не подсудных по уголовным делам советским судебным органам, а о лицах, пользующихся экстерриториальностью.

II. Уголовное законодательство 1958—1961 гг. отказалось от термина «экстерриториальность», не пользуется им и наука международного права¹. Однако и после издания Основ 1958 г. в нашей уголовноправовой литературе отдельные авторы, анализируя ч. 2 ст. 4 Основ, по-прежнему говорят об экстерриториальности².

¹ См. Д. Б. Левин. О неприкосновенности дипломатических представителей иностранных государств. М., Юриздат, 1946, стр. 238 и сл.

² «Советское уголовное право. Часть Общая». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 34, 35; «Научно-практический Комментарий Уголовного кодекса РСФСР», стр. 8, «Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», стр. 7.

Термин «экстерриториальность» (в переводе «внеземельность») в юридической науке появился в середине XVIII в., и он означал не только неподсудность судебным органам государства, на территории которого совершено преступление. Он выражал юридическую фикцию, согласно которой определенные части территории государства — здания иностранных посольств, миссий и пр. или их средства транспорта, а также определенные лица, прежде всего дипломатические представители иностранных государств, — признаются не находящимися на территории государства, где они реально находятся, а юридически считаются находящимися на территории того государства, чье посольство помещается в данном здании или чьими представителями они являются.

Эта юридическая фикция означала, что и все происшествия, которые имеют место на экстерриториальных частях территории, или преступления, совершенные экстерриториальными лицами, должны в принципе признаваться совершенными на территории государства, учредившего посольство, хотя бы оно находилось на расстоянии тысяч километров. В принципе это означало, что деяния, совершенные в пределах таких мест или экстерриториальными лицами, должны рассматриваться судебными органами не того государства, где они совершены, а того государства, которое учредило посольство или чьим представителем является человек, совершивший преступление¹.

Однако во второй половине XIX в. и в XX в. понятие экстерриториальности в области уголовного права стало в значительной мере обозначать только неподсудность судам страны, где данное лицо пользуется экстерриториальностью.

Так, в 1867 г. в доме русского посольства в Париже русский подданный Никитченков, не пользующийся экстерриториальностью, покушался на убийство работника посольства Б. Русское посольство потребовало выдачи Никитченкова с тем, чтобы суд над ним имел место в России по Российскому уголовному закону, так как дом

¹ См. Д. Б. Левин. О неприкосновенности дипломатических представителей иностранных государств, стр. 229 и сл.

посла является экстерриториальным. Однако французское правительство с этим доводом не согласилось, и российское правительство в дальнейшем признало это правильным. Никитченков был судим и осужден во Франции на основании французского уголовного кодекса¹.

В дальнейшем преступления, совершенные в помещениях иностранных посольств лицами, не пользующимися экстерриториальностью, по общему правилу, подлежали юрисдикции уголовных судов государств, в пределах которых было совершено преступление. Капиталистические государства широко пользовались понятием экстерриториальности для своих подданных в колониальных, полуколониальных и зависимых странах, признавая совершенные ими преступления в отношении угнетенных народов не подлежащими законам, действующим в этих странах, а дела о них — не подсудными судам этих стран.

III. Понятие экстерриториальности противоречит принципу безусловного суверенитета государства. Хотя в ранее действовавших советских уголовных законах термин «экстерриториальность» употреблялся лишь в значении неподсудности дипломатических представителей иностранных государств советским судам по делам уголовным, законодательные органы СССР, издавая Основы 1958 г., сочли необходимым полностью исключить этот термин как неточный.

В юридической литературе принято обычно говорить о дипломатическом иммунитете или дипломатической неприкосновенности с оговоркой, что таким иммунитетом на началах взаимности могут пользоваться и лица, не являющиеся дипломатическими представителями. В Положении 1966 г. (см. ниже) говорится о привилегиях и иммунитетах.

Дипломатический иммунитет охватывает множество вопросов международного, государственного права, гражданского права и процесса, уголовного, уголовно-процессуального, административного права и др. Ниже рассматриваются только вопросы иммунитета от уго-

¹ См. там же, стр. 233, см также Э Сатоу. Руководство по дипломатической практике М., Изд-во ИМО, 1961, стр. 210.

ловной юрисдикции Союза ССР и союзных республик, т. е. вопросы неподсудности советскому суду по уголовным делам.

IV. Круг лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, и содержание иммунитета были определены уже в декрете СНК РСФСР от 30 июня 1921 г.¹, в котором, в частности, говорилось о праве «неподсудности судебным установлениям по уголовным и гражданским делам» (п. «в» ст. 2).

До 12 июня 1966 г. действовало Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР от 14 января 1927 г.².

В сентябре 1961 г. в Вене была выработана международная конвенция о дипломатических сношениях, которую подписали и ратифицировали свыше 50 государств, в том числе СССР³, УССР, БССР. Она определяет функции, привилегии, иммунитеты посольств и их сотрудников.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 г. было утверждено новое Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР⁴, заменившее Положение 1927 г. В нем отражены нормы Венской конвенции 1961 г.

Положение 1966 г. содержит ряд новых норм, направленных на дальнейшее развитие отношений СССР с другими государствами. На началах взаимности оно предоставляет иностранным посольствам, консульствам и их сотрудникам более широкие привилегии и иммунитеты.

В разделе Общие постановления устанавливается, что указанные в Положении привилегии и иммунитеты предоставляются дипломатическому представительству (посольству или миссии), а также консульскому представительству на территории СССР, как органам иностранного государства, для осуществления их функций, определяемых в соответствии с нормами международ-

¹ СУ РСФСР 1921 г. № 52, ст. 303.

² СЗ СССР 1927 г., № 5, ст. 47.

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 18.

⁴ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 22, ст. 387.

ного права. Привилегии и иммунитеты предоставляются также персоналу этих представительств в объеме, определяемом соответствующими статьями Положения (ст. 1). Далее устанавливается, что когда международным договором, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в Положении, то применяются правила этого международного договора (ст. 3).

Положение распространяется на дипломатические и консульские представительства иностранных государств, которые могут быть открыты на территории союзных республик по соглашению этой республики с иностранным государством (ст. 4).

Личной неприкосновенностью и иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик пользуются глава дипломатического представительства (посол, посланник, поверенный в делах) и члены дипломатического персонала представительства (ст. ст. 12 и 13).

Членами дипломатического персонала представительства являются советники, торговые представители, военные, военно-морские и военно-воздушные атташе, первые, вторые и третьи секретари, атташе, секретари-архивисты. В состав дипломатического персонала представительства входят также заместители торговых представителей, помощники военных, военно-морских и военно-воздушных атташе (ст. 6).

Личная неприкосновенность и иммунитет от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик согласно ст. 15 распространяются на членов семей этих лиц при условии, что эти члены семьи проживают с указанными лицами и не являются советскими гражданами.

Ст. 16 определяет, что на основе взаимности личной неприкосновенностью и иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик пользуются сотрудники административно-технического персонала дипломатического представительства и проживающие вместе с ними члены их семей, если эти сотрудники и члены их семей не являются советскими гражданами или не проживают в СССР постоянно.

Сотрудники обслуживающего персонала дипломатического представительства, не являющиеся советскими гражданами или не проживающие в СССР постоянно,

пользуются на основе взаимности иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик в отношении действий, совершенных ими при исполнении служебных обязанностей. На основе специальных соглашений с отдельными государствами по принципу взаимности на указанных сотрудников обслуживающего персонала могут быть распространены и другие иммунитеты, предусмотриваемые Положением (ст. 17).

Дипломатический курьер пользуется при исполнении своих обязанностей личной неприкосновенностью; он не может быть подвергнут аресту или задержанию. Это относится и к временным дипломатическим курьерам, назначенным для перевозки только данной дипломатической почты; предоставляемый временным дипломатическим курьерам иммунитет прекращается с момента доставки ими дипломатической почты по назначению (ст. 9).

Дипломатическим курьерам, следующим транзитом через территорию СССР, предоставляются такие же неприкосновенность и защита, которые предоставлены дипломатическим курьерам, направляющимся в СССР (ст. 18).

В ст. 18 говорится, что глава дипломатического представительства и члены дипломатического персонала представительства иностранного государства в третьей стране, проезжающие транзитом через территорию СССР, пользуются личной неприкосновенностью и другими иммунитетами, которые необходимы для обеспечения их проезда. Это относится также к членам их семей, пользующимся привилегиями и иммунитетами, которые сопровождают указанных лиц или следуют отдельно, чтобы присоединиться к ним или возвратиться в свою страну.

Консульские должностные лица, включая и главу консульского представительства (назначенного в этом качестве в установленном порядке (ст. 19) генерального консула, консула, вице-консула, консульского агента), пользуются личной неприкосновенностью и не могут быть подвергнуты задержанию или аресту, иначе как в случае преследования за совершение тяжкого преступления или исполнения вступившего в законную силу приговора суда. Они пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик в том,

что касается их служебной деятельности (ст. 25)¹. Согласно ст. 28 на основе специального соглашения с иностранным государством на консульских должностных лиц могут быть распространены и другие иммунитеты, предоставляемые Положением членам дипломатического персонала, исходя в отношении каждого отдельного государства из принципа взаимности (ст. 28).

Привилегии и иммунитеты, предусмотренные для членов дипломатического персонала представительства, включая иммунитет от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик, согласно ст. 29 распространяются на представителей иностранных государств, на членов парламентских и правительственных делегаций. На основе взаимности они распространяются на сотрудников делегаций иностранных государств, которые приезжают в СССР для участия в межгосударственных переговорах, в международных конференциях и совещаниях или с другими официальными поручениями.

Указанные лица, если они следуют транзитом для тех же целей через территорию СССР, пользуются личной неприкосновенностью и другими иммунитетами, которые необходимы для обеспечения их проезда.

Сказанное относится к членам семей лиц, перечисленных в ст. 29, которые сопровождают этих лиц, если эти члены семьи не являются советскими гражданами.

Согласно ст. 30 Положения привилегии и иммунитеты, предоставляемые международным межправительственным организациям на территории СССР, представительствам иностранных государств при этих организациях, а также их должностным лицам, определяются соответствующими международными соглашениями, в которых участвует СССР. Такова, например, Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г.².

¹ Авторы комментария к Основам 1958 г., изданного в Москве, правильно пишут, что такое изъятие вызвано тем, что служебная деятельность консулов является внутренним делом того государства, в интересах которого они ее осуществляют. («Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» М., Госюриздат, 1960, стр. 19).

² «Современное международное право. Сборник документов». М., «Международные отношения», 1964, стр. 426.

В Венской конвенции 1961 г. подробно определяется, с какого времени и по какое лица, имеющие право на иммунитет, пользуются им (ст. 39) и регламентируется ряд других вопросов. В ст. 31 Положения 1966 г. говорится о документах, удостоверяющих принадлежность к числу лиц, пользующихся указанными в Положении привилегиями и иммунитетами.

VI. Дипломатический иммунитет отнюдь не означает исключения преступности и наказуемости деяний, которые совершают на территории СССР лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом.

Закон устанавливает, что вопрос об уголовной ответственности названных лиц разрешается дипломатическим путем. В принципе исключается не преступность и наказуемость лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, а возможность привлечения к уголовной ответственности, рассмотрения уголовного дела советским судом и осуждения виновного. Следовательно, рассматриваемый вопрос касается как советского уголовного, так и уголовно-процессуального права.

Исключение подсудности советским судам по уголовным делам, поскольку речь идет о лицах, пользующихся дипломатическим иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик, не имеет абсолютного характера. Часть 1 ст. 13 Положения 1966 г. в соответствии с Венской конвенцией устанавливает, что эти лица могут подлежать юрисдикции СССР и союзных республик в случае ясно выраженного согласия на это аккредитующего государства.

Преступность, и в принципе наказуемость, деяний, совершенных лицами, пользующимися иммунитетом на территории СССР от уголовной юрисдикции, особенно наглядно подтверждается тем обстоятельством, что все соучастники такого преступления — советские граждане, лица без гражданства, а также иностранцы, не пользующиеся дипломатическим иммунитетом, подлежат уголовной ответственности по советским уголовным и уголовно-процессуальным законам.

Венская конвенция о дипломатических сношениях, как и более ранние акты, устанавливает, что все лица, пользующиеся иммунитетом, обязаны уважать законы и постановления государства пребывания, они обязаны

не вмешиваться во внутренние дела этого государства (ст. 41). Дипломатические агенты не должны заниматься в государстве пребывания профессиональной или коммерческой деятельностью в целях личной выгоды (ст. 42). Ст. 2 Положения 1966 г. устанавливает, что все лица, пользующиеся указанными в Положении привилегиями и иммунитетами, обязаны уважать действующие в СССР и союзных республиках законы, постановления, правила. Часть 4 ст. 7 указывает, что неприкосновенность помещений дипломатического представительства и средств передвижения не дает, однако, права использовать их в целях, несовместимых с функциями дипломатического представительства.

Однако многие капиталистические, особенно империалистические, государства грубо и цинично попирают нормы международного права, очень часто используют дипломатический иммунитет своих посольств и миссий и своих дипломатических представителей в социалистических государствах для шпионажа, диверсий и другой подрывной деятельности, а также для совершения других преступлений (контрабанды, спекуляции и т. д.).

Об этом свидетельствуют многочисленные факты, опубликованные в нашей печати.

Так, 7 февраля 1957 г. МИД СССР в ноте посольству США в СССР сообщило, что помощники военно-морского атташе США капитан Уффелман и лейтенант Луис были застигнуты гражданами СССР во время фотографирования объекта, имеющего оборонное значение, т. е. занимались шпионско-разведывательной деятельностью, совершенно несовместимой со статусом аккредитованных дипломатических работников. По требованию Министерства иностранных дел СССР они были выдворены из СССР¹. Атташе посольства США Ланжелли был выдворен из СССР в 1959 г. как пойманный с поличным при встрече с американским агентом, которому он передал инструкции по шпионской работе, средства тайнописи и крупную сумму денег. Как сообщалось в советской печати² в результате следствия по делу этого агента была установлена причастность других сотрудников посольства США,

¹ «Правда», 8 февраля 1957 г.

² «Известия», 27 августа 1960 г.

в частности атташе Уинтерса, которому Министерство иностранных дел СССР предложило покинуть нашу страну.

13 мая 1963 г. Министерство иностранных дел СССР в нотах, направленных посольствам США и Великобритании в Москве, заявило, что при рассмотрении Военной коллегией Верховного Суда СССР дела гражданина СССР Пеньковского и подданного Великобритании Винна, признанных виновными в шпионаже против СССР, судом было установлено, что пять работников посольства США, пять работников посольства Великобритании и жены двух из них, используя свое официальное положение, способствовали осужденным Пеньковскому и Винну в проведении шпионажа. Министерство иностранных дел СССР объявило этих лиц персонами нон грата¹.

§ 6. Действие советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных за пределами СССР

I. Нормы о действии советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных за границей, содержались уже в уголовных кодексах 1922 г., затем в Основных началах 1924 г. (ч. 2 ст. 1) и изданных на их базе УК союзных республик.

Основы 1958 г. существенно развили и конкретизировали эти нормы. Они определили ответственность лиц без гражданства за преступления, совершенные ими за пределами СССР, определили возможность смягчения наказания или освобождения от наказания в отношении лиц, которые понесли наказание за границей, и определили ответственность по советским законам иностранцев за совершенные за границей преступления, в случаях, предусмотренных международными соглашениями. Ст. 5 Основ регулирует вопросы о действии советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных за границей гражданами СССР, лицами

¹ «Известия», 13 мая 1963 г.

без гражданства и иностранцами в случаях, предусмотренных международными соглашениями.

II. Действие советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных гражданами СССР за границей, определяется ч. 1, 3 ст. 5 Основ. Содержание ч. 1 ст. 5 Основ конкретизируется в УК союзных республик (например, в ч. 1 ст. 5 УК РСФСР).

Советский гражданин обязан соблюдать советские законы где бы он ни находился — в СССР или за границей, и подлежит уголовной ответственности перед советским судом независимо от того, где совершил деяние, предусмотренное советским законом в качестве преступного и наказуемого.

В ч. 1 ст. 5 Основ идет речь, конечно, о деяниях, являющихся преступлениями по советскому уголовному закону. Не имеет значения, признаются ли эти деяния преступлениями в той стране, где они совершены, или же нет. Деяние рассматривается советским судом только в соответствии с положениями советского социалистического права, которые зачастую противоположны положениям буржуазного права. Например, по советскому закону (ст. 11 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, ст. 74 УК РСФСР) сурово наказывается всякое нарушение принципов расового и национального равноправия, закрепленного в качестве незыблемого принципа в Конституции СССР. В ряде штатов США, в Южно-Африканской Республике и в некоторых других капиталистических государствах и в сохранившихся еще колониях некоторых капиталистических государств уголовным преступлением является осуществление этих принципов или призывы к расовому и национальному равноправию.

Советский суд при признании преступлением какого-либо деяния, совершенного за границей, и при назначении наказания применяет лишь советские уголовные и уголовно-процессуальные законы и руководствуется своим социалистическим правосознанием.

III. Вопрос о том, по какому из кодексов союзных республик виновный подлежит уголовной ответственности, Основы, как и Основные начала 1924 г., разрешили исходя из принципа равноправия всех союзных рес-

публик и одинаковой значимости их уголовных кодексов.

Гражданин СССР, совершивший за границей преступление, предусмотренное советским уголовным законом, например подлог документов, согласно ст. 5 Основ подлежит уголовной ответственности по уголовным законам, действующим в той союзной республике, на территории которой он привлечен к уголовной ответственности или предан суду.

Основные начала 1924 г. (ч. 2 ст. 1) менее точно говорили о применении в этих случаях законов места задержания или предания суду или следствию. Задержание лица применяется лишь при совершении некоторых преступлений, и оно не имеет непосредственного значения для ведения следствия и предания суду и, следовательно, не может само по себе служить определяющим моментом для решения вопроса о применении уголовных законов той или иной союзной республики.

По смыслу ст. 5 Основ 1958 г., если по делу велось предварительное следствие, то, по общему правилу, деяние квалифицируется по УК той республики, где велось и закончилось это следствие.

IV. Основы 1958 г. включили новые положения (ч. 3 ст. 5), отсутствовавшие в ранее действовавшем уголовном законодательстве. Если советский гражданин за границей совершил деяние, преступное и наказуемое по советским законам и по законам той страны, где оно совершено, и понес за него наказание за границей, то советский суд может соответственно смягчить назначенное им наказание или полностью освободить виновного от отбывания наказания.

По смыслу ч. 3 ст. 5 Основ советский суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, сначала назначает наказание по советскому уголовному закону, совершенно не учитывая наказания, отбытого за границей. Тем самым он дает отрицательную оценку деяния и виновного лица и выражает ее в характере и размере наказания. Оценка деяния и качеств личности преступника, в частности, отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств, в советском и буржуазном праве зачастую бывает противоположной. Назначив наказание, суд после этого, если он находит возмож-

ным смягчить наказание или освободить¹ от него виновного, учитывая наказание, отбытое им за это же преступление за границей, указывает в приговоре на освобождение от наказания или на характер смягчения. Наказание, определенное судом в конечном счете, и будет тем наказанием, которое должен отбыть виновный.

Закон не устанавливает каких-либо точных критериев смягчения наказания или освобождения от него в рассмотренных случаях. В частности, суд не обязан механически засчитывать время, проведенное в иностранной тюрьме. Каждый раз суд учитывает все обстоятельства дела и личность виновного².

Неправильно утверждение авторов упоминавшегося Комментария к Основам, что «соответственное смягчение наказания суд может произвести в том случае, когда придет к выводу, что виновный заслуживает по советским законам менее сурового наказания, чем ему было назначено за границей»³.

Выше говорилось, что лишь после назначения наказания, когда окажется, что понесенное за границей наказание было более мягким, чем назначенное советским судом, последний может (но не обязан) учесть его при определении того наказания, которое будет отбывать осужденный. Если же понесенное наказание было более тяжелым, чем назначенное советским судом, то он может учитывать его, чтобы смягчить наказание или освободить от наказания. При этом советский суд учитывает фактически понесенное виновным за границей наказание, а не назначенное судом, как считают авторы названного Комментария.

V. Основы 1958 г. и затем УК союзных республик 1959—1961 гг., как уже говорилось, впервые упоминают о порядке уголовной ответственности лиц без гражданства и о действии в отношении этих лиц советских уголовных законов.

¹ Авторы Комментария к УК РСФСР, изданного в 1964 г., правильно замечают, что ст. 5 устанавливает самостоятельное основание для смягчения уголовной ответственности, не упоминаемое в других статьях, в частности в ст. 30 Основ (стр. 11).

² УК ЧССР и ВНР установили обязательный зачет времени отбывания наказания за то же деяние в иностранном государстве.

³ «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик Практический комментарий», стр. 17.

Согласно ч. 2 ст. 5 Основ находящиеся на территории СССР лица без гражданства, если они за границей совершили деяние, предусмотренное советским уголовным законом, подлежат уголовной ответственности по законам, действующим в той союзной республике, где они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду. В Основах точно говорится об ответственности лиц без гражданства, находящихся в СССР, к числу которых относятся и лица без гражданства, которые только что прибыли в СССР или пытались проникнуть в СССР, но не проживают в нашей стране. В проекте Основ, опубликованном в 1958 г., упоминалось об ответственности этих лиц, проживающих в СССР, т. е. механически воспроизводилась формула ст. 8 Закона о гражданстве СССР 1938 г., которая относится к определению гражданства, а не к вопросам уголовной ответственности.

В большинстве УК неточно воспроизведена ч. 2 ст. 5 Основ. Так, в ч. 2 ст. 5 УК РСФСР сказано, что на одинаковых основаниях с гражданами СССР несут ответственность находящиеся в РСФСР лица без гражданства, совершившие преступления за пределами СССР. Однако по УК РСФСР могут быть привлечены к ответственности лица без гражданства, находящиеся не в РСФСР, а в другой союзной республике, если они были соучастниками по делу, по которому виновный привлечен к уголовной ответственности в РСФСР.

Гораздо более точна и соответствует ст. 5 Основ ч. 2 ст. 5 УК Украинской ССР: «На тех же основаниях несут ответственность находящиеся в СССР лица без гражданства, совершившие преступления за пределами СССР». Так же сформулирована ст. 5 УК Эстонской ССР.

Согласно ч. 3 ст. 5 Основ лицам без гражданства, которые совершили преступление за границей и отбыли там наказание, наказание может быть смягчено советским судом или они могут быть освобождены от него с учетом этого обстоятельства.

VI. Согласно ч. 4 ст. 5 Основ иностранцы за преступления, совершенные вне пределов СССР, подлежат ответственности по советским

уголовным законам в случаях, предусмотренных международными соглашениями.

УК РСФСР 1922 г. установил, что действие кодекса распространяется на иностранцев, находящихся в РСФСР, которые совершили за границей преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР (ст. 3), причем ст. 4 устанавливала возможность изъятий из действия ст. 3 в порядке особых договоров, заключенных РСФСР с отдельными государствами.

Такой же принцип (так называемый «реальный принцип действия уголовного закона») принят в УК Народной Республики Болгарии (ст. 67), Венгерской Народной Республики (§ 5), Корейской Народно-Демократической Республики (ст. 4), Чехословацкой Социалистической Республики (§ 19).

В этих статьях указаны преступления (частично предусмотренные международными договорами), в отношении которых при совершении их иностранцами за пределами данной социалистической республики может применяться УК этой республики.

Основные начала 1924 г. и основанные на них УК 1926—1935 гг. отказались от этого принципа, сохранив лишь территориальный принцип и принцип гражданства. Основы 1958 г. установили, что за преступления, совершенные за пределами СССР, иностранцы подлежат уголовной ответственности по законам СССР в случаях, предусмотренных международными соглашениями. Думается, что в целях предупреждения наиболее опасных преступлений со стороны иностранных граждан было бы целесообразно, учитывая опыт ряда зарубежных социалистических государств, в частности ВНР и ЧССР, установить наказуемость немногих, особо опасных посягательств на основы советского строя и на личность советских граждан, если эти посягательства совершены гражданами иностранного государства за пределами СССР.

VII. В отдельных работах советских авторов высказана мысль, что международные конвенции, устанавливающие наказуемость отдельных преступлений, имеют целью установление единообразия в борьбе с отдельными преступлениями. Это не соответствует действительному положению, так как уголовную ответственность

(составы преступлений, санкции) устанавливает каждое государство — участник конвенции — самостоятельно.

Статьи 87, 164, 202, 204, 205, 224 УК РСФСР и др. полностью или частично основаны на международных соглашениях. Однако это не имеет отношения к проблеме действия УК в пространстве, как считают отдельные авторы¹. Советские уголовные законы, изданные в соответствии с международными соглашениями, в которых участвует СССР, действуют так же, как и другие, по территориальному принципу и принципу гражданства. Лишь в немногих международных соглашениях содержится указание на то, что предусмотренные ими деяния могут в определенных случаях влечь уголовную ответственность по законам государства, на территории которого они не совершались, даже при учинении лицом, не являющимся гражданином этого государства.

Таковы были, в частности, во время второй мировой войны и после нее декларации и иные международно-правовые акты о розыске, суде и наказании гитлеровских офицеров, солдат, членов нацистской партии и других лиц, ответственных за неслыханные зверства, убийства и массовые казни или добровольно участвовавших в совершении этих злодеяний.

VIII. В некоторых работах советских авторов само заключение международных соглашений об уголовной ответственности за деяния, предусмотренные этими соглашениями, а также издание уголовных законов на основе этих соглашений, рассматривается как применение универсального принципа действия советского уголовного закона. В учебном пособии по уголовному праву утверждается, что универсальный принцип заключается в обязанности каждого государства применять свой уголовный закон к преступнику, посягнувшему не только на интересы данного, но и любого другого государства, причем для применения этого принципа не имеет значения, где и кем совершено преступление. Авторы справедливо указывают далее,

¹ «Научно-практический комментарий к УК РСФСР», Свердловск, 1960, стр. 18; «Советское уголовное право. Часть Общая». М., «Юридическая литература», 1964, стр. 10.

что этот принцип империалистические государства стараются использовать для борьбы с революционным движением, причем с помощью этого принципа американские империалисты пытаются подчинить своему влиянию органы правосудия других капиталистических государств. Следует добавить, что универсальный (он же космополитический) принцип используется пропагандой империалистических государств для обмана трудящихся.

Однако далее говорится, что универсальный принцип может быть использован и в интересах мира в борьбе с наиболее опасными преступлениями, вследствие чего Советский Союз участвует в ряде международных конвенций, направленных на борьбу с преступлениями, посягающими на основные права человечества¹.

Осуществляя ленинскую политику мирного сосуществования, Советский Союз участвует в ряде международных конвенций, предусматривающих ответственность за некоторые преступления, являющиеся таковыми и по советскому праву. Отдельные конвенции, как уже говорилось, допускают применение уголовных законов государства за деяния, совершенные за его пределами и не его гражданином. Но это ничего общего не имеет с универсальным или космополитическим принципом. Этот универсальный принцип подвергнут резкой критике в работе М. А. Шнейдера².

IX. Следует остановиться на некоторых специальных вопросах действия советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных за пределами СССР.

Во время Великой Отечественной войны советские уголовные законы в определенных пределах временно действовали на освобожденных от фашистских захватчиков территориях других государств и на занятой советскими войсками вражеской территории.

В настоящее время с теми братскими, социалистическими государствами, по просьбе которых на их территории с чисто оборонительными целями временно нахо-

¹ «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 184

² См. М. А. Шнейдер. Советское уголовное право. Часть Общая Учебное пособие М., ВЮЗИ, 1955, стр. 46—47.

дятся советские войска, заключены и действуют договоры о правовом статусе этих войск.

Такие договоры заключены с Польской Народной Республикой 17 декабря 1956 г.¹, с Германской Демократической Республикой 13 марта 1958 г.², с Венгерской Народной Республикой 27 мая 1957 г.³. В этих договорах выражено глубокое уважение к суверенитету государств, на территории которых находятся советские войска. По общему правилу, советские военнослужащие отвечают по законам государства, на территории которого они находятся, в случае совершения преступления на этой территории.

Например, Договор между правительством Союза Советских социалистических республик и правительством Польской Народной Республики от 17 декабря 1956 г. о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше, устанавливает (п. 1 ст. 9): «По делам о преступлениях и проступках, совершенных лицами, входящими в состав советских войск, или членами их семей на территории Польской Народной Республики, как общее правило, применяется польское законодательство и действуют польские суды, прокуратура и другие польские органы, компетентные по вопросам преследования преступлений и проступков.

Дела о преступлениях, совершенных советскими военнослужащими, расследуются военной прокуратурой и рассматриваются органами военной юстиции Польской Народной Республики».

Согласно п. 2 ст. 9 постановления пункта первого не применяются лишь:

А) В случае совершения лицами, входящими в состав советских войск или членами их семей, преступлений и проступков только против Советского Союза, а также против лиц, входящих в состав советских войск или членов их семей;

Б) В случае совершения лицами, входящими в состав советских войск, преступлений или проступков при исполнении служебных обязанностей»⁴.

¹ «Известия», 18 декабря 1956 г.

² «Правда», 14 марта 1958 г.

³ «Правда», 28 мая 1957 г.

⁴ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 7, ст. 192.

Согласно ст. 10 Договора в случае совершения преступлений против советских войск, находящихся на территории Польской Народной Республики, а также против военнослужащих, входящих в их состав, виновные в этом лица будут нести такую же ответственность, как и за преступления против польских вооруженных сил и польских военнослужащих.

Так же сформулированы соответствующие статьи и других двух действующих соглашений.

Х. В противоположность империалистическим государствам, которые в колониальных и зависимых странах насаждали систему неравноправных договоров, режим экстерриториальности своих подданных, Советская власть с первых же дней провозгласила суверенность и равноправие государств, в которых на основании неравноправных договоров русские подданные пользовались правом экстерриториальности. В договоре, заключенном с Турцией 16 марта 1921 г., Советское правительство юридически закрепило отказ от капитуляций. Статья VII договора гласит: «Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, считая режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму»¹.

Аналогичные пункты содержались в договорах Советского правительства с Ираном, Китаем и другими странами. Неуклонно осуществляя незыблемые принципы ленинской национальной политики, Советское государство, неизменно уважает и поддерживает суверенитет каждого государства, большого или малого, и выступает против всяких посягательств на него со стороны империалистических государств. Из этого исходят советские государственные органы во взаимоотношениях со всеми государствами.

XI. Войска империалистических государств, особенно США, находящиеся с агрессивными целями на чужих территориях, пользуются иммунитетом. Неравноправные, ущемляющие суверенитет других государств

¹ СУ РСФСР 1921 г., № 73, ст. 598.

договоры, заключенные США с государствами, где размещены войска США, сформулированы таким образом, что по одностороннему решению своих властей, США дают возможность изъять почти каждое дело из юрисдикции страны, где размещены эти войска. Многие советские и иностранные, в том числе и американские, авторы считают, что режим американских войск за границей может быть назван неокапитуляционным режимом, который в определенном отношении превосходит даже пороки прежнего капитуляционного режима и многое заимствует из режима оккупации¹.

По приводимым М. И. Лазаревым данным, взятым из американской официальной статистики, американские военнослужащие совершают огромное число преступлений против жизни, здоровья, свободы, чести, имущества, нравственности и т. д. в странах, где они находятся. Это следует объяснить крайне низким моральным духом этих войск находящихся с агрессивными целями в других государствах и фактической безнаказанностью американских военнослужащих, огражденных стеной иммунитета.

Военнослужащими США совершено преступлений за пределами США: в 1953 г. — 6000; в 1954 г. — 7416; в 1955 г. — 10 249; в 1956 г. — 14 000; в 1958 г. — 13 659; в 1959 г. — 12 900.

По заявлению министра юстиции Японии, с 1954 по 1958 г. от преступлений, совершенных в Японии американскими солдатами, пострадало более 35 000 японцев.

Начальник военной прокуратуры США Хикмен сообщил в сенатской подкомиссии, что за один год (1956) в нарушении иностранных законов было обвинено 14 394 человека, однако только 88 человек находилось в тюрьмах. По его словам, в 67% случаях иностранные суды отказались от принадлежащей им юрисдикции.

По данным США, во всем мире к июню 1957 г. официально были предъявлены обвинения в совершении преступлений 32 059 американским военнослужащим,

¹ См. В. М. Корецкий. Создание американских военных баз на чужих территориях — нарушение норм международного права. «Советское государство и право», 1953, № 6; М. И. Лазарев. Преступления американских военнослужащих на чужих территориях. М., Госюриздат, 1961, стр. 54 и сл.

когда они не были при исполнении служебных обязанностей и только 9054 человек были судимы местными судами. Во всех остальных случаях дела рассматривались американскими судами. В 7696 случаях применен штраф, 622 человека оправданы, 525 человек приговорены условно и только 305 человек направлены в тюрьму¹.

¹ См. М. И. Лазарев. Преступления американских военно-служащих на чужих территориях, стр. 12, 51—53.

Глава шестая

ДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ

§ 1. Общие вопросы

I. Вопрос о пределах действия советского уголовного закона во времени тесно связан с ролью советского уголовного закона по предупреждению преступлений и воспитанию граждан в духе нетерпимости к преступлениям и активной борьбы с ними.

Этот вопрос связан также с основаниями уголовной ответственности. Предупреждающая и воспитательная роль норм советского уголовного права, содержащихся в уголовном законе, может осуществляться лишь тогда, когда эти нормы действуют и они заранее известны гражданам и компетентным должностным лицам. То, что деяние предусмотрено уголовным законом (ст. 3 Основ), означает действие данного уголовного закона к моменту совершения преступления.

Таким образом, одним из обстоятельств, образующих в совокупности основания уголовной ответственности, надо признать совершение деяния, несмотря на запрет, связанный с установлением наказания за его нарушение, причем этот запрет был или должен был быть известен виновному. Запрет деяния как общественно опасного под страхом наказания может относиться только к будущему и, естественно, не может влиять на поведение людей в прошлом. Поэтому, по общему правилу, советский уголовный закон действует в отношении тех предусмотренных им деяний, которые совершаются после введения в действие (вступления в силу) данного закона.

Это принципиальное положение выражено кратко и четко в ч. 1 ст. 6 Основ 1958 г. определяющей действие уголовного закона во времени: «Преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния».

Часть I ст. 2 УПК РСФСР 1923 г. и соответствующие статьи УК других союзных республик почти в тех же словах излагали этот принцип. Примерно таким же образом определяли действие уголовного закона во времени и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. «Применение судом мер социальной защиты¹ определяется уголовными законами, действовавшими в момент совершения преступления» (ст. 3).

Таково принципиальное положение советского уголовного права. Установление обратной силы уголовного закона для законов, исключających или смягчающих ответственность (ч. 2 ст. 6 Основ), вытекает из этого принципа, а отнюдь не противоречит ему.

До издания Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. нормы о действии уголовного закона во времени, в отличие от норм о действии его в пространстве, содержались в уголовно-процессуальном законодательстве — в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик.

Следовательно, вопрос о действии уголовного закона во времени рассматривался в законе с точки зрения уголовно-процессуальной — возможности возбуждения дела, расследования, разбирательства и разрешения его на основании данного закона, а также квалификации деяния и применения наказания или освобождения от уголовной ответственности и наказания на основании этого же закона.

Однако по существу норма о действии уголовного закона во времени — норма материального уголовного права. Она определяет преступно ли и наказуемо, и если наказуемо, то какими наказаниями и в каких пределах,

¹ Так назывались по Основным началам и 'Основам уголовного судопроизводства 1924 г. меры наказания.

данное деяние в зависимости от времени его совершения и времени действия уголовного закона, которым деяние предусмотрено. Собственно и ст. 2 УПК РСФСР 1923 г., определяя действие уголовного закона во времени, говорила не о процессуальных моментах, а о преступности и наказуемости деяния, т. е. о категориях уголовного материального права.

В советской уголовноправовой и уголовно-процессуальной литературе вопрос о пределах действия уголовного закона во времени обычно рассматривался как вопрос материального уголовного права, который должен разрешаться в Основных началах уголовного законодательства, а не в Основах уголовного судопроизводства¹.

Основы уголовного законодательства 1958 г., включив ст. 6 о действии уголовного закона во времени, окончательно разрешили этот вопрос.

При рассмотрении далее вопросов о времени введения в действие и прекращения действия уголовного закона под законом понимаются как кодексы или иные систематизированные уголовные законы, содержащие совокупность уголовноправовых норм, например Основы, так и законы, устанавливающие, дополняющие или изменяющие единичную норму, например законы, изменяющие одну лишь статью или санкцию статей уголовного кодекса.

§ 2. Начало и прекращение действия уголовного закона

I. Введению уголовного, как и всякого другого, закона в действие предшествует принятие (утверждение) закона законодательными органами Союза ССР или союзной республики и опубликование закона.

До середины 1958 г. действовало в отношении общесоюзных законов постановление ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1925 г. «О времени вступления в силу законов и распоряжений правительства Союза ССР, а равно

¹ См. написанный автором этой книги раздел об уголовном законе в кн.: «Уголовное право. Общая часть», изд. 2. М., 1939, стр. 137, см. также М. А. Чельцов. Уголовный процесс. М., Юриздат, 1948, стр. 28.

распоряжений ведомств Союза ССР»¹ с изменениями, внесенными в него постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 марта 1929 г.², а также постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1927 г.³.

В силу ст. ст. 1, 3, 4 Закона от 6 февраля 1925 г. законы (в том числе и уголовные), в которых не был указан другой срок вступления в силу, вводились в действие со дня получения номера официального органа, в котором был опубликован закон, в столичных городах союзных республик центральным исполнительным комитетом союзной республики, в губернских городах — со дня получения такого номера губернским исполнительным комитетом, а в других городах и уездах со дня получения номера названного издания уездным исполнительным комитетом.

Закон от 6 февраля 1925 г. указывал также на возможность введения законов в действие по телеграфу, но это фактически не применялось к уголовным законам.

Таким образом, общесоюзные законы и указы неодновременно вступали в силу на территории СССР. Принятая система введения законов в действие соответствовала тогдашнему состоянию связи и транспорта. Разновременное вступление в силу уголовных законов приводило иногда к неприменению закона на том основании, что он в данной местности еще не вступил в силу, хотя уже давно был объявлен по радио.

Порядок вступления в силу законов, особенно уголовных, установленный законом 1925 г., явно устарел. С развитием скоростной авиации, с всеобщим распространением радио и телевидения содержание новых законов немедленно становится известным по всей стране, большинство этих законов печатается в местной прессе. Поэтому сейчас уже явно нецелесообразно ставить начало действия закона в зависимость от времени получения номера газеты или «Ведомостей». К тому же теперь быстрота получения газеты зависит не столько от расстояния, сколько от того, печатаются ли в данном населенном пункте «Известия» с доставляемых туда матриц или нет.

¹ СЗ СССР 1925 г., № 8, ст. 75.

² СЗ СССР 1929 г., № 20, ст. 171.

³ СЗ СССР 1927 г., № 32, ст. 326.

Несомненно, назрел вопрос об установлении единого образного для всей территории СССР срока вступления в силу (введения в действие) новых уголовных законов СССР и союзных республик. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г. «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР»¹ установил, что названные акты подлежат опубликованию в «Ведомостях Верховного Совета СССР» не позднее 7 дней со дня их принятия; важнейшие из этих актов, подлежащие широкому и немедленному обнародованию, публикуются в газете «Известия Советов депутатов трудящихся».

Так, 26 декабря 1958 г. в «Известиях» были опубликованы Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, законы об уголовной ответственности за государственные преступления и за воинские преступления, утвержденные Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. В этой же газете 5 мая 1961 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями».

В силу ст. 5 Указа от 19 июня 1958 г. законы СССР, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР общенормативного характера вступают в силу на всей территории СССР одновременно по истечении 10 дней со дня их опубликования в одном из названных двух изданий, если в них не указан другой срок введения их в действие.

II. Одновременное вступление в силу уголовных законов на всей территории СССР имеет большое значение для борьбы с преступлениями. Прежде всего сама преступность и наказуемость деяния устанавливается повсюду одновременно, что дает возможность немедленного проведения необходимой разъяснительной работы, принятия мер предупреждения и пресечения преступлений.

Не остается места для коллизий по вопросу о времени вступления в силу закона в каждом областном и

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1958, № 14, стр. 275

даже районном центре, что при современных средствах сообщения и связи нередко вызвало бы споры о том, совершено ли деяние при действии старого или же нового закона.

Десятидневный срок со дня опубликования закона сейчас, при наличии радио, телевидения, быстрого получения официальных изданий в любом пункте, считается вполне достаточным для ознакомления с новым уголовным законом как должностными лицами, так и гражданами.

Все изданные начиная с Основ 1958 г. общесоюзные уголовные законы были введены в действие в соответствии со ст. 5 Указа от 19 июня 1958 г., т. е. через 10 дней после их опубликования.

Основы 1958 г. и законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления, утвержденные 25 декабря 1958 г. и опубликованные в «Известиях» 26 декабря 1958 г., вступили в силу с 6 января 1959 г.¹.

Таким образом, исчисление десятидневного срока начинается со дня следующего за опубликованием закона, в данном случае с 27 декабря 1958 г. и закон считается вступившим в силу с началом следующего дня после истечения десятидневного срока², т. е. в данном случае с 0 ч. 01 мин. 6 января 1959 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями», опубликованный в тот же день в «Известиях», вступил в силу с 16 мая 1961 г. на всей территории СССР.

¹ Судебная Коллегия Верховного Суда РСФСР в определении по делу Тихонова отметила, что, поскольку каких-либо указаний о ином, помимо предусмотренного ст. 5 Указа от 19 июня 1958 г., сроке вступления в силу Основы 1958 г. не содержат, это означает, что Основы вступили в силу через 10 дней после их опубликования, т. е. 6 января 1959 г. («Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1957—1959 гг.». М., Госполитиздат, 1960, стр. 25—26).

² Президиум Верховного Суда РСФСР признал неправильным осуждение Дынина за получение взятки по Указу от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». Последняя взятка была получена Дыниным 3 марта 1962 г., Указ же от 20 февраля, опубликованный 21 февраля 1962 г., вступил в силу 4 марта 1962 г. Поэтому деяние Дынина перекалифицировано на ч. 2 ст. 173 УК РСФСР в прежней ее редакции («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 1, стр. 13).

В ст. 5 Указа от 19 июня 1958 г. указывается на то, что законы и другие перечисленные в нем нормативные акты, вступают в силу не через 10 дней, если в них указан другой срок введения их в действие. Этот срок может быть более кратким, чем 10 дней, и более длительным.

В общесоюзных уголовных законах, изданных с 1958 г., не содержится указаний на срок введения их в действие и только в виде исключения такие указания встречались в ранее изданных общесоюзных уголовных законах, в частности, месячный срок был установлен для введения в действие Положения о воинских преступлениях 1927 г.

Порядок опубликования и введения в действие законов (в том числе уголовных) и некоторых других нормативных актов союзных республик установлен на тех же принципах, что и Указ от 19 июня 1958 г.

При издании новых УК всегда во вводном законе указывается время введения кодекса в действие на всей территории союзной республики.

Это более целесообразно, так как издание нового УК означает всегда существенное изменение как положений Общей части, так и составов преступлений и мер наказаний. Нормы УК тесно связаны между собой. Поэтому необходимо предоставить известное время, подчас значительное, для введения нового кодекса в действие.

Было бы желательно, чтобы и при издании систематизированных общесоюзных уголовных законов, содержащих значительное число уголовноправовых норм, например, Основ, законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления, указывался точный срок введения их в действие, причем срок должен быть не десятидневный, а хотя бы месячный¹.

В первые годы Советской власти уголовные кодексы вводились вскоре после издания, это вызывалось наме-

¹ Введение в действие Основ 1958 г. и Законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления 1958 г. через 10 дней после опубликования привело к тому, что Указ о порядке применения этих законов был издан через пять недель после введения в действие названных законов — 13 февраля 1959 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 7), причем в ст. 12 Указа было определено, что он вступает в силу одновременно с этими законами, т. е. с 6 января 1959 г.

рением законодателя как можно скорее создать твердую базу для большей законности и справедливости приговоров по уголовным делам. Так, УК РСФСР 1922 г. был утвержден 24 мая, а введен в действие на всей территории РСФСР с 1 июня 1922 г.¹ УК РСФСР 1926 г. был утвержден 22 ноября 1926 г. и введен в действие с 1 января 1927 г. УК Украинской ССР 1927 г. был принят 8 июня 1927 г., введен в действие с 1 июля 1927 г.² УК Грузинской ССР 1928 г. был принят 26 марта 1928 г. и введен в действие с 1 мая 1928 г.³

Уголовные кодексы 1959—1961 гг. введены в действие, как правило, через два-три и более месяцев после принятия. Так, УК Узбекской ССР 1959 г. вступил в силу через семь с половиной месяцев после принятия, УК Казахской ССР — через пять с половиной месяцев, УК РСФСР 1960 г. — через два месяца, УК Украинской ССР 1960 г. и УК Белорусской ССР 1960 г. — через три месяца и т. д.

Значительный промежуток времени между принятием и вступлением в силу уголовных кодексов был использован на ознакомление с уголовными кодексами, что усилило их воспитательное и предупредительное значение, а также на подготовку применения УК, в особенности применения его в отношении преступлений, совершенных до издания УК. Опыт показывает, что промежуток от опубликования уголовного кодекса до введения его в действие, как правило, должен быть не менее 3 месяцев.

III. Прекращение действия уголовного закона означает, что его нормы не применяются в отношении предусматриваемых им деяний, совершенных после утраты им законной силы. Однако, по общему правилу, сохраняется действие отмененного закона в отношении деяний, которые совершены во время действия закона, если только они не подпадают под действие нового закона как более мягкого.

Прекращение действия уголовного закона влечет и прекращение уголовной ответственности, если отмена закона означает исключение преступности и наказуемости самого деяния.

¹ СУ РСФСР 1922 г., № 15, ст. ст. 153, 154

² СУ УССР 1927 г., № 26—27, ст. 131.

³ СУ Грузинской ССР 1928 г., № 4, ст. 34

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 г.¹ были освобождены от наказания со снятием судимости осужденные, которые, будучи частными лицами, разгласили ставшую им известной государственную тайну.

Отмена прежнего закона (Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г.), которым была установлена ответственность за это деяние, означала отпадение уголовной ответственности, так как Закон об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. не включил разглашение государственной тайны частными лицами, которым эта тайна не была вверена, в число государственных преступлений.

Таким образом, прекращение действия уголовного закона с невключением содержащихся в нем норм, определяющих преступность и наказуемость деяния, в новые уголовные законы означает отпадение преступности и наказуемости деяния, которое предусматривалось утратившим силу уголовным законом.

Действие уголовного закона может быть прекращено: а) путем отмены этого уголовного закона; б) путем замены уголовного закона другим законом по тому же вопросу; в) при истечении сроков действия закона, если он был издан на ограниченное время; г) в случае прекращения тех отношений, при наличии которых возможно было совершение данного преступления.

Отмена уголовного закона может оформляться: а) путем самостоятельного нормативного акта; б) путем указания на отмену в новом уголовном законе, заменяющем отмененный, в) путем издания самостоятельного перечня уголовных законов (и, разумеется, отдельных статей этих законов), утрачивающих силу в связи с изданием нового законодательного акта уголовноправового характера.

Путем самостоятельного акта, т. е. акта, не являющегося составной частью систематизированного уголовного закона и не связанного с изданием такого закона, была, например, отменена уголовная ответственность за самовольный проезд в товарных поездах Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1955 г.²

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 7, стр. 60

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 5, ст. 114

В связи с этим была признана утратившей силу ст. I Указа от 9 апреля 1941 г., которой была установлена такая ответственность.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. была отменена ст. I Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении аборт¹. Во всех этих и в ряде других случаев деяния, предусматривавшиеся отмененными законами, перестали быть преступными.

Отмена уголовного закона может быть произведена путем указания в новом законе, заменяющем отмененный закон, на то, что последний отменяется. Так, постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. «О введении в действие Положения о воинских преступлениях»², вводя в действие в месячный срок со дня опубликования новое Положение, указало на отмену Положения о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»³ содержал в самом тексте (ст. 8) указание на то, что с изданием этого Указа утрачивают силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. по тому же вопросу и п. «а» ст. 25 Положения о воинских преступлениях 1927 г.

IV. В последние годы стало общепринятым после издания общесоюзных и республиканских уголовных законов, представляющих систематизацию уголовноправовых норм, в особенности при издании общесоюзных Основ и уголовных кодексов союзных республик, издавать перечни законов, утративших силу с изданием нового уголовного закона⁴.

Желательно, чтобы такие перечни законов, утративших полностью или частично силу, издавались одновременно с принятием нового закона в виде отдельного

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 22; ст. 425.

² СЗ СССР 1927 г., № 50, ст. 504.

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, № 20.

⁴ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 15, ст. 91; 1961, № 13.

Указа Президиума Верховного Совета СССР или союзной республики либо включались во вводный закон¹.

Нередко законодатель, издавая новый уголовный закон, фактически заменяющий прежние законы, не указывает на изменение или отмену прежнего закона.

Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» фактически отменил постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. «Об ответственности за хищение горючего в МТС и совхозах», ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. об ответственности за мелкую кражу и целый ряд статей УК союзных республик.

Однако никаких указаний в отношении отмены названных актов в этом и следующих указах не содержалось. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 22 августа 1947 г. разъяснил, что не подлежат применению Закон от 7 августа 1932 г., ст. 17¹ Положения о преступлениях государственных, ст. I Указа от 10 августа 1940 г. и ряд статей УК союзных республик².

При этом Пленум Верховного Суда СССР упустил указание на неприменение упомянутого выше Указа от 23 июня 1942 г. и ошибочно разъяснил, что не подлежит применению ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, определяющие ответственность за мошенничество, причинившее ущерб государству или общественной организации. Лишь через шесть лет Пленум Верховного Суда СССР исправил эту ошибку и в руководящем постановлении от 28 мая 1954 г. разъяснил, что мошеннические действия, причинившие ущерб государственным или общественным организациям, учреждениям или предприятиям,

¹ М. Блум предлагает в самом новом уголовном законе указывать, какие законы отменены этим новым законом (См. М. Блум. Вопросы действия советского уголовного закона во времени. Уч. зап. Латвийск. гос. ун-та, 1962, т. 4, вып. 4, стр. 14).

² «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг.». М., Госюриздат, 1952, стр. 9—10.

если они не соединены с хищением государственного или общественного имущества подлежат квалификации по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР¹.

Приведенный пример показывает насколько важно для единообразного понимания и применения нового уголовного закона, чтобы непосредственно при его издании законодательным актом или Указом Президиума Верховного Совета СССР или союзной республики было определено, какие законы или указы отменяются или изменяются. Заметим еще, что разъяснение Пленума Верховного Суда СССР довольно неопределенно говорило, что данные законы «не подлежат применению», не указывая, утратили они силу или нет.

По нашему мнению, упомянутым постановлением от 22 августа 1947 г. также были неосновательно признаны не подлежащими применению ст. 17¹ Положения о преступлениях государственных (ст. 59³-а УК РСФСР 1926 г.) об ответственности за похищение оружия и боеприпасов при отягчающих обстоятельствах и воспроизводящие общесоюзный закон статьи УК союзных республик об ответственности за похищение оружия без отягчающих обстоятельств (ст. 166-а УК РСФСР 1926 г.).

Основным объектом этих преступлений являлась не социалистическая собственность, а общественная безопасность, поэтому и законы об ответственности за них должны были сохранить силу. Сейчас в ряде союзных республик соответствующие статьи включены в уголовные кодексы (ст. 223 УК Украинской ССР, ст. 203 УК Казахской ССР и др.).

Если же новый уголовный закон или другой нормативный акт не содержит указаний на отмену прежних законов, следует исходить из того, что позднейший уголовный закон, определяющий ответственность за такие же деяния, заменяет более ранний закон по этому же вопросу и, следовательно, прежний закон по существу утрачивает силу.

Общесоюзный уголовный закон прекращает действие республиканских законов по тому же вопросу. Так, статьи УК союзных республик 1959—1961 гг. об ответ-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1954, № 4, стр. 8.

ственности за взяточничество утратили силу с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество»¹.

Когда прежний уголовный закон заменяется новым, моментом утраты силы прежним законом следует считать день введения в действие нового закона.

V. Уголовный закон может утратить силу без издания какого-либо нового нормативного акта, если он был издан на определенное время и это время истекло. В советском уголовном законодательстве уголовных законов с определенным календарным сроком действия не издавалось. В буржуазных государствах издание таких уголовных законов на определенный срок, особенно в порядке чрезвычайных полномочий, полученных правительством, встречается довольно часто.

В советской юридической литературе к числу законов с ограниченным во времени действием нередко относят законы и указы, определяющие уголовную ответственность за деяния, совершенные в военное время.

М. Д. Шаргородский² и И. И. Солодкин³ считают, что эти уголовные законы или статьи уголовных законов, вступив в силу, не действуют до наступления особых, указанных в законе обстоятельств и теряют силу с устранением этих обстоятельств и условий, а Я. М. Браинин⁴ утверждает, что в советском уголовном законодательстве имеются законы, действующие только в период военного времени, как например, ст. 56²⁰ УК Украинской ССР 1927 г. (теперь ст. 74 УК Украинской ССР).

Указанные авторы смешивают действие уголовного закона и возможность совершения деяния, признаки которого предусмотрены этими законами. Уголовный закон действует непрерывно с момента вступления в силу и до отмены или признания в установленном порядке утратившим силу. Поэтому уголовные законы, предусматривающие в качестве признака состава пре-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1962, № 8.

² См. М. Д. Шаргородский Уголовный закон, стр. 232

³ «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 172.

⁴ См. Я. М. Браинин. Советское уголовное право. Общая часть, вып. 1, стр. 163.

ступления или в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение деяния в военное время, действуют и в мирное время.

Если, например, виновный был осужден по одному из таких законов в военное время, то в мирное время пересмотр дела или смягчение наказания осуществляются на основе этого же закона. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 сентября 1945 г. правильно говорил не об утрате силы названными уголовными законами, а о их неприменении в мирное время. Преступления, состав которых включает в качестве признака объективной стороны военное время, не могли быть совершены в мирное время.

Если бы возникло состояние военного времени, это не означало бы, что названные законы вновь получили силу, как полагают некоторые авторы. Законы стали бы применяться, поскольку могли быть совершены деяния, содержащие составы преступлений, в которых в качестве признака объективной стороны преступления указано военное время.

Наконец, фактическое прекращение действия уголовного закона может иметь место, когда более не существуют те отношения, при наличии которых возможно было совершение преступления, предусмотренного данным уголовным законом или его отдельной статьей. Ст. 186 УК РСФСР 1926 г., предусматривавшая уголовную ответственность за нарушения правил о гербовом сборе, формально утратила силу вместе с УК РСФСР 1926 г. с 1 января 1961 г., а фактически — в 1930 г. с отменой гербового сбора¹.

§ 3. Время совершения преступления

I. Уголовный закон применяется в отношении деяния, совершенного в период от введения закона в действие до утраты им силы. Если преступное деяние начато и окончено за время действия данного уголовного закона, то вопрос о применении этого уголовного закона не вызывает каких-либо осложнений. Специфические вопросы возникают, когда действие или бездействие со-

¹ СЗ СССР 1930 г., № 46, ст. 476.

вершены при сохранении силы за прежним законом, а результат, например смерть потерпевшего, наступил уже при действии нового закона. Подобные же вопросы возникают и в отношении дящихся или продолжаемых преступлений, ответственности соучастников и т. д.

Как и при определении места совершения преступления, моментом совершения преступления надо признать наличие всех признаков объективной стороны состава данного преступления в деянии виновного.

Следовательно, когда закон связывает момент окончания преступления только с совершением действия или бездействия, то в случае их совершения до утраты силы прежним уголовным законом, преступление считается совершенным в период действия прежнего закона. В подобных случаях не имеет значения для решения рассматриваемого вопроса, что общественно опасные последствия наступили при действии нового уголовного закона.

Например, если заведомо ложный донос о совершении преступления, сделанный в 1960 г., повлек тяжкие последствия для потерпевшего уже после вступления в силу УК РСФСР 1960 г., т. е. после 1 января 1961 г., то преступление все же следует считать совершенным при действии УК РСФСР 1926 г. (ст. 95 УК РСФСР 1926 г.).

Если же состав преступления включает в качестве признака объективной стороны деяния наступление общественно опасных последствий, то преступление надо считать совершенным тогда, когда эти последствия наступили.

Если преступление по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, не было доведено до конца и, следовательно, было совершено покушение или приготовление, преступное деяние следует считать совершенным тогда, когда имела место неудача попытки довести преступление до конца.

М. Н. Блум полагает, что если последствие входит в объективную сторону состава, временем совершения является последнее действие, повлекшее последствие, так как виновный уже не может изменить последствия¹. Таково же мнение авторов Научно-практического ком-

¹ См М Блум Вопросы действия уголовного закона во времени «Уч зап Латвийск гос ун-та», 1962, т. 4, вып 4, стр. 18.

ментария УК РСФСР, изданного в 1964 г.¹, а также С. Г. Келиной²

С мнением названных авторов нельзя согласиться. Последствие и есть воплощение действия (или бездействия) в объективном мире, конечный результат его развития. Наступление результата при материальных составах обязательный и очень важный признак объективной стороны.

Неосновательно мнение, что лицо не может изменить последствия. Поскольку имеется промежуток времени между последним действием и последствием, то после опубликования нового, более сурового закона и до дня введения его в действие виновный может в большинстве случаев предотвратить общественно опасные последствия своего деяния, совершенного при действии прежнего закона.

Таким образом, если действие или бездействие совершено при прежнем законе, а последствия, образующие признак состава преступления, наступили при действии нового хотя бы и более сурового закона, то, по нашему мнению, в принципе применяется новый закон. Лишь в тех случаях, когда лицо при неосторожных деяниях не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и потому лишено было возможности их предотвратить до вступления в силу нового закона, а также когда предотвращение последствий до введения в действие нового закона было объективно невозможно, по нашему мнению, следует определять ответственность по ранее действовавшему менее суровому закону.

II. Существенное значение имеет вопрос о времени совершения преступления соучастниками преступления — соисполнителями, организаторами, подстрекателями, пособниками. Некоторые авторы считают, что для каждого соучастника момент совершения преступления определяется окончанием его собственных действий, а не моментом совершения преступления исполнителем. Так, по мнению М. И. Блум, для организатора — это время совершения другими участниками всех действий, приведших к результату, для подстрекателя — момент,

¹ «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», стр. 11

² См. С. Г. Келина Советский уголовный закон, стр. 33

когда он склонил исполнителя, для пособника — совершение действия, способствующего преступлению. Однако если виновный сознавал, что действия исполнителя будут совершены при действии нового закона, то он подлежит ответственности по новому закону¹.

Авторы Научно-практического комментария УК РСФСР полагают, что если деяние выразилось в организаторской деятельности, подстрекательстве, пособничестве, то оно считается совершенным в момент выполнения соответствующих действий, независимо от того, когда совершено преступление исполнителем².

Это неверно. Ст. 17 Основ говорит о соучастии как о совместном умышленном участии в совершении преступления. В отношении организаторов, подстрекателей, пособников момент совершения преступления определяется действиями исполнителя³, а не действиями названных соучастников по созданию условий для совершения преступления.

Действия организатора, подстрекателя, пособника не имеют самостоятельного значения и непосредственно не причиняют вреда объекту, они воплощаются в действиях исполнителя. При этом у соучастников имеется возможность после опубликования, но до вступления в силу нового более сурового закона предотвратить совершение преступления, а у пособника большей частью, кроме того, возможность устранить совершенное пособничество, например отобрать данное исполнителю оружие; лицу, заранее обещавшему укрыть преступление, достаточно сообщить об отказе от своего обещания и т. д.

Поэтому моментом совершения преступления для соучастников следует признать момент совершения преступления исполнителем. Заранее обещанное укрывательство, как вид пособничества, признается (ст. 18 Основ) оконченным тогда, когда исполнитель, получив обещание укрыть преступление, совершит это преступление. Позднейшие действия по реальному сокрытию преступника, следов преступления, предметов, добытых

¹ См. М. Блум. Вопросы действия советского уголовного закона во времени, стр. 19.

² «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», стр. 11.

³ «Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», Свердловск, 1964, стр. 7.

преступлением, не создают новых оснований уголовной ответственности. Следовательно, если обещание укрыть было дано и преступление было совершено до издания нового более сурового закона, а реальное укрывательство уже совершенного преступления — после его издания, укрыватель, как и исполнитель, подлежит ответственности по прежнему уголовному закону.

Заранее не обещанное укрывательство по действующему уголовному законодательству как самостоятельное преступление (ст. 88², ст. 189 УК РСФСР) подпадает под действие закона, имеющего силу в момент совершения укрывательства. Поскольку укрывательство большей частью есть делящееся преступление, к нему относятся и все особенности действия уголовных законов в отношении делящихся преступлений.

III. Делящиеся преступления подпадают под действие нового закона в том случае, если непрерывное осуществление состава преступления длится и после введения в действие нового уголовного закона.

Продолжаемое преступление характеризуется тем, что виновный последовательно при единстве умысла совершает несколько или даже множество одинаковых или однородных действий или актов бездействия, посягающих на один и тот же объект, которые в целом составляют одно преступление, а не ряд преступлений. Таковы, например, систематическое обвешивание покупателей продавцом, систематическое хищение вверенного государственного или общественного имущества каждый раз небольшими суммами и т. д.

Продолжаемое преступление не осуществляется непрерывно в отличие от делящегося, а состоит из отдельных, разъединенных во времени действий, каждое из которых содержит признаки состава данного преступления. В целом же продолжаемое преступление — одно преступление.

Однако продолжаемое преступление может по характеру и степени общественной опасности весьма существенно отличаться от каждого звена, взятого в отдельности. Например, продолжаемое хищение, совершаемое каждый раз мелкими суммами, в целом может образовать по размерам похищенного хищение в крупных и даже особо крупных размерах и соответственно должно квалифицироваться и наказываться.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 марта 1929 г., дополненном постановлением от 14 марта 1963 г., разъяснил, что по продолжаемым преступлениям амнистия применяется, если они вполне закончены до издания амнистии и не применяется, если хотя бы одно из преступных действий, образующих продолжаемое деяние, совершено было после издания акта амнистии¹.

Отправляясь от смысла этого разъяснения, которое рассматривает все длящееся или продолжаемое преступление как одно целое, следует признать, что длящееся преступление, которое осуществлялось и после издания нового уголовного закона, равно как и продолжаемое преступление, из которого хотя бы одно действие учинено после введения в действие нового уголовного закона, следует рассматривать как совершенные при действии этого нового закона.

§ 4. Обратная сила советского уголовного закона

1. Под обратной силой уголовного закона следует понимать распространение нового уголовного закона на деяния, совершенные до его вступления в силу. Проблема обратной силы уголовного закона имеет много специфических особенностей в сравнении с обратной силой законов из других отраслей права, в частности уголовно-процессуальных законов, законов, относящихся к области гражданского права и др.².

Общий принцип обратного действия уголовного закона кратко, но четко выражен в ст. 6 Основ, воспринятой без изменений во всех УК союзных республик (ранее он в другой редакции был выражен в ст. 3 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик).

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг», М., Госюриздат, 1964, стр. 188—190.

² А. А. Тилле верно отмечает, что ни одна отрасль права не имеет такой специфики действия закона во времени, как уголовное право (см. А. А. Тилле *Время, пространство, закон* М., «Юридическая литература», 1965, стр. 62). А. А. Тилле связывает это с тем, что уголовное право имеет дело с однородными четко ограниченными во времени деяниями. По нашему мнению, это в первую очередь определяется тем, что советское уголовное право имеет дело с четко определенной областью общественно опасных деяний, чем существенно отличается от других отраслей права.

лик 1924 г.¹ и в прежних УПК союзных республик). Закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, т. е. распространяется также на деяния, совершенные до его издания.

Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет.

В отличие от ранее действовавшего законодательства Основы 1958 г. определили само понятие обратной силы уголовного закона и специально упомянули о том, что более суровый закон не имеет обратной силы. Это положение вытекало и из формулировок, ранее действовавших уголовно-процессуальных законов, но прямо не было выражено.

В отличие от уголовного закона новый уголовно-процессуальный закон всегда имеет обратную силу. М. А. Чельцов пишет, что не возникает вопроса об обратном действии более мягких или более суровых уголовно-процессуальных законов; каждый процессуальный закон направлен к улучшению хода процесса, к обеспечению достижения материальной истины, поэтому применение нового закона не ущемляет ничьих прав².

Б. А. Галкин считает, что с момента вступления в действие нового закона дела о совершенных до этого момента преступлениях рассматриваются по новому уголовно-процессуальному закону, кроме тех возможных случаев, когда новый закон сужает какое-либо процессуальное право граждан; в этом случае дело, начатое при прежнем законе, продолжается с сохранением, по общему правилу, этого права³.

Толкование закона, даваемое законодателем, означает общеобязательное определение действительного смысла закона. Следовательно, это толкование закона имеет силу в любых случаях применения уголовного закона, в частности и тогда, когда преступление совершено до издания акта, содержащего толкование уголовного закона⁴.

¹ СЗ СССР 1924 г., № 24, ст. 206.

² См. М. А. Чельцов Уголовный процесс, стр. 28

³ См. Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. М., Госюриздат, 1962, стр. 72.

⁴ См. М. Д. Шаргородский Уголовный закон, стр. 230.

Толкование уголовного закона, даваемое в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов Верховных Судов союзных республик, как содержащее правильное понимание закона и не создающее новой нормы, применяется и в отношении деяний, совершенных до издания этого разъяснения¹.

Ст. 6 Основ, как уже говорилось, содержит прямое указание на то, что закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет. Это положение базируется на принципах социалистического гуманизма. Советский уголовный закон прежде всего преследует цель предупреждения преступлений и воспитания граждан в духе борьбы с преступлениями. Наказуемость деяния может иметь место тогда, когда опубликованный закон уже признал деяние преступным и предупредил об уголовной наказуемости за его совершение, но это не подействовало должным образом на данного субъекта.

На этом же принципе в основном базируется исключение обратной силы закона, усиливающего наказуемость деяния.

Авторы Комментария к Основам пишут, что в редких случаях придание обратной силы новому более суровому уголовному закону может иметь место и при действии ст. 6 Основ подобно тому, как иногда специальным указанием в определенных пределах не придается обратная сила новому закону, смягчающему наказание².

Однако поскольку общая норма закона не допускает обратной силы более сурового закона, придание ему такой силы возможно также лишь в силу закона; об этом должно быть сказано или в самом новом уголовном законе, или же в специальном нормативном акте.

В истории советского уголовного законодательства обратная сила новому более суровому уголовному зако-

¹ Следует согласиться с А. А. Тилле, что разъяснение закона не должно, однако, вести к пересмотру вступивших в законную силу приговоров (А. А. Тилле. Ук. соч., стр. 53). Полагаем, однако, что это возможно, если в самом толковании закона, даваемом Президиумом Верховного Совета СССР или союзной республики, содержится указание

² «Научно-практический Комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». М., Госюриздат, 1960, стр. 24.

ну придавалась лишь в очень редких случаях. Например, декретом ВЦИК от 19 октября 1922 г.¹ была придана обратная сила ст. ст. 114 и 114¹ УК РСФСР 1922 г. в редакции, установленной законом от 9 октября 1922 г., которым в свете указаний В. И. Ленина о борьбе со взяточничеством были существенно усилены наказания за это преступление.

Постановлением ВЦИК от 24 мая 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» установлено, что «Уголовный кодекс применяется по отношению ко всем преступным деяниям, не рассмотренным в судебном порядке до введения его в действие»².

Это постановление не означало установления наказуемости какого-либо деяния, не подлежащего уголовной ответственности в период 1917—1922 г. Все предусмотренные УК РСФСР 1922 г. деяния, если бы они были совершены до введения УК в действие, могли бы на основании существовавших законов и сложившейся судебной практики повлечь уголовное наказание. Наказания по УК РСФСР 1922 г. не были более суровыми, чем возможные наказания, которые могли быть применены по ранее действовавшему уголовному законодательству.

Обратная сила более сурового закона распространялась путем специального указания в отдельных законах лишь на усиление наказания, а не на признание преступным и наказуемым деяния, которое не было таким в момент совершения.

Исключением являлось признание преступными и сурово наказуемыми активных действий или активной борьбы против рабочего класса и революционного движения на ответственной или секретной должности при царском строе.

Эти тягчайшие злодеяния сурово карались с первых же дней Советской власти. Так, по приговору Революционного Трибунала в 1918 г. был расстрелян гнусный провокатор Малиновский³. Названные преступления карались по ст. 67 УК РСФСР 1922 г., а затем по ст. 13 Поло-

¹ СУ РСФСР 1922 г., № 65, ст. 852.

² СУ РСФСР 1922 г., № 15, ст. 153.

³ См. Н. В. Крыленко. Судебные речи. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 22—38.

жения о преступлениях государственных 1927 г. (ст. 58¹³ УК РСФСР 1926 г.).

Указание на обратную силу этих статей закона выражено в названных статьях путем упоминания о действиях, совершенных при царизме.

В отношении всех уголовных законов, устанавливающих вновь или усиливающих ответственность, если не было оговорки об обратном действии, судебная практика неизменно отвергала такое действие. Верховный Суд СССР признал неправильным осуждение лица, виновного в нанесении умышленного тяжкого телесного повреждения, по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 г., так как преступление совершено при действии УК РСФСР 1926 г., а ст. 108 нового УК усиливает наказание за это преступление в сравнении с ч. 2 ст. 142 УК РСФСР 1926 г.¹

Если новый уголовный закон усиливает или устанавливает уголовное наказание в отношении лиц, которые ранее совершили преступление, или же были судимы или подвергались административному взысканию, и именно по этому признаку, то это не означает, что учитываются лишь те судимости или административные взыскания, которые имели место после введения в действие нового закона².

По ч. 3 ст. 154 УК РСФСР в редакции Закона РСФСР от 25 июля 1962 г. наказывается мелкая спекуляция, совершенная лицом, ранее совершившим спекуляцию; до издания этого закона по ч. 3 ст. 154 УК подлежало ответственности лицо, повторно совершившее также мелкую спекуляцию. Лицо, которое, имея судимость за спекуляцию (не мелкую), совершенную до издания закона от 25 июля 1962 г., совершило мелкую спекуляцию после издания этого закона, подлежит ответственности по ч. 3 ст. 154 УК РСФСР.

По ч. 1 ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности

¹ «Советская юстиция», 1961, № 9, стр. 29.

² Правильные соображения на этот счет высказаны в статьях: В. Кудрявцев. Обратная сила нового Уголовного кодекса. «Советская юстиция», 1961, № 3, стр. 4; А. Сахаров. Ответственность за деяния, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РСФСР. «Социалистическая законность», 1961, № 6, стр. 24.

за хулиганство» подлежит уголовной ответственности за мелкое хулиганство лицо, совершившее это деяние, если к нему в течение года хотя бы один раз было применено административное воздействие за мелкое хулиганство. По действовавшей ранее ч. 3 ст. 206 УК РСФСР в редакции 1960 г. лицо, совершившее мелкое хулиганство, подлежало уголовной ответственности, если к нему дважды в течение года применялись меры общественного или административного взыскания за мелкое хулиганство.

Если после издания Указа от 26 июля 1966 г. мелкое хулиганство совершено лицом, которое в течение года, до этого и до издания Указа один раз подвергалось мерам административного воздействия за хулиганство, оно могло бы подлежать ответственности по ч. 1 ст. 9 Указа, если бы санкция оставалась неизменной. Однако Указ от 26 июля усилил наказание за уголовно наказуемое мелкое хулиганство. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил 3 декабря 1966 г., что по ч. 1 ст. 9 Указа подлежат ответственности за мелкое хулиганство лица, которые были привлечены к административной ответственности за мелкое хулиганство лишь после издания Указа и затем вновь совершили мелкое хулиганство¹.

При признании лица по приговору суда особо опасным рецидивистом суд учитывает (прим. I к ст. 24 УК РСФСР) судимости, имевшие место и до введения нового УК в действие (кроме случаев, указанных в самом законе), признание же особо опасным рецидивистом по приговору суда возможно лишь при совершении нового, указанного в этом примечании преступления после вступления нового УК в действие.

Закон, устраняющий или смягчающий наказуемость, всегда имеет обратную силу и лишь очень редко, при наличии специального изъятия в уголовном законе ему не придается обратной силы. Признание обратной силы такого закона вытекает из принципов социалистического гуманизма и из целей наказания по советскому праву, в которых выражены эти принципы.

Если законодатель устанавливает, что в отношении преступлений, которые будут совершены после издания

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 6.

нового закона, для достижения целей наказания достаточно вновь установленного, менее сурового наказания, то, по общему правилу, нет оснований оставлять прежнее, более суровое наказание лицам, которые совершили преступления при действии прежнего, более сурового закона, были осуждены, но или совсем еще не отбывали наказания, либо не отбыли его полностью, или же вообще еще не были осуждены до введения в действие нового, более мягкого закона.

Исходя из ст. 3 Основ 1958 г. нет оснований для сохранения наказания и отбывания его лицами, совершившими деяние, которые перестали быть преступными. Эти деяния перестали быть уголовно-противоправными, предусмотренными уголовным законом, поэтому отпадают основания для применения наказания к виновным в этих преступлениях или для продолжения отбывания ими наказания.

Таким образом, если новый уголовный закон исключает преступность и наказуемость деяния, то он, безусловно, имеет силу в отношении совершенных до введения его в действие деяний, по которым наказание не было применено или не было отбыто полностью.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 г. «О порядке введения в действие Основ уголовного законодательства, уголовного судопроизводства и законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления»¹ были освобождены от наказания со снятием судимости лица, осужденные за деяния, которые перестали быть преступными и наказуемыми по новому законодательству, а также лица, совершившие преступления в возрасте до 14 лет (поскольку Основы 1958 г. повысили с 12 до 14 лет минимальный возраст, начиная с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности), и лица, совершившие до введения Основ в действие в возрасте от 14 до 16 лет преступления, не перечисленные в ст. 10 Основ в качестве деяний, по которым возможна ответственность с четырнадцатилетнего возраста.

Указы президиумов верховных советов союзных республик о порядке введения в действие УК 1959—1961 гг. также содержат указание об освобождении от

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 7, ст. 60

наказания со снятием судимости лиц, совершивших деяния, которые по новому УК не включены в число преступных и уголовно-наказуемых¹.

Освобождение от уголовной ответственности и наказания в случаях исключения законом деяния из числа преступных существенно отличается от освобождения от наказания по амнистии, так как в последнем случае само деяние остается преступным и наказуемым и лица, совершившие его после издания акта амнистии подлежат действию уголовного закона. В новом законе может быть исключен целый состав преступления, например по УК РСФСР 1960 г. не предусмотрена уголовная ответственность за дискредитирование власти (ст. 113 УК РСФСР 1926 г.), за присвоение личного имущества граждан (ст. 168 УК 1926 г.). Может быть также сужен состав преступления, вследствие чего многие виды деяний перестают быть преступными. Например, хранение холодного оружия, наказывавшееся наряду с его ношением, изготовлением и сбытом (ст. 182 УК РСФСР 1926 г.) по УК РСФСР 1960 г. перестало быть уголовно-наказуемым деянием².

Закон, исключаящий уголовную ответственность, может относиться как к Особенной, так и к Общей частям советского уголовного права. Признание заранее не обещанного укрывательства не соучастием, а самостоятельным преступлением, означало исключение преступности и наказуемости тех случаев совершенного до издания Основ 1958 г. или УК союзной республики 1959—1961 гг. укрывательства, которое по этим законам не является самостоятельным преступлением.

Обратная сила нового уголовного закона в отношении деяний, наказуемость которых смягчена, означает снижение назначенного размера наказания до высшего предела, установленного за данное преступление статьей нового уголовного закона, а если в ней предусмотрено лишь более мягкое наказание, то переход к этой мере наказания. Если новый закон снижает высший предел какого-либо вида наказания, то, по общему правилу,

¹ См., например, «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 2, ст. 7.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Кадоркина. «Советская юстиция», 1961, № 5, стр. 31.

назначенное наказание этого вида, превышающее новый предел, снижается до него.

Основы 1958 г. установили вместо 25-летнего — максимальный 15-летний, а для совершивших преступление в возрасте до 18 лет — 10-летний срок лишения свободы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 г. было предложено снизить срок лишения свободы, превышающий 15 лет, до этого предела, а в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет, снизить лишение свободы, превышающее 10 лет, до этого срока. Кроме того, было предложено сократить срок ссылки до 5 лет, ибо таков высший предел ссылки по Основам, тогда как по ранее действовавшему уголовному законодательству ссылка в качестве основной меры наказания могла назначаться на срок до 10 лет.

Тем же Указом высший предел удержаний из заработка лиц, осужденных к исправительным работам без лишения свободы, было предложено в соответствии со ст. 25 Основ снизить до 20%, если он превышал этот предел.

Законом от 25 декабря 1958 г. «Об отмене лишения избирательных прав по суду»¹ было предписано освободить от этого наказания всех лиц, осужденных к лишению избирательных прав.

Признание нового уголовного закона более мягким или более суровым в ряде случаев сопряжено с затруднениями.

В общих чертах можно сказать, что если новый закон предусматривает более строгий вид наказания, то, следовательно, он усиливает наказание и потому не имеет обратной силы и наоборот².

Если максимальный предел наиболее строгого наказания, указанного в санкции статьи, меньше, чем максимальный предел такого же наказания по ранее действовавшему уголовному законодательству, то следует

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 1, ст. 7.

² При определении сравнительной тяжести различных видов наказания следует в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. исходить из порядка, в котором перечислены наказания в ст. 21 Основ и в УК союзных республик («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», стр. 225).

считать, что новый закон смягчает наказуемость и, следовательно, имеет обратную силу. Если в ранее действовавшем уголовном законе было указано дополнительное наказание, а в новом законе такого наказания нет, то при одинаковом высшем и низшем пределе основного наказания новый закон надо признать смягчающим наказание, и наоборот. Если при одинаковом максимальном сроке различается минимальный срок наказания, то сравнительная тяжесть преступлений определяется в соответствии с последним. При более высоком минимальном сроке или размере наказания оно признается более тяжелым¹.

В связи с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 октября 1964 г. по делу Фейгина² в юридической литературе обсуждался вопрос о действии так называемых промежуточных законов.

Дача — получение взятки и посредничество во взяточничестве были совершены при действии ст. ст. 207—208 УК Белорусской ССР 1928 г. С 1961 г. был введен в действие УК БССР 1960 г., которым было установлено более мягкое наказание; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. установил более суровые наказания.

Пленум Верховного Суда отклонил применение ст. 170 УК Белорусской ССР в редакции 1960 года (т. е. более мягкого закона) на том основании, что в момент осуждения этот закон уже не действовал, а действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. Поэтому действия посредника Ф.-на были квалифицированы по п. «б» ст. 208 УК БССР

¹ М. И. Блум полагает, что более мягкий закон — это закон с более низким минимальным сроком, хотя бы одновременно был псвышен максимальный срок, и потому, если увеличен минимальный срок, но снижен максимум, то суд применяет старый закон (см. М. И. Блум Вопросы действия советского уголовного закона во времени «Уч. зап. Латвийск. гос. ун-та», 1962, т. 44, вып. 4, стр. 34). Даже при отсутствии минимального срока суд может назначить любое наказание в пределах санкции, но не может выйти за ее высший предел, тогда как наказание ниже низшего предела, указанного в санкции, суд в случаях, указанных в ст. 37 Основ (ст. 43 УК РСФСР), назначить может. Прав И. И. Солодкин, считающий, что сопоставлять законы надо по высшему, а не низшему пределу их санкции («Советское уголовное право. Часть Общая». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 174).

² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 2.

1928 г., взятодателей по п. «б», а действия посредника по ч. 1 ст. 169¹ УК БССР в редакции 1962 г.

Это постановление оспаривается в статьях Л. Зайцева, И. Тишкевича, И. Горелика «Действуют ли промежуточные законы?»¹ и А. А. Тилле². Основной их довод, что если бы преступление было раскрыто и приговор вынесен при действии статей УК БССР об ответственности за взяточничество в редакции 1960 г., то они были бы, как более мягкий закон, применены. Нет оснований ставить квалификацию преступления и размер наказания в зависимость от того своевременно или с опозданием раскрыто преступление. Если преступление раскрыто очень поздно, как в данном случае, то это во всяком случае не может служить основанием для усиления виновному наказания. Следует согласиться с выводами названных авторов, что «промежуточный закон», смягчающий наказание подлежит применению, хотя бы в момент осуждения он был уже заменен более суровым законом.

При сопоставлении санкций возникает множество конкретных вопросов, разрешаемых применительно к данному законодательному акту.

Так, при введении в действие УК РСФСР 1926 г. Народным комиссариатом юстиции и Верховным Судом РСФСР были даны подробные указания об обратной силе нового УК в совместном директивном письме по применению УК РСФСР редакции 1926 г.³

Снижение наказания, если последнее уже было назначено при действии прежнего уголовного закона, производится при обратной силе нового более мягкого закона до максимального предела, установленного статьей нового закона, если нет указаний в нем или отдельном указе о другом порядке снижения наказания или неприменении такого снижения. Поскольку суд, переквалифицируя деяние на статью нового уголовного закона, не рассматривает дело по существу, он лишен возможности назначить иное наказание, кроме максимального, предусмотренного новым более мягким законом, если нет специального указания закона на этот счет.

¹ «Советская юстиция», 1966, № 1.

² «Советское государство и право», 1966, № 3.

³ «Судебная практика РСФСР», 1927, № 1.

Закон «Об утверждении законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления» от 25 декабря 1958 г., а также Указы Президиумов Верховных Советов союзных республик о порядке введения уголовных кодексов 1959—1961 гг. содержали указание о снижении наказания при обратной силе новых уголовных законов до максимального предела или размера наказания, установленного статьей нового уголовного закона.

Закон «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря 1958 г. установил изъятие из действия ст. 6 Основ об обратном действии закона смягчающего уголовную ответственность.

Согласно ст. 2 названного закона статья 23 Основ в части установления более кратких (не свыше 15 лет вместо 25 лет) максимальных сроков лишения свободы за наиболее тяжкие преступления не распространялось на лиц, осужденных до издания Основ за особо опасные государственные преступления, предусмотренные Законом об уголовной ответственности за государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах и разбой. Это положение воспринято и в УК союзных республик, изданных в 1959—1961 гг.

Под осужденными за эти преступления до издания Основ следует понимать осужденных, приговор о которых вступил в законную силу до введения в действие Основ 1958 г., т. е. до 6 января 1959 г.

Изъятие из действия Основ, установленное Законом от 25 декабря 1958 г., вызвано большой общественной опасностью перечисленных преступлений и преступников. Законодатель признал нецелесообразным безусловное снижение наказания этим осужденным в силу одного лишь факта изменения уголовного закона.

Однако с учетом характера и тяжести преступления, личности осужденного, если он твердо встал на путь исправления и доказал это примерным поведением и добросовестным отношением к труду, по отбытии не менее половины назначенного срока возможно снижение срока лишения свободы, назначенного осужденным за эти преступления, до пределов, указанных в ст. 23 Основ.

Таким образом, в этих случаях снижение наказания может производиться в индивидуальном порядке

При издании и введении в действие УК ряда союзных республик 1959—1961 гг. такое же изъятие из нормы об обратной силе нового более мягкого уголовного закона с санкции Президиума Верховного Совета СССР было сделано в отношении некоторых других категорий наиболее опасных преступников, главным образом особо опасных рецидивистов, если приговоры вступили в силу до введения в действие данного УК¹.

В связи с введением состава грабежа в новые УК в судебной практике нормы о неприменении нового более мягкого наказания к лицам, осужденным за перечисленные выше преступления до введения Основ, а затем и УК РСФСР в действие, нередко понимались в том смысле, что если даже деяние, ранее признававшееся разбоем, теперь признается грабежом, переквалификации не должно производиться².

Многие авторы придерживаются того же мнения в отношении приговоров, вступивших в законную силу. Так, М. Д. Шаргородский, И. И. Солодкин считали, что в отношении приговоров, вступивших в законную силу, изменения могут быть внесены только органами законодательной власти³. Таково же мнение авторов Комментария к УК РСФСР, изданного Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности⁴. М. И. Блум считает, что ст. 6 Основ имеет в виду обратную силу более мягкого уголовного закона только в отношении деяний, приговор о которых не вступил в законную силу⁵. Авторы Комментария к УК РСФСР, изданного Свердловским юридическим институтом, утверждают, что лицо продолжает считаться осужденным за разбой и в том случае, когда согласно УК РСФСР 1960 г. совершенное им до 1 янва-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 4, ст. 36

² «Советская юстиция», 1961, № 5, стр. 9, № 10, стр. 29

³ См. М. Д. Шаргородский Уголовный закон, стр. 226, «Советское уголовное право Часть Общая» Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 174, А. А. Тилле, ук соч., стр. 72

⁴ «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», стр. 14

⁵ См. М. И. Блум Вопросы действия советского уголовного закона во времени «Уч зап Латвийск гос ун та», 1962, т. 4, вып. 4, стр. 37.

ря 1961 г. деяние признается грабежом. Если приговор вступил в силу до 1 января 1961 г., то мера наказания и квалификация остаются без изменений¹.

Однако с мнениями указанных авторов нельзя согласиться. Если закон признает данное деяние менее общественно опасным и уже не подпадающим под признаки того преступления, за которое виновный был осужден и в отношении которого установлено изъятие из действия нового более мягкого закона, то независимо от того, вступил или не вступил приговор в законную силу, отбывающий наказание должен рассматриваться как совершивший такое преступление, каким по действующему сейчас закону является его деяние.

В учебнике *Общей части уголовного права* автор этих строк утверждал, что в соответствии со ст. 6 Основ, если наказание по новому закону смягчается и если оно осужденным еще не отбыто, деяние переqualифицируется на статьи нового уголовного закона². В. Н. Кудрявцев обстоятельно и убедительно аргументировал тезис, что правило ст. 6 Основ об обратной силе закона, устраняющего или смягчающего наказуемость деяния, действует на всех стадиях процесса и распространяется также на деяния лица, уже осужденного и отбывающего наказание по старому закону. Было бы несправедливостью, писал В. Н. Кудрявцев, не только задерживать в местах лишения свободы тех, чьи деяния в настоящее время признаны ненаказуемыми или наказуемыми более мягкими мерами, но и оставлять прежнюю оценку преступлений со всеми вытекающими отсюда последствиями, если она изменилась по новому закону. Поэтому с введением в действие новых уголовных кодексов союзных республик следовало бы соответственно изменять не только меры наказания, но и квалификацию преступлений³.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 22 декабря 1964 г. «О судебной практике по применению ст. 2 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об ут-

¹ «Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», стр. 137.

² «Советское уголовное право. Часть Общая». М., Госюриздат, 1962, стр. 55.

³ См. В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, 225; см. также рецензию на эту книгу Н. Д. Дурманова («Советское государство и право», 1964, № 3).

верждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»¹ вполне правильно, в точном соответствии с духом ст. ст. 6, 7 и 20 Основ разрешил этот вопрос.

Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что установленные названным законом и законами о мероприятиях, связанных с введением в действие новых УК и УПК союзных республик, ограничения в части смягчения наказания осужденным за особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного и общественного имущества в крупных размерах и разбой, распространяются на лиц, преступные деяния которых и по новому законодательству квалифицируются по статьям об ответственности за перечисленные преступления, и не относятся к осужденным, отбывающим наказание за преступления, которые по действующему законодательству не относятся к числу перечисленных в ст. 2 Закона от 25 декабря 1958 г.

В частности, ст. 2 Закона не распространяется на осужденных за разбой, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или угрозой применения такого насилия, если это деяние по нормам действующего уголовного законодательства рассматривается как грабеж (ст. ст. 90 и 145 УК РСФСР 1960 г. и соответствующие статьи УК других союзных республик); постановление Пленума Верховного Суда СССР перечисляет и все другие подобные преступления.

Деяствия лиц, отбывающих наказание за эти преступления, подлежат, как указывается в этом постановлении, переквалификации на соответствующие статьи действующего уголовного законодательства со снижением наказания до максимальных пределов, указанных в этих нормах. Однако при этом срок наказания не может быть выше установленного в приговоре суда.

Разумеется, снижение наказания не применяется, когда согласно законам о введении в действие УК союзных республик оно не распространяется на особо опасных рецидивистов и на лиц, которые во время отбывания наказания не встали на путь исправления.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1.

§ 5. Действие во времени уголовных законов или статей уголовных законов о давности, погашении и снятии судимости, досрочном освобождении

Особого рассмотрения заслуживают вопросы об обратной силе уголовных законов или статей уголовных законов о давности, погашении и снятии судимости, условно-досрочном и досрочном освобождении от наказания.

Эти нормы уголовного закона не подпадают под признаки уголовных законов, о которых говорит ст. 6 Основ. Статьи о давности, условно-досрочном и ином досрочном освобождении, погашении судимости не определяют преступности и наказуемости деяния, новые законы не смягчают ее и не усиливают¹.

Статьи о давности (о чем упоминалось в § 1 главы I), как и об амнистии, близки к нормам уголовно-процессуального права². Нормы о давности говорят о непривлечении к уголовной ответственности при истечении определенных сроков (ст. 41 Основ) и о неприведении приговора в исполнение (ст. 42). Близость этих норм к уголовно-процессуальному праву подтверждается и тем, что если истечение давности будет обнаружено в стадии судебного разбирательства, то суд выносит обвинитель-

¹ § 16 ч. 1 УК ЧССР говорит об обратной силе позднейшего закона, когда последний определяет наказуемость, более благоприятную для виновного. Часть 2 § 3 УК ВНР устанавливает, что если во время рассмотрения дела о преступлении действует новый уголовный закон, по которому деяние уже не является преступлением или подлежит более мягкому наказанию, то должен применяться этот новый закон. Таким образом, обратную силу по этому УК имеет закон, исключающий преступность либо смягчающий наказуемость деяния. Часть 2 ст. 90 УК СФРЮ устанавливает в более общей форме, что новый уголовный закон применяется также к деяниям, совершенным до его вступления в силу, если он более мягок по отношению к лицу, совершившему преступления, т. е. этот УК, как и УК ЧССР, не ограничивает обратную силу нового закона лишь случаями исключения или смягчения наказуемости деяния.

² Б. А. Галкин, касаясь общности многих институтов и понятий уголовного и уголовно-процессуального права, пишет, что давность и амнистия совмещают признаки уголовноправовые и процессуальные и что трудно решить вопрос об отнесении их к той или другой отрасли права (см. Б. А. Галкин. Единство Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В сб.: «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР». М., Госюриздат, 1959, стр. 114—115).

ный приговор по статье закона, предусматривающей совершенное преступление, но освобождает осужденного от наказания (ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР). Таким образом, нормы о давности исключают привлечение к уголовной ответственности и исполнение приговора, но не исключают преступности и (в принципе) наказуемости деяния.

Поэтому установление в новом уголовном законе более длительных сроков давности или включение новых условий, прерывающих давность, не означает усиления наказания. И следовательно нормы о давности, как и нормы уголовно-процессуального законодательства, всегда имеют обратную силу¹.

Нормы о погашении и снятии судимости не имеют никакого отношения к преступности и наказуемости данного деяния. Погашение судимости означает в рамках уголовного права, что в тех случаях, когда лицо вновь совершит преступление, то судимость, если она указана в законе в качестве отягчающего обстоятельства (например, по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР), не будет считаться таковым (см. примечание I к ст. 24 УК РСФСР). Следовательно, изменение статей о погашении и снятии судимости не означает усиления или смягчения наказания. Поэтому новый закон, изменяющий сроки и условия погашения и снятия судимости, применяется и в отношении деяний, совершенных до его издания; ст. 6 Основ не имеет отношения к этим случаям.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 г. о порядке введения в действие Основ уголовного законодательства и других законов распространил правила о давности привлечения к уголовной ответственности и давности исполнения обвинительного приговора, установленные ст. ст. 41 и 42 Основ на лиц, совершивших преступления до введения в действие Основ (ст. 9); ст. 10 Указа распространила и правила погашения и снятия судимости, установленные ст. 47 Основ на лиц, осужденных и отбывших наказание до введения в действие Основ.

¹ Однако если в новом законе установлено более суровое наказание за данное преступление, то давностные сроки в отношении такого преступления, совершенного до издания этого закона, по нашему мнению, должны в соответствии со ст. 6 Основ определяться исходя из высшего предела санкции прежнего закона.

Статьи об условно-досрочном и ином досрочном освобождении от наказания совершенно не связаны со ст 6 Основ¹. Освобождение от наказания представляет собой особое, основанное на принципах социалистического гуманизма изъятие из норм уголовного и уголовно-процессуальных законов, устанавливающих определенные наказания за совершение преступлений.

Такое освобождение осужденных является правом, а не обязанностью компетентных государственных органов, оно применяется потому, что цели наказания, о которых говорит ст. 20 Основ, признаются достигнутыми. Закон устанавливает обязательные условия досрочного и условно-досрочного освобождения, в частности отбытие определенной части срока, примерное поведение, добросовестное отношение к труду.

Установление в законе новых условий, сужение или расширение пределов условно-досрочного и досрочного освобождения, исключение досрочного освобождения для определенных категорий преступлений и преступников означает, что советский законодатель для достижения целей наказания считает необходимым сужение или, наоборот, расширение условно-досрочного освобождения, либо неприменение его в определенных пределах. Поэтому новый уголовный закон, сужающий применение условно-досрочного освобождения или замены оставшегося срока наказания более мягким или иного досрочного освобождения, или же устанавливающий неприменение досрочного освобождения к отдельным категориям осужденных, не может рассматриваться ни как закон, усиливающий наказание, ни как закон, смягчающий наказание. Если новый закон запрещает досрочное освобождение определенных категорий осуж-

¹ В учебнике *Общей части советского уголовного права*, изданном в 1962 г., автор данной книги писал, что статьи уголовного закона о досрочном освобождении во всех его видах, независимо от того, расширяют ли они или сужают либо прекращают применение такого освобождения, всегда имеют обратную силу. В этом случае не возникает вопроса о применении ст 6 Основ, так как статьи о давности, погашении судимости и досрочном освобождении касаются не преступности и наказуемости деяния, а условий привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора, либо правовых последствий осуждения или же освобождения от назначенного наказания («Советское уголовное право. Часть Общая». М., «Юридическая литература», 1962, стр. 54).

денных, это означает лишь то, что они отбывают полностью наказание, назначенное им по закону, действовавшему к моменту совершения преступления.

Из задач наказания вытекает, что если в момент рассмотрения дела о досрочном освобождении деяние осужденного по его фактическим признакам содержит признаки того преступления, к осужденным за которое закон в настоящее время запрещает применение условно-досрочного освобождения, то оно не может быть применено, хотя бы в статье закона, по которой был осужден в свое время виновный, преступление именовалось по-иному. Например, по Указу от 4 июня 1947 г. наиболее тяжким являлось хищение социалистического имущества в крупных размерах. Это понятие охватывало и особо крупные по размерам суммы похищенного.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. введен состав хищения в особо крупных размерах, причем исключено применение к осужденным за это преступление условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким¹. Представляется бесспорным, что противоречило бы этому Указу применение условно-досрочного освобождения или замена оставшегося наказания более мягким осужденному по Указу от 4 июня 1947 г. за такое хищение в крупных размерах, которое сейчас законодатель и судебная практика признают хищением в особо крупных размерах.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 декабря 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по применению законодательства о досрочном, условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким»² дал принципиальное, вытекающее из смысла закона разъяснение о действии во времени новых законов о различных видах досрочного освобождения. Пленум указал: «Законодательство о досрочном, условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким не решает вопросов о преступности и наказуемости деяния. Поэтому положения ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик к данным случаям не относятся и вопрос о возможности приме-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 19

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», стр. 465—466.

нения или неприменения досрочного, условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким должен решаться в соответствии с действующим на данный момент законом, а не на основе законодательства, действовавшего во время совершения преступления».

Далее в постановлении указывается, что условно-досрочное освобождение не может быть применено, например, к лицу, осужденному до издания Указа от 5 мая 1961 г. за хищение социалистического имущества, если размер похищенного является особо крупным, а также к лицу, осужденному по Указу от 4 июня 1947 г. за хищение государственного и общественного имущества, совершенное путем разбоя или сопряженное с умышленным убийством при отягчающих обстоятельствах, как это вытекает из ст. 44 Основ¹.

Разумеется, если по действующему в момент применения досрочного освобождения законодательству совершенное деяние по своим признакам относится к числу тех, осужденные за которые могут быть досрочно освобождены, то условно-досрочное освобождение или замена наказания более мягким могут быть применены, хотя бы это деяние по прежнему законодательству считалось таким, по которому такое освобождение не допускалось. Например, виновный в заранее не обещанном укрывательстве умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах был осужден как за соучастие в таком убийстве (ст. ст. 17 и 136 УК РСФСР 1926 г.). Условно-досрочное освобождение было исключено. Теперь же, при том понимании соучастия, которое дано в ст. 17 Основ 1958 г., деяние является укрывательством, предусмотренным ст. 189 УК РСФСР и условно-досрочное освобождение может быть применено по отбытии не менее половины срока наказания (см. приведенное выше постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г.).

¹ Чернов был осужден за хищение социалистического имущества по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Верховный Суд РСФСР вполне основательно признал неправильным его условно-досрочное освобождение по отбытии двух третей срока, так как хищение он совершил путем разбойного нападения («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 8, стр. 15).

Глава седьмая

ТОЛКОВАНИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

§ 1. Понятие и значение толкования уголовного закона

I. Толкование уголовного закона, как и всякого другого советского закона, означает всестороннее и глубокое уяснение и раскрытие воли законодателя, выраженной в данном тексте закона, или, другими словами, раскрытие назначения и содержания закона, уяснение истинного смысла закона, вложенного в его текст советским законодателем.

Справедливо отмечается в некоторых трудах, что уяснение закона и толкование закона — идентичные понятия, вследствие чего толкование и уяснение не могут быть противопоставлены.

Отдельные авторы к толкованию относят и объяснение терминов, употребленных законом¹. Эта мысль правильна, так как без раскрытия терминов уголовного закона, иногда очень специальных, не может быть уяснения смысла закона. Таким образом, раскрытие термина также есть уяснение воли законодателя. Напрасно, однако, уяснение и объяснение терминов, употребленных законодателем, противопоставляются в отдельных работах выявлению смысла закона². Раскрытие терминов — это одна из сторон выявления или уяснения смысла закона.

Толкование осуществляется в отношении каждого

¹ «Советское уголовное право. Общая часть» Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 183.

² Там же.

советского уголовного закона, а не только в отношении законов, текст которых неясен.

Для понимания смысла любого уголовного закона необходимо установить соотношение его с другими законами, как уголовными, так и неуголовными. По мнению А. А. Пионтковского, подлежит толкованию всякий закон, так как применение всякого закона требует познания его, в смысле не только раскрытия признаков состава, но и конкретизации состава¹.

Заметим, что уголовный закон помимо составов преступлений содержит множество других норм, которые также должны быть познаны.

Авторы учебника уголовного права ГДР считают, что толкование всегда необходимо для выяснения конкретного содержания нормы и взаимной связи законов².

М. И. Ковалев пишет, что как бы ни был закон просто и ясно написан, уяснить его смысл нельзя без вдумчивого и подчас весьма кропотливого исследования текста, без уяснения значения терминов, употребленных законодателем³. В особенности, но не только по этой причине, толкование вызывается неясностью, неполнотой или противоречиями закона.

В советской уголовноправовой литературе толкование уголовного закона обычно связывается с его применением и рассматривается главным образом как часть или определенный момент применения закона.

Толкование закона при его применении отличается тем, что оно находит немедленную практическую реализацию. Видимо, поэтому толкование так часто связывается с применением закона. Однако возможно и нередко встречается толкование уголовного закона или уголовноправовой нормы, которые еще никогда не применялись, причем толкование дается и вне связи с их применением.

II. Советское законодательство, являющееся выражением государственной воли всего советского народа, едино в основных положениях и принципах. Если в от-

¹ См. А. А. Пионтковский. К методологии изучения действующего права. «Уч. зап. ВИЮН», вып. VI. М., Юриздат, 1947, стр. 45—46.

² «Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik Allgemeiner Teil» Berlin, 1957, S 240

³ См. М. И. Ковалев. Советский уголовный закон, стр. 37—38.

дельных случаях текст закона неточно или неясно передает мысль и волю советского законодателя, то истинное содержание этой нормы всегда может быть установлено исходя из всей системы советского законодательства.

Говоря о воле законодателя и ее уяснении при толковании уголовного закона, следует разрешить вопрос, к какому времени относится эта воля. М. Д. Шаргородский пишет, что суд должен установить не волю законодателя времени издания закона, что никогда не может привести к правильному решению конкретного вопроса, а то, что фактически всегда имело и имеет место: закон толкуется и должен толковаться в соответствии с волей законодателя времени применения закона¹.

Со столь категорическим заявлением, что фактически при толковании всегда уясняется воля законодателя во время процесса толкования, нельзя согласиться; оно означает по существу произвольное установление предполагаемой воли законодателя в данный момент.

Соглашаясь с мнением М. Д. Шаргородского, А. С. Шляпчиков включает, однако, существенную оговорку, что речь идет о тех случаях, когда эта воля законодателя выражена впоследствии во вновь изданных законодательных актах, которые могут менять содержание ранее изданной нормы.

III. В советской юридической литературе высказывалось иногда мнение, что толкование советского уголовного закона должно быть или только, или прежде всего политическим, причем авторы, видимо, имели в виду недопустимость формально-юридического, догматического толкования советского уголовного закона, но иногда политическое толкование указывается как особый вид толкования наряду с другими.

П. Е. Недбайло пишет, что политическое толкование есть в то же время юридическое толкование: не существует особого политического толкования в отличие от юридического толкования советского закона².

¹ М. Д. Шаргородский. Закон и суд «Уч зап. ЛГУ». № 202. Серия юрид. наук «Вопросы уголовного права и процесса», 1956, стр. 18

² См. П. Е. Недбайло. О толковании советского закона. Приводится по кн.: «А. С. Шляпчиков. Толкование уголовного закона», стр. 92. А. С. Шляпчиков соглашается с мнением П. Е. Недбайло.

«...Все юридическое в основе своей имеет политическую природу...»¹, — писал Ф. Энгельс. Всякое толкование советского закона, в том числе и уголовного, должно осуществляться на основе принципов марксизма-ленинизма исходя из политики Коммунистической партии и Советского правительства, но всегда в пределах самого текста данного закона.

Вопросы толкования закона — это вопросы по преимуществу общей теории государства и права. В рамках работы об уголовном законе следует остановиться главным образом на таких вопросах толкования именно уголовного закона, которые отличаются более или менее существенными специфическими особенностями в сравнении с толкованием законов, относящихся к другим отраслям советского права.

§ 2. Субъекты толкования и обязательность даваемого ими толкования уголовного закона

I. Толкование советского уголовного закона различается в зависимости от того, кто именно (какой орган или лицо) дает толкование и от вытекающей отсюда общеобязательности, ограниченной обязательности или необязательности толкования².

По субъекту (или источнику) толкования большинство авторов различает толкование легальное, судебное, доктринальное (или научное)³. Некоторые авторы выделяют как самостоятельный вид аутентическое толкование⁴.

Под легальным понимается толкование, даваемое органом, который в силу закона управомочен давать толкование. Конституция СССР предоставила право толкования законов, в том числе и уголовных, Президиуму Верховного Совета СССР, а конституции союз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 635.

² А. С. Шляпочников правильно пишет, что степень обязательности толкования всегда связана с субъектом толкования (см. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 140).

³ «Теория государства и права». М., Юриздат, 1949, стр. 424; А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 140.

⁴ «Советское уголовное право. Часть Общая». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 168; «Советское уголовное право. Часть общая». М., Госюриздат, 1952, стр. 116.

ных республик — в отношении законов союзной республики — Президиумам Верховных Советов союзных республик.

Так, Президиум Верховного Совета СССР постановлением от 6 мая 1964 г. дал толкование ст. 44 Основ, в частности, он указал, что к лицам, отбывающим наказание за совершение двух и более преступлений (ст. 35 и 36 Основ), не могут применяться условно-досрочное освобождение или замена неотбытого наказания более мягким, если хотя бы по одному из преступлений, за которые виновный осужден, они в силу ст. 44 Основ не могут быть применены¹.

В большинстве советские авторы, в частности М. С. Строгович², М. Д. Шаргородский³, А. С. Шляпчиков, считают видом легального толкования аутентическое толкование, т. е. толкование, исходящее от создателя закона — Верховного Совета СССР или верховного совета союзной республики, издавших толкуемый закон.

Мнение авторов упоминавшихся учебных пособий по Общей части советского уголовного права, изданных в Москве в 1952 г. и Ленинграде в 1960 г. о том, что аутентическое толкование представляет самостоятельный вид толкования наряду с легальным, неосновательно. По степени обязательности толкование, даваемое Президиумом Верховного Совета СССР, уполномоченным на это Конституцией СССР, не отличается от толкования, даваемого самим Верховным Советом СССР. Законодательный орган имеет полномочия как издавать законы, так и толковать их, если он считает это необходимым. Поэтому аутентическое толкование является толкованием легальным⁴.

А. С. Шляпчиков критикует мнение авторов, считающих, что аутентическое толкование, поскольку оно исходит от законодателя, представляет собой новый

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 20, ст. 244.

² «Теория государства и права», стр. 424—425.

³ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 171.

⁴ Основательно критикуя мнение, что аутентическое толкование не является видом легального толкования, А. С. Шляпчиков вместе с тем неправильно считает аутентическим толкование, данное в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. (см. А. С. Шляпчиков. Толкование уголовного закона, стр. 142). Президиум Верховного Совета СССР в данном случае разъясняет акт, исходивший от законодательного органа.

закон и потому, строго говоря, не является толкованием¹. Он считает, что толкование, даваемое самим законодательным органом, отличается от нормативных актов тем, что оно не создает новых норм поведения людей, так же как и всякий другой вид легального толкования².

Легальное толкование статей уголовных законов в смысле указания на применение их в определенных случаях осуществляется Президиумами Верховного Совета СССР и верховных советов союзных республик.

Так, в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»³ говорится, что побег с места поселения лиц, подвергнутых в порядке, установленном этим Указом, выселению в специально отведенные местности, или побег с пути следования на поселение, наказывается в соответствии со ст. 186 УК РСФСР.

Указом дано легальное распространительное толкование этой статьи, предусматривающей ответственность за побег с места ссылки, с пути следования в ссылку.

II. Судебное толкование советского уголовного закона может быть двух видов. Во-первых, это толкование, даваемое в приговорах, определениях и постановлениях всех судов, вплоть до постановлений Пленумов Верховных судов СССР и союзных республик по конкретным делам.

Поскольку приговор вступил в законную силу (или же вступивший в законную силу приговор изменен определением или постановлением надзорной инстанции), толкование уголовного закона, даваемое в этом приговоре, имеет, безусловно, обязательную силу, по

¹ См. Я. М. Брайнин. Советское уголовное право. Часть Общая, вып. I, стр. 174; «Советское уголовное право. Часть Общая» Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 168. А. С. Шляпочников о своей работе «Толкование уголовного закона» (стр. 141) не точно утверждает, что такого же мнения держится М. Д. Шаргородский. Последний лишь утверждает, что толкование, даваемое законодательными органами, само по себе представляет законодательный акт (см. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 171).

² См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 141—142.

³ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 18, ст. 273.

только по данному делу. Это вытекает из ст. 54 Основ уголовного судопроизводства 1958 г., согласно которой вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда обязательны для всех государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории СССР.

Даже множество одинаково толкующих закон приговоров, определений или постановлений, хотя бы вынесенных Верховным Судом СССР или верховными судами союзных республик, не создают обязательности таких толкований, поскольку советское право не признает за судебным прецедентом значения источника права.

Однако судебная практика Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик по отдельным делам имеет очень большое значение для доктринального толкования уголовного закона. Например, обобщение судебной практики Верховного Суда СССР по вопросам соучастия в преступлении дало возможность советской науке уголовного права почти единодушно истолковать ст. 12 Основных начал 1924 г. (ст. 17 УК РСФСР 1926 г.) в том смысле, что под соучастием понимается только умышленное участие в совершении преступления. В дальнейшем это положение было зафиксировано в общесоюзном уголовном законе (ст. 17 Основ 1958 г.) и в УК союзных республик 1959—1961 гг.

Толкование уголовных законов дается в руководящих разъяснениях, даваемых Пленумом Верховного Суда СССР по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел на основании п. «в» ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г.¹ и в руководящих разъяснениях по вопросам применения республиканского законодательства при рассмотрении гражданских и уголовных дел, даваемых пленумами верховных судов союзных республик согласно законам о судостроительстве, действующим в этих союзных республиках². Эти руководящие разъяс-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4, ст. 85.

² Пункт «а» ст. 57 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 27 октября 1960 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1960, № 40, ст. 588).

нения во многих случаях содержат толкование уголовного закона.

Право пленумов верховных судов давать имеющие обязательную силу толкование законов неизменно формулировалось в законах о судеустройстве, начиная с Положения о судеустройстве РСФСР от 31 октября 1922 г., которое устанавливало, что пленарные заседания Верховного Суда РСФСР ведают «правильным истолкованием законов по вопросам судебной практики». Пленумом Верховного Суда РСФСР с 1923 по 1933 г. было дано большое число толкований Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., а затем и УК РСФСР 1926 г.¹

III. Действующее Положение о Верховном Суде СССР 1957 г. и республиканские законы о судеустройстве не оставляют сомнений в том, что Пленуму Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик принадлежит право толкования законов, в том числе и уголовных.

По точному смыслу названных законов руководящие разъяснения, издаваемые Пленумом Верховного Суда СССР и пленумами верховных судов союзных республик, имеют обязательную силу лишь для судов² в отличие от Положения о Верховном Суде СССР 1927 г., согласно которому постановления Пленума Верховного Суда СССР, дающие толкование общесоюзного законодательства, являлись окончательными и были обязательны для всех судебных и иных учреждений.

Однако фактически и по действующему Положению 1957 г. такие разъяснения по вопросам уголовного законодательства в значительной мере имеют общеобязательный характер, поскольку правосудие по уголовным делам осуществляется только судами, для которых эти руководящие разъяснения обязательны.

IV. Доктринальное толкование охватывает все виды толкования, не имеющего никакой обязательной юриди-

¹ См. например, журнал «Судебная практика РСФСР» с 1927 по 1931 г.; «Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР». М., «Советское законодательство». М., 1932, стр. 232—311.

² М. А. Шнейдер считал, что толкование законов, дававшееся Пленумом Верховного Суда СССР на основании ст. 75 Закона о судеустройстве 1938 г., ныне утратившего силу, являлось общеобязательным (М. А. Шнейдер. Советское уголовное право. Часть Общая. Учебное пособие, стр. 57—58).

ческой силы. Это толкование содержится в монографиях, учебниках, комментариях, статьях, других печатных произведениях, в лекциях, в выступлениях на семинарских и других занятиях, выступлениях научных и практических работников и всех других граждан.

Иногда такое толкование называют научным, но это название неточно, так как оно может не иметь непосредственного отношения к науке. Доктринальное толкование уголовного закона (название носит условный характер), не будучи обязательным, имеет большое значение, так как оно способствует, если оно основательно, глубокому и правильному познанию советского уголовного законодательства и его применению в следственной и судебной практике.

В последние годы в литературе не без основания предлагается деление толкования на два основных вида по признаку его обязательности: официальное и неофициальное. Второй вид охватывает то толкование, которое обычно называется доктринальным¹.

Соглашаясь с этим делением, А. С. Пиголкин различает в официальном толковании нормативное толкование и казуальное, к которому, в частности, относится судебное толкование, даваемое в приговорах, определениях и постановлениях по отдельным делам².

§ 3. Приемы толкования уголовного закона

I. Приемы толкования уголовного закона можно определить лишь в общих чертах, в действительности они взаимно переплетаются. Перечень таких приемов не может быть исчерпывающим. Толкованию закона предшествует установление текста закона. В западно-европейской и дореволюционной русской уголовноправовой литературе установление наличности, подлинного содержания текста закона и факта его действия обычно принято называть юридической критикой закона³.

¹ См. Н. Г. Александров и др. Основы теории государства и права, стр. 342, П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм, стр. 345.

² См. А. С. Пиголкин. Толкование нормативных актов в СССР. М., Госюриздат, 1962, стр. 117 и сл.

³ П. И. Люблинский. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Пг., 1917, стр. 78.

Однако этот термин, как справедливо отмечали отдельные советские авторы, неприемлем для советского права, так как слово «критика» у нас означает совершенно иное и употребление его в другом смысле создавало бы путаницу.

Установление текста закона целесообразно осуществлять по официальным изданиям закона, обращаясь в сомнительных случаях к первым его публикациям. При переизданиях уголовных законов и особенно кодексов иногда накапливаются опечатки, пропуски и искажения текста, если же издаются сборники законов, то иногда по ошибке включаются законы, отмененные или утратившие силу вследствие замены их новыми. Так, в рецензии на издание Уголовного кодекса РСФСР, вышедшее в 1937 г., отмечалось множество ошибок как в тексте кодекса, так и в других нормативных актах, которые давались в приложении к официальному тексту кодекса¹.

Особенно важно установление законодательного текста, когда систематизация нормативных актов имеет неофициальный характер. За последние два десятилетия Уголовный кодекс РСФСР и уголовные кодексы ряда других союзных республик издаются Госюриздатом (теперь издательством «Юридическая литература») таким образом, что помимо официального текста УК печатаются общесоюзные уголовные законы, а также постатейно систематизированные материалы к отдельным статьям УК, содержащие отдельные общесоюзные и республиканские законы, руководящие постановления Пленумов Верховного Суда СССР и верховных судов союзной республики, приказы Генерального Прокурора СССР и т. д. Сам подбор материалов и установление текста нормативных актов производится издательством и, следовательно, не имеет официального характера.

Иногда включались материалы устаревшие и, наоборот, пропускались важные действующие уголовные законы. Например, в 1952 г. в новое издание УК РСФСР не был включен действовавший тогда Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», который печатался в более ранних изданиях УК. Вслед-

¹ «Советская юстиция», 1937, № 17, стр. 32—34.

ствие этого иногда вместо Указа применялась ст. 153 УК РСФСР 1926 г., каравшая это преступление до издания Указа от 4 января 1949 г., хотя эта статья фактически утратила силу с изданием названного указа. Существенные недостатки этого переиздания Уголовного кодекса были отмечены в печати¹. Таким образом, во всех случаях, когда имеется сомнение в точности законодательного текста, следует обращаться к официальным публикациям уголовного закона.

II. В Советской юридической литературе нет единства относительно классификации приемов толкования уголовного закона.

Различными авторами указываются следующие наиболее часто встречающиеся виды приемов толкования: а) грамматическое, б) логическое, в) историческое, г) систематическое, д) телеологическое.

Филологическое, или грамматическое, толкование уголовного закона состоит в уяснении смысла закона путем этимологического и синтаксического разбора буквального текста закона.

И. Е. Фарбер отрицает грамматическое толкование как самостоятельный прием толкования. Он полагает, что как грамматическое, так и логическое толкование, это свойства самого процесса толкования, но не самостоятельный прием. Мнение И. Е. Фарбера таково, что мыслить всегда надо правильно, логически, и в соответствии с правилами грамматики надо излагать мысли². Грамматическое толкование, по его мнению, есть вид логического толкования.

Ранее эту же мысль высказывали С. В. Познышев³ и П. И. Люблинский⁴, считавшие, что грамматическое толкование — это вовсе не толкование, а простое уяснение выраженной законодателем в словах мысли; здесь есть лишь усвоение законодательного текста, а не толкование воли законодателя. Эта деятельность предшест-

¹ См. Д. Прусс, Л. Милютин. Недостатки нового издания Уголовного кодекса РСФСР. «Социалистическая законность», 1953, № 3, стр. 82—83.

² См. И. Е. Фарбер. Вопросы толкования советского закона. «Уч. зап. Саратовск. юрид. ин-та», вып. IV. 1956, стр. 45.

³ См. С. В. Познышев. Учебник уголовного права, ч. I. М., Юриздат, 1923, стр. 36.

⁴ См. П. И. Люблинский. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса, стр. 123.

вует, по мнению П. И. Люблинского, даже установлению подлинного текста закона, словесное толкование — это только предпосылки толкования, а всякое толкование является логическим; уяснение слова, или филологическое толкование, не есть деятельность юриста, а только знание, необходимое для всякого человека, желающего понимать написанное.

Авторы, отрицающие как самостоятельный прием грамматическое, точнее бы сказать филологическое¹, толкование уголовного закона, не правы. Нельзя представлять себе такое толкование как применение во всех случаях только элементарных правил лексики, грамматики и синтаксиса. Прав Н. Г. Александров, утверждая, что это толкование всецело опирается на законы филологии.

Нередко сам анализ смыслового значения слов закона и значения фразы требует использования законов филологии, где, как известно, немало спорных положений. Например, понятие кары, употребляемое в законе (ст. 20 Основ), для своего раскрытия требует значительных филологических изысканий. Это же можно сказать о понятии вины. Многие авторы, писавшие по вопросам вины, не обращались к филологическому значению слова «вина», а это значение в основном одно в русском языке. Возможно, этим можно объяснить, что в юридической литературе нередко говорится о вине в уголовно-материальном смысле, о вине в уголовно-процессуальном смысле, о вине в административно-правовом смысле и т. д. Как будто можно сказать, в частности, в приговоре, что подсудимый виновен только в уголовно-процессуальном и не виновен в уголовно-материальном смысле! По нашему мнению, основное содержание понятия «вина» едино для всей области права, более того, для области этики, и это содержание в основном соответствует смысловому значению слова.

Нередко вызывают споры определения содержания таких терминов закона, частью уже не употребляемых в разговорной речи, как «низменные побуждения» (ст. 34 Основ 1958 г.), «растление» (ст. 151 УК РСФСР 1926 г.), «общеопасный способ совершения преступле-

¹ Этим термином пользуется Н. Г. Александров, он различает в качестве видов филологического толкования толкование лексическое и грамматическое.

ния» (ст.ст. 39, 98, УК РСФСР 1960 г.), «погром» (ст. 79 УК РСФСР 1960 г.) и т. д.

При толковании положений закона, содержащих такие и многие другие термины, приходится прибегать к капитальным филологическим трудам, в особенности к словарям (в частности, этимологическим) русского языка. Нередко уяснение смысла закона осуществляется лишь путем этимологического и синтаксического разбора текста закона.

И. Фарбер в упоминавшейся статье одобрительно отзывается о терминологическом толковании закона. Едва ли можно здесь говорить о специальной разновидности толкования. Верно, что специальные термины закона, в частности уголовного закона, нуждаются в точном определении. В отдельных отраслях права сам закон определяет множество терминов, например, такие определения даются в УПК союзных республик, как действующих, так и утративших силу (см., например, ст. 34 УПК РСФСР 1960 г.).

Многие УК социалистических государств содержат специальные главы или параграфы, содержащие определения некоторых понятий и терминов уголовного закона. Таковы глава VIII УК Венгерской Народной Республики, глава 9 УК СФРЮ, § 17 УК ЧССР.

Эти толкования, как они большей частью названы в самом законе, представляют собой органическую часть закона. Включение таких определений в отношении понятий, которые несколько раз встречаются в уголовном законе, следует признать целесообразным.

В советском уголовном законе определения понятий не выделяются в отдельные параграфы или главы, а нередко даются тогда, когда данные понятия встречаются в первый раз. Так, в ст. 7 Основ определяется преступление, в ст. 8 и 9 — умысел и неосторожность, в ст. 11 — невменяемость, в ст.ст. 13 и 14 — необходимая оборона и крайняя необходимость и т. д.

Некоторые понятия уголовного закона определяются в других актах, например определение степени тяжести телесных повреждений (тяжкого, менее тяжкого, легкого) дается в Правилах, утвержденных Министерством здравоохранения РСФСР 4 апреля 1961 г.¹, и в Прави-

¹ «Советская юстиция», 1961, № 13.

лах, изданных в других союзных республиках. Часто определения даются судебной практикой и юридической наукой на основе социалистического правосознания. Таковы, например, в Общей части определения понятий малозначительности деяния, чистосердечного раскаяния как обстоятельства, смягчающего ответственность, совершения преступления организованной группой, из низменных побуждений, совершения преступления общественно опасным способом и др., а в Особенной части, определения таких понятий, как тяжкие последствия, крупный и особо крупный размер похищенного, а также мелкое хищение и др.

Во всех этих случаях толкование отнюдь не является грамматическим, оно скорее может быть признано систематическим, так как раскрытие термина уголовного закона, употребляемого в специальном смысле, например понятия должностного лица (примечание к ст. 170 УК РСФСР 1960 г.), предполагает привлечение ряда нормативных источников, нередко из других отраслей права. Так, понятие должностного лица раскрывается с привлечением норм административного и трудового права.

Логическое толкование, по мнению М. С. Строговича, состоит в установлении содержания правовой нормы исходя из смысла выражений, сформулированных в законе¹.

Авторы учебного пособия по Общей части советского уголовного права, изданного в Ленинграде², пишут не о понятии логического толкования, а о его целях. По их мнению, логическое толкование имеет своей целью различными приемами установить волю законодателя, не нашедшую прямого выражения в тексте закона.

А. С. Шляпочников под логическим толкованием понимает глубокую проверку результатов грамматического толкования, проверку толкования словесной формулы закона для раскрытия его смысла при неясности³. Он соглашается с М. Д. Шаргородским, что грамматическое толкование выявляет буквальное содержание

¹ «Теория государства и права», стр. 426.

² «Советское уголовное право. Общая часть». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 164.

³ См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 163.

закона, а логическое — выделяет то, что законодатель желал сказать, но не выразил.

Вызывает серьезные сомнения само право на существование логического толкования как самостоятельного вида толкования¹. И. Е. Фарбер считает, что такого толкования не может существовать, что это не более, как свойство процесса всякого толкования. В сущности и А. С. Шляпников, и авторы указанного пособия не оставляют почвы для логического толкования как самостоятельного вида, относя к нему также систематическое и историческое толкование.

Систематическое толкование уголовного закона признается всеми авторами в качестве вида толкования. Однако некоторые из них считают его лишь наиболее важным видом логического толкования, выделяемого в свою очередь в качестве самостоятельного вида толкования.

Систематическим толкованием следует признать сопоставление анализируемого положения уголовного закона с другими положениями того же или иного закона.

При систематическом толковании уголовного закона осуществляющий толкование исходит из понимания всего советского законодательства, в особенности уголовного законодательства как одного целого, проникнутого едиными принципами и отличающегося внутренним единством. Это позволяет устранить при толковании нечеткость формулировки конкретной уголовно-правовой нормы, устранить действительные или мнимые противоречия законов, установить действительное содержание неясных положений закона, уяснить смысл и назначение толкуемого положения советского уголовного закона.

В отличие от буржуазного права, где такие понятия являются только фикцией, при толковании советского уголовного закона можно руководствоваться общим духом или общим смыслом, или общим разумом закона, так как назначение и содержание советских законов реально могут быть установлены исходя из политики Коммунистической партии и Советского правительства.

¹ См. И. Е. Фарбер. Сущность и способы применения советского закона. Автореф. канд. дисс. М., 1951, стр. 14.

Поэтому, в частности, систематическое толкование в советском праве может применяться и в отношении некодифицированного законодательства, что почти исключается в буржуазном праве¹.

Наиболее часто при систематическом толковании сопоставляются толкуемые нормы советского уголовного кодекса или с другими нормами того же уголовного кодекса, либо другого уголовного закона, или же с нормами, содержащимися в уголовно-процессуальных законах, либо, наконец, с нормами, содержащимися в законах, относящихся к другим отраслям советского права. Большое значение для правильного понимания нормы нередко имеет уяснение ее места в системе данного уголовного закона.

Некоторые советские авторы неосновательно сужают пределы систематического толкования, мысля его только в рамках уголовного законодательства².

Нельзя считать систематическим толкованием уголовного закона сопоставление толкуемой нормы Особенной части с теми нормами Общей части, которые в данном случае относятся к этой норме Особенной части. Поэтому нельзя согласиться с тем, что Верховный Суд СССР, признавший возможность применения по ст. ст. 19 и 136 УК РСФСР 1926 г. смертной казни к Семенцу, виновному в оконченном покушении на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, разбое и изнасиловании, применил систематическое толкование³. Верховный Суд СССР здесь следовал буквальному тексту ст. 19 УК РСФСР 1926 г., согласно которой покушение может влечь те же меры наказания, что и оконченное преступление, и применил относящуюся к данной норме Особенной части норму Общей части.

¹ См. П. И. Люблинский. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса, стр. 128.

² «Советское уголовное право. Часть Общая». М., Госюриздат, 1952, стр. 118; «Советское уголовное право. Часть Общая». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 164. А. С. Шляпочников правильно пишет, что в ряде случаев надо установить связь толкуемой уголовно-правовой нормы с другими отраслями социалистического права, в той или иной степени связанными с конкретным рассматриваемым случаем (см. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 202—203).

³ А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 204—205.

Сопоставление толкуемой нормы уголовного закона с нормой другого уголовного закона чаще всего имеет место при действии общесоюзного и республиканского закона сходного содержания. Нередко толкуемая норма уголовного закона сопоставляется с нормами уголовно-процессуального законодательства. Например, для истолкования содержания ст. 181 УК РСФСР, по которой наказываются заведомо ложные показания, необходимо обратиться к нормам УПК и ГПК, в которых говорится о свидетеле, эксперте, переводчике, а также к статьям УК, определяющим понятие тяжкого преступления (примечание II к ст. 24 УК РСФСР). Столь же необходимо обращение к нормам УПК и ГПК при истолковании ст. 182 УК РСФСР, предусматривающей отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний или эксперта от дачи заключения. Необходимо сопоставить ответственность по ст. 182 УК и ответственность в виде процессуального взыскания по ст. ст. 62, 76 ГПК РСФСР.

В советской науке уголовного права применяется систематическое толкование норм уголовного кодекса и путем обращения к соответствующим нормам УК другой союзной республики, поскольку все советское уголовное законодательство принципиально едино. Так, при толковании ряда статей УК союзных республик, предусматривающих усиление наказания при наступлении тяжелых последствий (например, по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР) в качестве доказательства того, что закон в этих статьях имеет в виду психическое отношение к этому результату в виде умысла или неосторожности, можно сослаться на ст. 11 УК Грузинской ССР. Эта статья устанавливает, что если уголовный закон предусматривает повышение наказания ввиду наступления тяжелого последствия, не охватываемого умыслом виновного, то такое повышение может иметь место лишь тогда, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление этого последствия.

Толкование ст. 201 УК РСФСР, предусматривающей сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, предполагает обращение к нормам Кодекса законов о браке, семье и опеке, где, в частности, определяются и эти обстоятельства.

Историческое толкование уголовного закона состоит в установлении смысла закона путем исследова-

ния тех соображений, которые были положены в основу закона. Иногда для раскрытия смысла закона важно ознакомиться с его проектом, объяснительными записками, материалами обсуждения проекта, в особенности с докладами о проекте закона в законодательных органах и материалами обсуждения этих докладов.

После издания ряда новых УК союзных республик в 1959—1960 гг. возник вопрос о соответствии со ст. 10 Основ норм этих кодексов, устанавливающих возможность уголовной ответственности за грабеж несовершеннолетних, достигших 14 лет в момент совершения этого преступления. В ст. 10 Основ уголовная ответственность с этого возраста предусмотрена за кражу, разбой, но не грабеж.

Для ответа на этот вопрос следует прибегнуть к историческому толкованию ст. 10 Основ. Во время издания Основ уголовное законодательство СССР и союзных республик не знало состава грабежа. Уголовные кодексы союзных республик включили статью об ответственности за грабеж, образовав состав этого преступления за счет сужения понятия кражи (открытая кража стала считаться грабежом) и за счет сужения понятия разбоя (насильственное похищение социалистического чужого личного имущества с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, стало признаваться не разбоем, а грабежом с насилием).

Следовательно, путем исторического толкования становится бесспорным, что ст. 10 Основ, упоминая кражу и разбой, имеет в виду и то преступление, которое в действующих УК называется грабежом.

В упоминавшейся содержательной монографии А. С. Шляпочникова, последний, присоединяясь к мнению П. Е. Недбайло, в качестве отдельного вида толкования называет телеологическое толкование советского уголовного закона, считая его также видом логического толкования (что противоречит принципам логического толкования). Он утверждает, что телеологическое толкование глубже систематического, что оно восполняет результаты систематического толкования¹.

¹ А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 213.

П. Е. Недбайло и А. С. Шляпочников полагают, что при этом толковании цель нормы берется как элемент ее содержания.

Выделение телеологического толкования как отдельного вида неосновательно. Если признать телеологическое толкование самостоятельным видом, то пришлось бы сделать вывод, что при грамматическом, историческом, систематическом толковании орган или лицо, осуществляющее толкование закона, не исходит из цели, смысла и общего разума советского закона, однако такое толкование советского закона было бы немыслимо.

Некоторые примеры из судебной практики в доказательство правомерности выделения телеологического толкования нельзя признать удачными.

В качестве примера телеологического толкования, восполняющего систематическое толкование, А. С. Шляпочников приводит разъяснение Пленума Верховного Суда СССР в постановлении от 29 апреля 1939 г. по поводу различия между хулиганством и преступлениями против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Верховный Суд СССР считал, что если в основе преступления лежали мотивы, связанные с личными взаимоотношениями обвиняемого с потерпевшим, то деяние должно признаваться не хулиганством, а преступлением против личности.

Однако это разъяснение было неудачным, так как нередко явно хулиганские действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, вызываются личными взаимоотношениями. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР 20 марта 1953 г. изменил это постановление¹.

В зависимости от содержания и словесного выражения, а также сложности толкуемых положений советского уголовного закона учреждение или лицо, толкующее закон, может пользоваться одним, несколькими или всеми приемами толкования, причем обычно эти

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1957 гг.». М., Госюриздат, 1958, стр. 37—40. Вследствие недосмотра в нескольких переизданиях УК РСФСР 1926 г. (до издания 1957 г.) воспроизводился прежний текст разъяснения. Этим объясняется, что он приводится в книге А. С. Шляпочникова.

приемы взаимно переплетаются. Зачастую достаточно лишь одного филологического (грамматического) толкования уголовного закона.

§ 4. Виды толкования советского уголовного закона по объему. Толкование и аналогия уголовного закона

I. По объему различается толкование ограничительное и распространительное. Некоторые авторы самостоятельным видом толкования считают еще буквальное или адекватное (Н. Г. Александров) толкование. Однако его нельзя считать видом толкования по объему, поскольку при этом лишь констатируется, что слова и смысл закона полностью совпадают.

При ограничительном или распространительном толковании уголовного закона смысл закона, его содержание оказываются более широкими (при распространительном) или более узкими (при ограничительном), чем это вытекает из слов закона.

А. А. Пионтковский пишет, что и распространительное и ограничительное толкования, как показывает следственная и судебная практика, — сравнительно редкое явление. В громадном большинстве случаев в практической работе судебно-следственных органов толкование уголовного закона происходит в тесном соответствии с текстом уголовного закона¹.

Поскольку в результате исследования текста закона оказывается, что объем толкуемого закона остается точно таким же, как и до толкования, нет оснований выделять буквальное толкование.

При исследовании вопроса об объеме содержания закона представляет интерес такое толкование, которое изменяет объем в сравнении с буквальным текстом закона. Следовательно, надо выделить по объему лишь ограничительное и распространительное толкования.

В отдельных работах распространительное толкование называется иногда расширительным. Хотя тот и другой термины являются условными, желательно пользоваться первым, так как термин «расширитель-

¹ См. А. А. Пионтковский. Вопросы Общей части советского уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., Госюриздат, 1955, стр. 14.

ное толкование» скорее характеризует расширение содержания закона за пределы его действительного смысла, что означает не толкование закона, а создание новой нормы¹.

II. В советской юридической литературе высказывались мнения о недопустимости ограничительного и распространительного толкований закона (в частности, уголовного) или о резком сужении и ограничении этих видов толкования. С. А. Голунский и М. С. Строгович считали, что ограничительное и распространительное толкования не свойственны советскому праву, закон должен применяться в соответствии с его текстом и смыслом².

Мнение С. А. Голунского и М. С. Строговича, связанное с отрицанием ими в то время судебного толкования закона, подверглось обстоятельной критике в советской юридической литературе, особенно обращалось внимание на то, что если суд может восполнить пробел закона путем аналогии, то тем более он может толковать закон.

А. А. Герцензон в свое время писал, что по советскому уголовному праву ограничительное и распространительное толкования допустимы лишь в том случае, если они даются в порядке аутентического толкования, или если оно санкционировано законодателем³.

Б. С. Утевский полностью отрицает ограничительное и распространительное толкования уголовного закона, утверждая, что они представляют собой проявление нигилистического отношения к закону и неправомерное исправление воли законодателя⁴. Примерно таково же мнение Н. М. Минасяна, который считает, что и распро-

¹ См. Н. П. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, стр. 62, А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 285—287.

² См. С. А. Голунский и М. С. Строгович. Теория государства и права. М., 1940, стр. 265. В последующих работах, в частности в учебных пособиях по теории государства и права, М. С. Строгович выделяет как ограничительное, так и распространительное толкования. Не придерживался в дальнейшем взгляда, изложенного в упомянутой работе, и С. А. Голунский.

³ «Уголовное право. Общая часть». М., Юриздат, 1948, стр. 241. В следующем издании учебного пособия это утверждение не воспроизводится («Советское уголовное право. Часть Общая». М., Госюриздат, 1952, стр. 117).

⁴ См. Б. Утевский XX съезд КПСС и задачи науки уголовного права. «Социалистическая законность», 1956, № 9, стр. 11.

странение, и сужение содержания правовой нормы есть ее нарушение, что у нас такое толкование не применяется¹.

Критикуя ошибочные мнения А. А. Герцензона и Б. С. Утевского, А. С. Шляпочников считает, что они вызваны неправильным представлением ограничительного и распространительного толкований как самостоятельных приемов толкования. А. С. Шляпочников соглашается с Я. М. Брайниным, который полагает, что толкование закона по объему, основанное на точном определении границ его действия, является столь же необходимым, как и всякая иная деятельность, связанная с правильным применением закона, причем толкование по объему не представляет собой чего-то самостоятельного или какого-либо особого приема толкования².

А. С. Шляпочников полагает, что неправильно и выражение «применение» ограничительного и распространительного толкований, ибо они результат толкования по объему³.

Думается, что не следовало бы отказываться от термина «применение» названного толкования, тем более, что заменить его очень трудно, и А. С. Шляпочников другого термина не предлагает. По существу же идет речь все-таки о применении распространительного или ограничительного толкования данного закона, но в результате различных приемов толкования, а не в качестве самостоятельного приема.

Многие авторы (А. А. Пионтковский, Н. Г. Александров, М. А. Шнейдер, С. Г. Келина, А. С. Пиголкин и др.) утверждают, что в целях укрепления социалистической законности, распространительное и ограничительное толкования должно применяться лишь в исключительных случаях.

Поскольку распространительное и ограничительное толкования не прием, а результат толкования, они долж-

¹ См. Н. М. Минасян. О распространительном и ограничительном толковании законов. «Теоретические вопросы развития государства и права». Ростов, 1961, стр. 61—62.

² См. Я. М. Брайнин. Советское уголовное право. Общая часть, вып. 1, стр. 178, 187.

³ См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона, стр. 282.

ны применяться не в виде исключения, а во всех случаях, когда они означают установление действительного смысла нормы и не только при явном несоответствии между смыслом и словами, но и тогда, когда несоответствие не бросается в глаза, не явно, а устанавливается путем анализа, подчас сложного. В целях укрепления социалистической законности надо всегда устанавливать действительный смысл нормы, а не только в исключительных случаях, не только при явном несоответствии норм и ее словесного выражения¹.

По тем же соображениям нельзя согласиться и с мнением М. Д. Шаргородского о том, что в большинстве случаев исключительные законы подлежат ограничительному толкованию, что законы, устанавливающие смягчение ответственности, например составы преступлений, в которых предусмотрена ответственность за данное преступление при наличии смягчающих обстоятельств, могут быть толкуемы распространительно, а законы, устанавливающие усиление ответственности, например квалифицированные составы, подлежат ограничительному толкованию, что изъятия из общих правил подлежат ограничительному толкованию. М. Д. Шаргородский оговаривается, что эти принципы не представляют собой абсолютных положений, а должны применяться в диалектическом взаимодействии с другими принципами и методами толкования².

Нельзя согласиться и с мнением А. С. Пиголкина о том, что не подлежат ни распространительному, ни ограничительному толкованию санкции. Во многих случаях отказ от толкования санкций привел бы к искажению воли законодателя. Например, ст. 24 Основ (ст. 26 УК РСФСР) определяет высылку как удаление осужденного из места жительства с запрещением проживания в определенной местности, а ст. 187 УК РСФСР наказывает самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания.

Однако нередко высылка назначается осужденному, не находящемуся в месте жительства, следовательно,

¹ П. Е. Недбайло правильно утверждает, что распространительное и ограничительное толкования не вносят никаких изменений в действительный смысл нормы (См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм, стр. 436).

² См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 167, 168.

он не удаляется из этого места, а нарушение ст. 187 УК РСФСР выражается в поселении высланного в местах, где ему запрещено проживать, но не в возвращении в эти места, где он может быть никогда не был. В этих случаях применяется распространительное толкование ст. 24 Основ и ст. 187 УК РСФСР.

Нет оснований считать, что ограничительное или распространительное толкование должно применяться в зависимости от перечисленных указанными авторами обстоятельств. Выявление смысла советской уголовно-правовой нормы, раскрытие воли законодателя является решающим принципом при их толковании независимо от того, относятся ли они к смягчающим или отягчающим обстоятельствам.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 сентября 1949 г. дал распространительное толкование понятию выпуска недоброкачественной, нестандартной или некомплектной промышленной продукции, образующего объективную сторону преступления, предусматривавшегося Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями¹ и основанной на нем ст. 128-а УК РСФСР 1926 г. Верховный Суд разъяснил, что под выпуском такой продукции следует понимать как сдачу продукции заказчикам, так и те случаи, когда продукция прошла отдел технического контроля и окончательно оформлена к сдаче².

А. С. Шляпочников справедливо считает это толкование расширительным, т. е. выходящим за пределы нормы. Заметим, что такое толкование указанного понятия выпуска исключает возможность для должностных лиц добровольно отказаться от передачи продукции заказчику или иным потребителям, хотя бы промышленная продукция еще лежала на складе, так как преступление считается совершенным уже в момент оформления продукции к выпуску. Между тем и после этого оформ-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 23.

² «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг.». М., Госюриздат, 1952, стр. 16. Распространительное толкование здесь вызывает серьезное сомнение.

ления любое из трех лиц, несущих ответственность по данной статье УК, может задержать выпуск продукции и, следовательно, он не будет совершен.

Другое распространительное толкование этого же закона, касающееся субъекта преступления, вполне соответствовало смыслу закона. Указ от 10 июля 1940 г. определил, что за предусматриваемое им преступление несут уголовную ответственность директор предприятия, главный инженер и начальник отдела технического контроля. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что по этому закону несут ответственность лица, которые по существу выполняют названные функции, хотя бы они и носили другое наименование, например начальника, председателя артели и т. д. В УК союзных республик 1959—1961 гг. соответственно изменен и текст статьи.

III. В советской юридической литературе не раз утверждалось, что распространительное толкование встречается гораздо чаще, чем ограничительное. Это, однако, очень сомнительно. Во многих случаях судебная практика и советская теория уголовного права специально предупреждают против распространительного толкования, когда оно не вытекает из смысла закона. Например, директива Пленума Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 21 июня 1935 г.¹ требовала не допускать привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в порядке расширительного толкования Закона от 7 апреля 1935 г., установившего перечень преступлений, совершение которых влекло ответственность с двенадцатилетнего возраста.

При ограничительном толковании закону придается более узкий, более ограниченный смысл, чем это следует из буквального текста закона.

Г. Гератс высказал интересную мысль, что ограничительное толкование получается путем привнесения в данное понятие новых признаков, что по существу означает конкретизацию понятия. При этом вскрываются специфические особенности реального явления, которые отличают его от того явления, которое ошибочно включалось в существующее определение понятия. Специфические особенности, пишет далее Г. Гератс, должны быть

¹ «Сборник постановлений и разъяснений Верховного Суда Союза ССР». М., 1936, стр. 14—18.

включены в существующее определение. Поэтому ограничительное толкование является толкованием конкретизирующим¹. Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 29 июня 1933 г. истолковал санкцию ст. 86 УК РСФСР 1926 г., предусматривавшую за незаконное производство рыбного промысла факультативную конфискацию орудий лова и судов, служивших для незаконного промысла со всеми их принадлежностями, в том смысле, что, разумеется, названные предметы, принадлежащие государственным трестам и колхозам, конфискации не подлежат.

Таким образом, ограничительное толкование добавляет здесь в санкции еще один признак — непринадлежность названного имущества Советскому государству, колхозу или общественной организации.

Такой же признак должен быть привнесен в санкцию ст. 21 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ст. 84 УК РСФСР), в которой в качестве дополнительного наказания за предусматриваемое статьей деяние (нарушение правил международных полетов) указана конфискация воздушного судна, неприменимая, разумеется, к советскому воздушному судну, всегда являющемуся собственностью государства.

Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 19 ноября 1928 г.² дал ограничительное толкование ст. 177 УК РСФСР 1926 г., которая предусматривала ответственность за оглашение изобретения до заявки без согласия изобретателя и за самовольное использование чужих произведений с нарушением закона об авторском праве. Пленум в соответствии со смыслом нормы указал на дополнительные признаки диспозиции, отсутствующие в тексте ст. 177, но отграничивающие названное деяние как преступление от гражданского правонарушения (умышленное видоизменение чужого произведения, злостное извращение или злостное использование чужого произведения).

Приведем еще случаи, когда по смыслу уголовного закона он требует ограничительного толкования.

¹ См. Ганс Гератс. Материальное понятие преступления и основания уголовной ответственности. «Государство и право в свете Великого Октября». М., ИЛ, 1958, стр. 245—246.

² «Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР». М., «Советское законодательство», 1932, стр. 307.

Статьей 210 УК РСФСР определена суровая уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и пороки. В силу ст. 10 УК РСФСР уголовная ответственность за такое преступление может иметь место при совершении деяния лицом, достигшим шестнадцатилетнего возраста. Хотя никаких исключений из этого правила не указано, однако ясно, что закон имел в виду вовлечение несовершеннолетних в преступления и другие пороки со стороны взрослых, достигших восемнадцатилетнего возраста людей, а не со стороны несовершеннолетних¹.

Ограничительному толкованию подлежат нормы УК об ответственности за недонесение об известных готовящихся или совершенных умышленном убийстве, изнасиловании при отягчающих обстоятельствах и некоторых других преступлениях. Бесспорно, что ст. 190 УК РСФСР не применяется к потерпевшим от этих преступлений, хотя никаких изъятий в законе не установлено.

Х. Распространительное толкование норм уголовного закона также нередко применяется в работах по советскому уголовному праву и в судебной практике. Приведем несколько примеров. Примечания к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР установили, что в этих и некоторых других статьях повторным признается преступление, совершенное лицом, которое ранее совершило какое-либо из преступлений, перечисленных в этих примечаниях с указанием соответствующих статей УК РСФСР. В практике возник вопрос, будет ли преступление повторным, если виновный ранее совершил такое же преступление, но предусмотренное статьями УК другой союзной республики. По буквальному смыслу указанных примечаний ответ должен быть отрицательным, но судебные органы вполне основательно давали распространительное толкование.

В постановлении от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» Пленум Верховного Суда СССР, признав видом пособничества заранее данное обещание

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 мая 1965 г. («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 8, стр. 5).

реализовать (приобрести или сбыть) похищенное имущество, тем самым дал распространительное толкование определению пособничества в ст. 17 Основ. Тем самым Пленум Верховного Суда СССР признал, что перечень видов пособничества, даваемый в этой статье, — примерный, а не исчерпывающий. Это соответствует смыслу статьи. Вместе с тем Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что под *заранее* обещанным укрывательством преступления надо понимать так же и обещанное, данное *во время* совершения преступления, т. е. так же дал распространительное толкование термина «заранее». Это соответствует смыслу закона, так как обещание, данное во время совершения преступления, способствует совершению преступления и потому является соучастием¹.

Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 12 декабря 1964 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей»² разъяснил, что члены колхоза и другие лица, реализующие на рынках колхозную продукцию по поручению колхоза, за обмеривание, обвешивание, обсчет и иной обман покупателей, несут ответственность по ст. 156 УК РСФСР.

Эта статья предусматривает ответственность за обман покупателей «в магазинах и иных предприятиях». Хотя по буквальному смыслу слова реализация колхозной продукции на рынке не является продажей в магазине или ином предприятии, несомненно, что закон имел в виду любой вид колхозной торговли, но выразил это недостаточно точно. В юридической литературе поэтому иногда высказывались и противоположные мнения.

То же постановление от 12 декабря 1964 г. наполняет конкретным содержанием понятие «иного обмана», известного ст. 156 УК. Но здесь нет элементов распространительного толкования. Распространительно толкуется в литературе и практике судебных органов РСФСР понятие грабежа с насилием (ст. 90 и 145 УК РСФСР); под насилием понимается как физическое насилие, так и угроза таким насилием. Распространительно толкуется понятие сокрытия следов преступления, как признак

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.». М., Изд-во «Известия», 1964, стр. 302—305.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 2

укрывательства преступления (ст. ст. 18, 189 УК РСФСР). Это понятие охватывает не только сокрытие следов преступления в буквальном смысле слова (например трупа, крови, следов или отпечатков пальцев), но и всякого рода улики, например документов, оброненных преступником на месте преступления.

Ст. 15 Основ определяет покушение как умышленное действие, но по единодушному мнению закон подразумевает и бездействие. Ст. 12 Основ, согласно которой лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности, следует толковать в том смысле, что она распространяется и на лиц, находящихся под воздействием наркотических веществ, т. е. понятие опьянения толковать распространительно. Вместе с тем эта статья не имеет в виду опьянение, наступившее вопреки воле лица, вследствие насилия или обманного применения наркотических средств, т. е. в этой части толкуется ограничительно.

Постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 30 марта 1963 г.¹ дано распространительное толкование ст. 211 УК РСФСР. К числу работников автотранспорта как субъектов предусмотренного статьей преступления были отнесены и трактористы, водители дорожных и других самоходных машин, совершившие при следовании по дорогам и населенным пунктам деяния, предусмотренные этой статьей УК.

XI. Распространительное толкование имеет некоторое внешнее сходство с аналогией. Однако различие между ними носит принципиальный характер. Распространительное толкование предполагает наличие нормы, недостаточно ясно или противоречиво выраженной в законе. Следовательно, такое толкование ничего не добавляет к закону, а лишь глубоко раскрывает его смысл.

Аналогия же предполагает отсутствие закона, пробел закона, который восполняется судом в пределах, дозволенных законодателем. При действии норм об аналогии советское законодательство (ч. 3 ст. 3 Основных начал 1924 г., ст. 16 УК РСФСР 1926 г.) допускало в виде исключения применение аналогии, когда совершено общественно опасное деяние, которое не преду-

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 5, стр. 3—5.

рассмотрено прямо уголовным законом, но имеется статья, которая предусматривает сходное по роду и важности преступление.

Таким образом, и при применении аналогии деяние должно было быть предусмотрено советским уголовным законом, но не прямо, а в общих, родовых чертах.

Аналогия была безусловно необходима в советском уголовном законе в первые десятилетия Советской власти. В то время нельзя еще было предусмотреть в законе все преступные деяния, в частности и такие, которые могут появиться в будущем¹. В настоящее время условия сохранения аналогии в уголовном праве отпали.

В других социалистических государствах, которые имели возможность использовать огромный опыт Советского государства, включение в уголовный закон норм об аналогии не было безусловно необходимым и некоторые из этих государств не включали таких норм.

Надо сказать, что в советском праве аналогия всегда предполагала достаточную полноту составов отдельных преступлений, наличие в уголовном законе Особенной части, предусматривающей почти все преступные деяния, конкретность отдельных составов и только в виде исключения, сначала сравнительно более частого, а затем более редкого, наказуемость общественно опасного деяния на основе сходства по роду и важности с деянием, предусмотренным уголовным законом. Применение аналогии в соответствии с общими принципами советского уголовного законодательства, действовавшего в 1922—1958 гг., отнюдь не было произвольным.

Материальное определение преступления как деяния общественно опасного создавало условия для правильного применения аналогии: оно признавалось возможным только при совершении общественно опасного деяния. При чисто формальном определении преступления, свойственном буржуазному праву, применение аналогии неизбежно сводится к произволу, так как признаки сходства в этом случае могут быть только внешними и формальными.

¹ См. доклад народного комиссара юстиции РСФСР Д. И. Курского на сессии ВЦИК в мае 1922 г. при рассмотрении вопроса о принятии Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (см. Д. И. Курский и др. Избранные статьи и речи, стр. 86).

Аналогия сыграла положительную роль в борьбе с преступлениями. В частности, некоторые статьи УК союзных республик, в особенности УК РСФСР 1922 г., были включены после того, как предусматриваемые ими общественно опасные деяния уже наказывались судами по аналогии (например, экономическая контрреволюция, пользование подложными документами, злостный неплатеж алиментов и др.). Руководящие органы советской юстиции с изданием УК ориентировали суды на то, что применение аналогии не должно быть частым. Циркуляр Народного комиссариата юстиции РСФСР 1922 г. № 48 в связи с введением УК в действие указывал на то, что аналогия должна применяться в исключительных случаях.

Безусловно, ошибочным было мнение некоторых авторов, будто аналогия присуща советскому уголовному праву, будто она вытекает из материального определения преступления¹.

В последние годы перед отменой аналогия со ссылкой на ст. 16 УК РСФСР 1926 г. и соответственные статьи УК других союзных республик применялась очень редко. Однако в некоторых случаях статья УК применялась путем распространительного толкования, хотя фактически имело место восполнение пробела закона, т. е. аналогия. Так, например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г., указывавшее на применение ст. 59³-в УК РСФСР в случаях нарушения работниками автотранспорта правил движения, повлекшего несчастные случаи с людьми или другие тяжкие последствия, означало применение аналогии, но без ссылки на ст. 16 УК РСФСР. Ст. 59³-в УК определяла ответственность за нарушения, совершаемые работниками железнодорожного и водного, но не автомобильного транспорта².

Хотя применение аналогии базировалось на материальном определении преступления и она ограничивалась рядом условий, все же при ее применении большое значение имела субъективная оценка прямо не предусмотренного уголовным кодексом деяния в качестве

¹ См. критику этих утверждений в кн.: А. А. Пионтковский. Учение о преступлении, стр 53—54.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1950, № 11, стр 1—2.

общественно опасного¹, и нередко столь же субъективное определение сходства совершенного деяния с преступлением, предусмотренным уголовным законом.

Основы 1958 г. установили, что уголовной ответственности и наказанию может подлежать лишь лицо, виновное в совершении общественно опасного деяния, прямо предусмотренного законом (ст. ст. 3 и 7 Основ). Это означало полную отмену аналогии уголовного закона (ст. 10 УК РСФСР 1922 г., ч. 3 ст. 3 Основных начал 1924 г.). В ст. 7 УК РСФСР и ряде других УК конкретизировано понятие преступления, причем внесено существенное уточнение, что преступлением является деяние, предусмотренное статьей Особенной части, так как и при наличии аналогии можно говорить о предусмотренности деяния законом, но статьей Общей, а не Особенной части.

Отказ от аналогии означал новый рост значения точного определения состава преступления в законе и усиление обязанности точного соблюдения норм уголовного закона (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел»²).

Надо заметить, что отказ от аналогии в советском уголовном законе означает в действительности уголовную ответственность только за действия, прямо и точно предусмотренные уголовным законом. Формальная отмена аналогии в уголовных кодексах многих капиталистических государств отнюдь не исключает ее фактического применения по ряду преступлений, когда это в интересах государственно-монополистического капитализма. Аналогия применяется путем «каучуковых» составов преступлений, безграничного расширительного, в частности так называемого «свободного» или «пязщного» толкования закона, либо путем применения закона, не имеющего никакого отношения к данному делу.

Полное исключение уголовной ответственности и применения уголовного наказания по аналогии означает

¹ См. А. А. Пионтковский. Учение о преступлении, стр. 53.

² «Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», стр. 170—171.

новый крупный шаг в деле дальнейшего укрепления социалистической законности и усиления охраны прав и свобод советских граждан. С введением в действие Основ 1958 г. уголовная ответственность возможна только за виновное совершение деяния, прямо предусмотренного еще до его совершения Особенной частью советского уголовного закона, которая теперь содержит, безусловно, исчерпывающий перечень преступлений.

Это столь важно для гарантии и охраны важнейших прав и свобод граждан, что, по нашему мнению, представляется целесообразным включить в Конституцию СССР статью примерно такого содержания: «Никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут уголовному наказанию, иначе как за совершение деяния, предусмотренного в качестве преступного и наказуемого уголовным законом Союза ССР или союзной республики, действовавшим во время совершения этого деяния».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая. Понятие и значение советского уголовного закона</i>	23
§ 1. Понятие советского уголовного закона	23
§ 2. Уголовный закон — источник советского уголовного права	39
§ 3. Уголовный закон и социалистическая законность	56
<i>Глава вторая. Виды, система и строение советских уголовных законов</i>	65
§ 1. Виды советских уголовных законов	65
§ 2. Система советского уголовного закона	72
§ 3. Строение советских уголовных законов	86
<i>Глава третья. Нормы советского уголовного права</i>	94
§ 1. Общая характеристика норм уголовного права	94
§ 2. Структура уголовноправовой нормы	112
§ 3. Содержание и назначение уголовноправовой нормы	130
<i>Глава четвертая. Общесоюзное и республиканское уголовное законодательство</i>	148
§ 1. Компетенция Союза ССР и союзных республик в области уголовного законодательства	148
§ 2. Общая характеристика общесоюзного уголовного законодательства	157
§ 3. Уголовное законодательство союзных республик	173
§ 4. Соотношение общесоюзного уголовного законодательства и уголовных кодексов союзных республик	180
<i>Глава пятая. Действие советского уголовного закона в пространстве</i>	195
§ 1. Общие вопросы действия советского уголовного закона в пространстве	195

§ 2. Действие советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных на территории СССР (основные вопросы)	198
§ 3. Действие общесоюзных и республиканских уголовных законов в отношении деяний, совершенных на территории союзной республики	210
§ 4. Место совершения преступления	217
§ 5. Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и других иностранцев, которые не подсудны по уголовным делам советским судебным органам	226
§ 6. Действие советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных за пределами СССР	235

Глава шестая Действие советского уголовного закона во времени 247

§ 1. Общие вопросы	247
§ 2. Начало и прекращение действия уголовного закона	249
§ 3. Время совершения преступления	260
§ 4. Обратная сила советского уголовного закона	265
§ 5. Действие во времени уголовных законов или статей уголовных законов о давности, погашении и снятии судимости, досрочном освобождении	280

Глава седьмая. Толкование советского уголовного закона 285

§ 1. Понятие и значение толкования уголовного закона	285
§ 2. Субъекты толкования и обязательность даваемого ими толкования уголовного закона	288
§ 3. Приемы толкования уголовного закона	293
§ 4. Виды толкования советского уголовного закона по объему. Толкование и аналогия уголовного закона	304

Дурманов Николай Дмитриевич
СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН
Тематический план 1966 г. № 118
Переплет художника *Е. А. Михельсона*

Редактор *В. Е. Квашиц* Технический редактор *Г. И. Георгиева*
Корректоры *С. С. Мазурская, В. П. Кададинская, Е. П. Утанина,*
Л. С. Клочкова

Сдано в набор 2/XI — 66 г. Подписано к печати 5/VII—67 г.
Л-42067 Формат 84×108/32 Физ. печ. л. 10,0
Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 17,78 Изд. № 109
Заказ 321 Бум. тип. № 1 Тираж 9550 экз. Цена 1 р. 27 к.

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы, Административный корпус.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы